

смена

июнь 6'05

74 Неподготовленные сюжеты

26 Закулисные интриги

148 Учеба за деньги?!

154 Затяни в будущее! 36 Кто же преступник?

Потала

стр. 4-9

45
главный редактор

Михаил Кизилов

зам. главного редактора

Тамара Чичина

Над номером работали:

Башнеев Мансим

Вартанян Галина

Исмагилова Олеся

Наличнина Людмила

Ним Александр

Молчанова Надежда

Подолян Кирилл

Подорванова Светлана

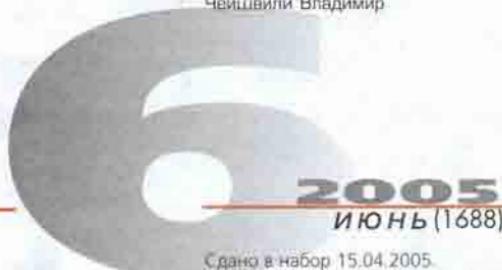
Сипанова Марина

Фоминова Светлана

Чайковский Владимир

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

Сдано в набор 15.04.2005.
Подписано к печати 18.05.2005.
Печать офсетная.
Заказ № 10447
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная.

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 19, стр. 2,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994

212-15-07 — для справок

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: jurnal@smena-id.ru

www.smena-id.ru

Отдел распространения

257-31-37,

sales@smena-id.ru

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Рег. № 014832.

Учредитель —
ООО "Издательский дом
журнала "Смена".

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и цветотделение
ЗАО "НИИ НИТ".

Отпечатано в ФГУП "Смоленский
полиграфический комбинат"
по адресу: 214020, Смоленск,
ул. Смольянинова, д. 1.

Журнал выходит
12 раз в год.

© "Смена", 2005.

наследие веков

Игорь Опарин
4 Потала

Ирина Опимах
10 Хусепе де Рибера

▼ стр. 174

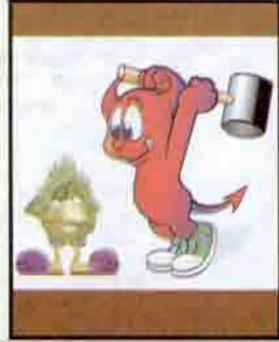
стр. 182 ►

издалека

Любовь Русева
26 За кулисами

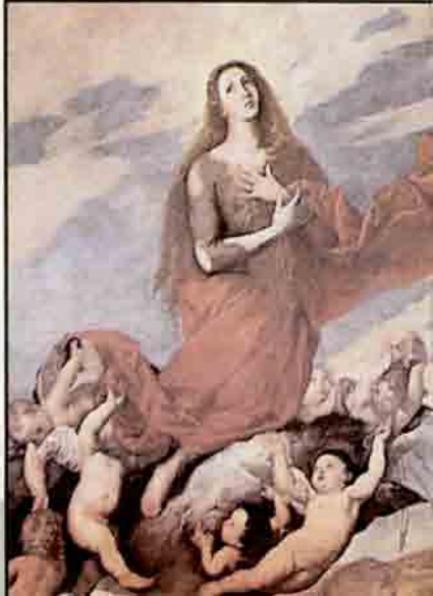
детектив

Джек Хиггинс
36 Любовник дождя

стр. 159 ►

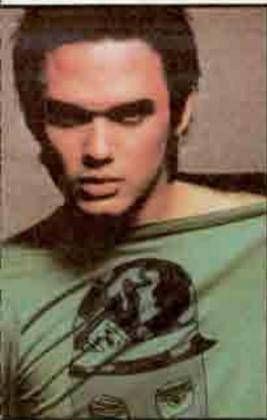
стр. 10 ►

житейские истории

Светлана Бестужева-Лада

118 Как в кино — не будет

◀ стр. 166

▼ стр. 26

молодой бульвар

Антонина Буданова

144 Девушка в форме

Людмила Григорьева

148 Отличный контракт

Александра Зотова

150 Как же нам не веселиться?

Римма Савичева

154 Будущее зависит от меня!

Екатерина Постникова

159 Свинья, которая

ничего не знает

Просто Кир

163 Обратный отсчет

Полина Швартлина

166 Путь без преград

Полина Теслер

170 Искусство наносить удары

Валерия Виленчик

174 Главный наряд лета

Ник Сигарищенко

178 Телеоборзение

Евгения Гордиенко

180 Он русский, это многое объясняет...

Максим Башкеев

182 Жизнь в стиле ретро

Светлана Бестужева

ОДИНОКАЯ ВОЛЧИЦА

В прошлом году в "Смене" публиковался первый роман дилогии "Компромат из компьютера", сейчас вашему вниманию предлагается второй — "Одинокая волчица". У главной героини Светланы после многочисленных драматических событий жизнь постепенно налаживается. Но... тут опять появляются не-предвиденные обстоятельства, во-ввлекающие героянью в цепь невероятных ситуаций.

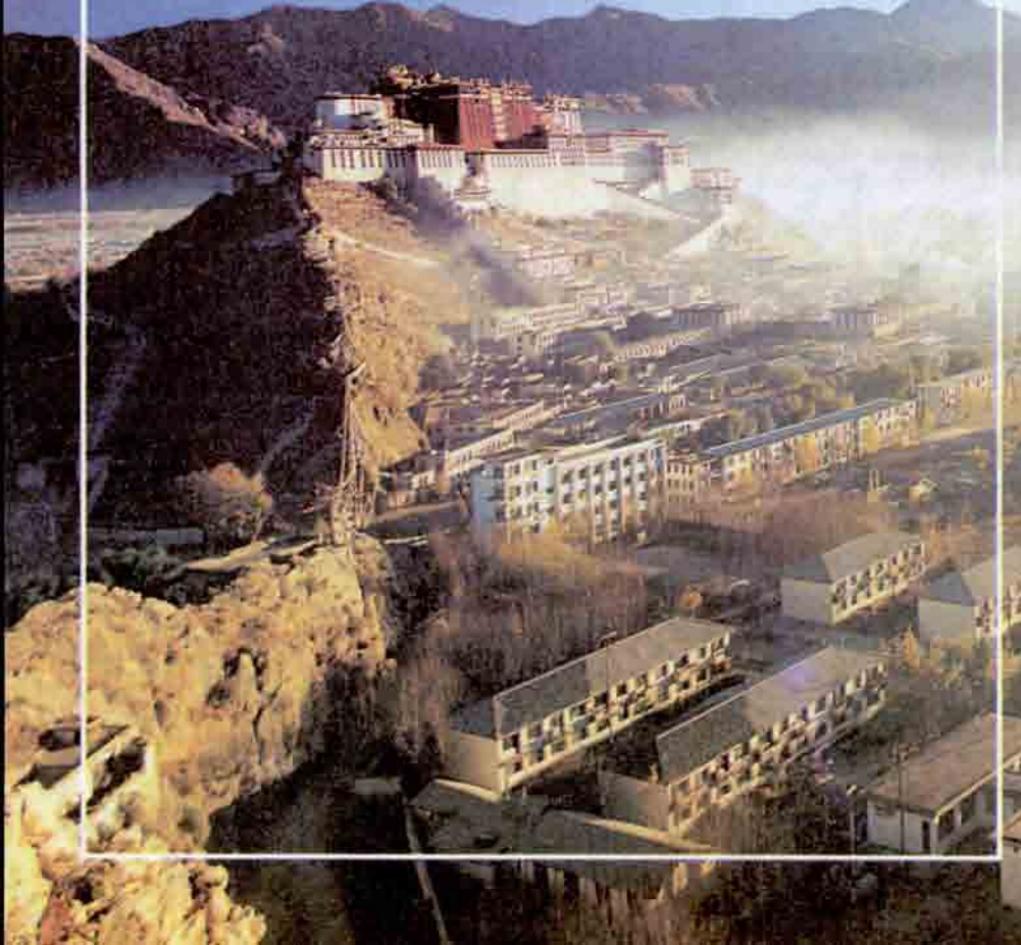
АНОНС: 7

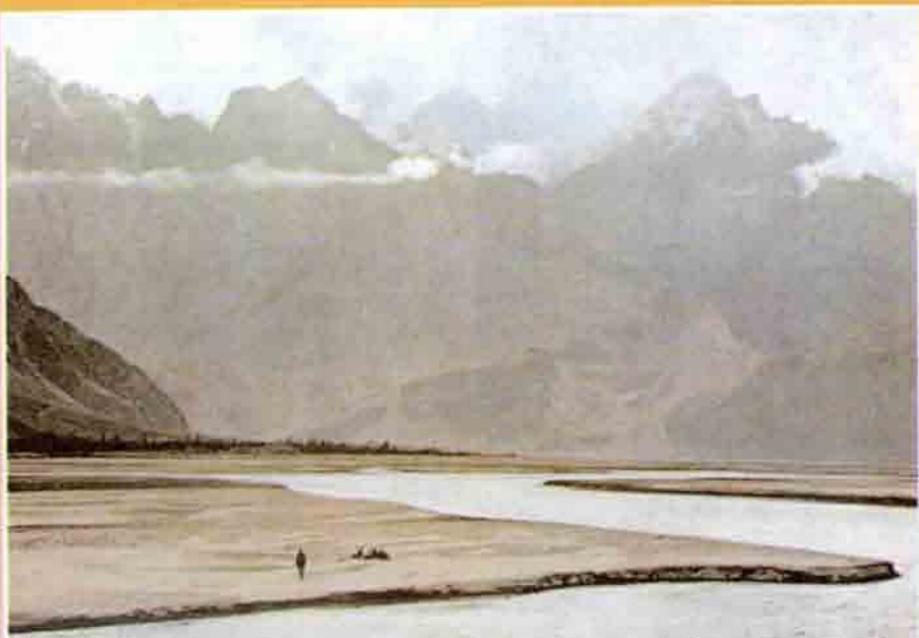
июль 2005

Потала

■ Дворец Далай-ламы в столице Тибета Лхасе, гигантская Потала, — один из самых замечательных и таинственных созданий архитекторов Востока. Тридцать этажей, около 1000 дворцовых помещений — этот невероятный комплекс тибетцы начали строить на склоне крутой скалы еще в VII веке. Высота дворца — 117 метров над Лхасой, а Лхаса расположена на высоте 3660 м над уровнем моря. Строители развернули здание в непривычном, вертикальном направлении, и, обращая взор на Поталу снизу — дворец виден из любой точки Лхасы — охватываешь глазом все это невероятное сооружение: колоссальный дворец с блистающими на солнце золотыми крышами, гениально вписанный в общий ландшафт величественных тибетских вершин, и тут уже просто невозможно не преисполниться сознанием величия богов и своим ничтожеством.

Тибет — удивительный, загадочный край. Не случайно сюда, на Вершину мира, стремились попасть самые разные люди. Среди них — и наши соотечественники: путешественник, ученый Николай Пржевальский, философ Елена Блаватская, художник Николай Рерих. И влекла их тяга к неизвестным, неизведанным местам, к красоте горных вершин, к обретению высшей мудрости — ведь именно там, в Тибете, находится легендарная Шамбала, страна мудре-

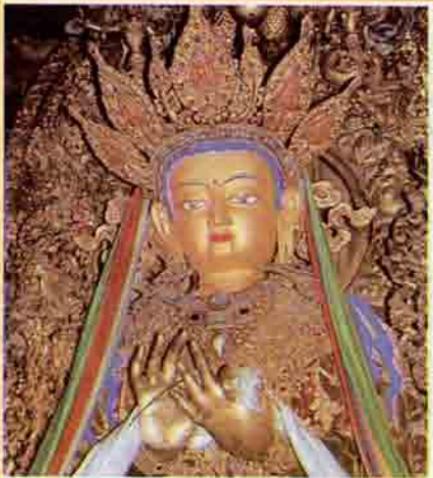
руженное горами. Потом море исчезло, и в лесах, выросших тут, появились первые звери. Ведьма скал Брангриимо полюбила царя обезьян красавца Брангриинпо, который был одним из воплощений Будды. Всеми силами старалась она возбудить ответное чувство в своем избраннике, однако тот не обращал на нее никакого внимания, поскольку принял обет безбрачия. Тогда оскорблённая Брангриимо заявила, что если он ее не полюбит, она сойдется со злым демо-

цов, духовный центр Земли, где мир людей соприкасается с Космосом...

Как рассказывают мифы, люди появились на Тибете очень давно, когда первый царь Тибета спустился с Небес по серебряной нити. По другим источникам, все происходило несколько иначе. Когда-то на месте Тибета было море, ок-

ном, и тогда весь Тибет заполонит их потомство — злые духи. Благородный царь обезьян не мог допустить такого и соединился с Брангриимо. У них родилось множество детей — обезьян, которые потом, научившись работать, выращивать хлеб, шить одежду, превратились в людей. (Теория происхождения видов, в

частности, человека, возникла задолго до Дарвина!)

В VII веке один из вождей местных племен по имени Сронцзан Гампо объединил их и стал первым тибетским правителем, основав династию Тубо (возможно, от этого слова и возникло название Тибета). В те времена тибетцы еще не умели пахать, взбивать масло и молоть зерно, а одежду шили из шкур. Гампо был умным человеком и понимал, что его народу будет только лучше, если он подружится с соседями-китайцами. И Гампо заслал сватов к китайской принцессе Вэнь Чен. Тогда Китай считался одной из самых развитых стран мира. Ка-призная принцесса согласилась стать женой тибетского царя, но при условии, что ей разрешат взять с собой все то, чего не было в Тибете, но было у нее на родине. И она привезла с собой ученых и мастеров, которые научили тибетцев ремеслам и наукам. Так говорит легенда. Правда это, или нет, но именно тогда, когда возникли связи между двумя народами-соседями, в Тибете появились ткани, и, конечно же, китайский шелк, бумага, керамика, плуг, чай и многое-многое другое. (Тибетские мастера многое почерпнули у китайцев — брак царя явно пошел его народу на пользу!) А еще китайцы познакомили тибетцев с буддизмом.

Царь Гампо возвел храм Джокан, куда поместил золотую статую Шакьямуни (Будды), привезенную из Китая Вэнь Чен. Тогда же буддизм объявили государственной религией. Буддизм, гибкое и подвижное учение, прекрасно усвоил местную религию Бон, благодаря чему тибетский буддизм постепенно приобрел особые, лишь для него характерные специфические черты, красочные ритуалы и обряды. Столицей царства Гампо стала Лхаса (Обиталище Богов) — город, раскинувшийся на высоте 3600 метров над уровнем моря. Начинается активное строительство. Главное — построить царский дворец, и вот на месте нынешней Поталы — на вершине Марпо Ри (Красной горы), вырастает прекрасное, величественное здание.

В XIII веке император Китая Хубилай завоевал Тибет.

Примерно в тот же период основатель ламаизма — тибетской разновидности буддизма — Цзонкаба, придумывает секту "гелюг-па", добродетельных, или "желтошапочников" (так их прозвали за приверженность желтым одеяниям буддистов) и провозглашает, что обязательное условие продвижения по пути спасения — непрерывная и прочная связь с учителем, высшим монахом — ламой (на тибетском лама — человек исключительной мудрости). В Тибете личность Цзонкабы по значительности сравнима с самим Буддой. Его зачатие и рождение сопровождались невероятными чудесами: он появился на свет с седой бородой, мудростью светились его глаза. И сразу же, только родившись, Цзонкаба стал произносить проповеди. Вскоре возник институт Далай-ламы — высшего ламы. (Далай — океан, то есть Далай-лама — человек, наделенный океаном мудрости.) Далай-лама считается живым воплощением Бодисатты Авалокитешвары, восьмирукого бога сострадания, практически достигшего нирваны, но сознательно не уходящего в нее, а остающегося с людьми, дабы помогать им продвигаться по пути спасения, избе-

гая грехов и храня добродетель. Фактически Далай-лама — живой бог, и любой предмет, к которому он прикасается, приобретает магическую силу. Однажды пятый Далай-лама решил отблагодарить своего наставника — ламу и объявил его Панчен-ламой, Великим учителем, ставшим вторым лицом в тибетской иерархии. Это случилось в XVII веке. И сейчас Панчен-лама, наставник Далай-лам, играет огромную роль в жизни тибетцев и всех приверженцев ламаизма и обладает почти такой же святыней, как и сам Далай-лама.

Цонкаба укрепил дисциплину монахов, ввел обет безбрачия и закон преемственности власти. В соответствии с буддийским учением о карме, переселении душ, было объявлено, что Далай-лама не умирает — просто его душа покидает бренное тело и переселяется в хубилганов, младенцев, чистых и безгрешных, родившихся не ранее 47 дней и не позднее двух лет после его смерти. Понятное дело, что таких мальчиков может быть много, как же найти того, в ком поселилась душа тибетского правителя? Ответ был найден: во-первых, с помощью гадания определялось направление поиска, затем составлялись гороскопы мальчиков-кандидатов, тщательно исследовались их тела — там должны были остаться следы их предыдущих жизней. А уж затем отобранные претенденты опознавали вещи и родных умершего Далай-ламы. Кто с этой задачейправлялся более успешно, тот и признавался Далай-ламой. (Если же это не получалось ни у кого, поиски продолжались.) А потом такого святого мальчика ждали долгие годы учения — он осваивал древние буддийские тексты, манускрипты, философские трактаты... До его совершеннолетия, 18 лет, страной правил регент. (Часто в истории Тибета случалось так, что Далай-ламы, не успев достичь совершеннолетия, умирали по "непонятным" причинам, и тогда правление регентов продлевалось. По-видимому,

причины смерти юных Далай-лам были кое-кому вполне понятны.)

Религиозные законы буддизма стали определять всю жизнь тибетцев. Не почитать Будду считалось преступлением. Каждая семья была обязана отдать в монах-ламы хотя бы одного сына. (Еще совсем недавно, в 1955 году, когда все население Тибета не составляло и миллиона, число монахов достигало ста пятидесяти тысяч! Особенно почитались ламы, жившие в расположенных недалеко от Лхасы монастырях Дрепан, Сера и Ганден — без их одобрения Далай-ламой не принималось ни одно решение.)

Прекрасно понимая, что религия, как ничто другое, поможет ему держать контроль над Тибетом, Хубилай привозит из Индии буддийские святыни, заказывает переводы священных книг на тибетский язык, основывает несколько буддийских монастырей. Одному из них, главному, поручено управлять всем Тибетом, а его настоятель становится не только духовным, но и светским правителем этого высокогорного края и получает титул Далай-лама. Своей резиденцией он выбирает Поталу, возвышающуюся над столицей Лхасой. С тех пор Потала — обитель тибетских Далай-лам.

Дворец разрушился и воздвигался вновь множество раз, а принял он совре-

менный вид в XVII веке, когда пятый Далай-лама приказал отстроить его заново, по сохранившимся фрескам. Работало тут более 7000 строителей. Получился дворец во дворце. Возведение внешнего, Белого дворца, названного так из-за побеленных стен, закончили в 1648 году. Внутренний, Красный дворец — его стены сделаны из красного камня — почти на пятьдесят лет моложе, он построен в 1694 году. Строительство велось несмотря ни на что, и даже когда пятый Далай-лама скончался, людям ничего не сказали, дабы не отвлекать их от работы — сначала сообщили, что Далай-лама заболел, а потом — "что удалился от мира и отныне посвящает каждую минуту жизни медитации".

Внутренние помещения дворца насчитывают около 1000 помещений. Это настоящий лабиринт из галерей, лестниц, переходов. Человеческой жизни не хватит, чтобы обойти их все. В Потале хранятся настоящие сокровища: почти 200000 бесценных статуй, древние манускрипты, картины и многое другое. Стены украшают мозаики, фрески и изысканная резьба. В Белом дворце жили монахи — тут располагались их кельи, служебные помещения, семинария, типография, тюрьма, комнаты персонала и приближенных пра-

вителя. В Красном дворце, центре Поталы, помещался зал для собраний, молельни, библиотека — богатейшее собрание рукописей, и зал жертвоприношений, ставший местом погребения нескольких Далай-лам — их забальзамированные останки хранятся в специальных погребальных ступах. Особен-но хорош сандаловый мавзолей пятого Далай-ламы. Высота этой золотой усыпальницы более 15 метров, а вес — 4 тонны. Гробница отделана бриллиантами, сапфирами, кораллами, жемчугом, и стоимость камней в десять раз больше стоимости золота, из которого она сделана. Кстати, только Далай-ламы и Панчен-ламы удостаиваются усыпальниц, дорогих, как правило, золотых, ука-рашающих молельные залы тибетских монастырей. Тела остальных тибетцев после смерти предают, в отличие от традиций других народов, не земле, а небу: тело умершего заворачивают в белые простыни и доставляют на ритуальное место; рядом зажигают костер и поливают его кровью яков и маслом; на дым слетаются грифы, которым дозволяется делать с трупами все, что птицам заблагорассудится. В конце концов от умершего остается буквально лишь мокрое место — так он уходит, причем весьма своеобразным путем, на небо.

Ламаисты верят, что умерший приносится в дар другим формам жизни.

В самой нижней древней части дворца — пещерном молитвенном зале — стоят статуи Сронцзана Гампо и его прекрасной супруги — китаянки Вэнь Чен.

Внутри Потала — суровая, мрачная, массивная. Крутые лестницы со стертными ступенями, узкие переходы, узкие окна в толстых стенах, низкие потолки, опирающиеся на резные колонны. Всюду — огромные, позолоченные лампады. Но снаружи, особенно издалека, дворец выглядит монументально, но вместе с тем изящно. Он необыкновенно величественен. Чтобы создать ощущение большой высоты, стены дворца строители наклонили немного вовнутрь, а окна, расположенные ровными параллельными рядами, покрыли черным лаком, при этом, чем выше, тем окна уже. И как же хороши его позолоченные крыши с башенками и шпилями! Тибетцы верят, что они отпугивают злых демонов...

С 1391 года и до 1951 года, когда Тибет оккупировали китайцы, власть в стране принадлежала Далай-ламам. 17 декабря 1933 года в Потале скончался предпоследний, 13-й Далай-лама. Его племянник, ставший регентом, тут же снарядил экспедицию на поиски Нового Далай-ламы. И наконец в 1937 году он был найден — им оказался Тэндзин Гьяцо, сын пастуха, сумевший опознать вещи 13-го Далай-ламы и назвать имена его родственников. Но чтобы стать Далай-ламой, он должен был еще пройти длинный путь познания — впереди его ждали 13 лет работы над древними буддистскими книгами, комментариями к ним и философскими трактатами.

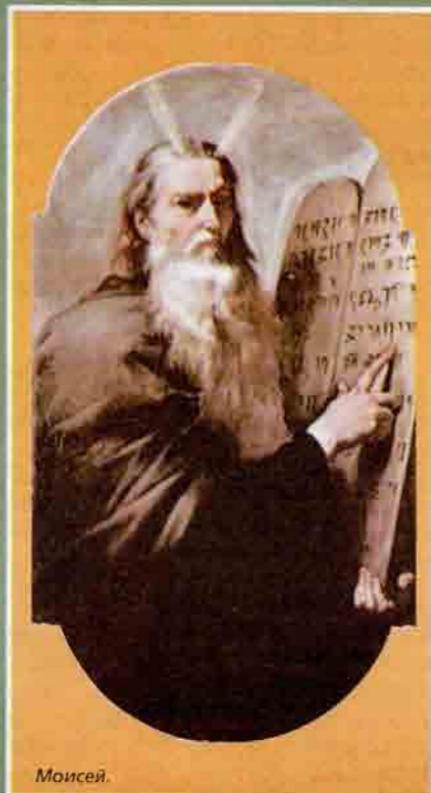
До 1951 года Тибет оставался последней в мире теократической монархией. Нынешнему, четырнадцатому, Далай-ламе в 1951 году исполнилось 15 лет. По совету своих приближенных, он заключил с Китаем новый договор, по которому его власть была существенно ограничена, и на Вершине мира — в 1953 году — появились китайские вой-

ска. В 1959 году в Тибете вспыхнуло восстание, жестоко подавленное китайцами. Лама вместе с преданными сторонниками бежал. С тех пор Тибет полностью управляет Китаем, а в 1965 году он стал Тибетским автономным районом Китая.

Далай-лама нашел пристанище в Индии, в городе Дхарамсала — его называют "маленькой Лхасой" — где создал тибетское правительство в изгнании. Далай-лама глубоко почитает не только тибетцами, но и во всем мире — он несет людям добро, любовь, справедливость и не приемлет насилие в любых его проявлениях. Он — автор множества философских трудов и автобиографической книги "Моя земля и мой народ", где высказывал глубоко гуманистические идеи о свободе, единстве человечества, об ответственности каждого человека за судьбы своей родины и всей нашей планеты. Далай-лама стал политической фигурой мирового масштаба, его принимали более чем в сорока странах. Правда, правители государств, которые дорожат отношениями с Китаем, встречаются с Далай-ламой не официально. А в 1989 году он был награжден Нобелевской премией мира за последовательность в отстаивании интересов и независимости — культурной, духовной и политической — народа Тибета.

В своем нынешнем виде Потала существует уже свыше трех веков, и на протяжении всего этого времени она была духовным центром Тибета, убежищем высших ламаистских монахов. И хотя Далай-лама здесь не живет уже более 43 лет, магия Поталы, ее власть над людьми не исчезает. И власть эта — власть божественной красоты, божественной силы и умения тибетских мастеров, создавших поистине чудо. И глядя на это высокогорное чудо, начинаешь верить, что Шамбала, страна святых мудрецов и умельцев, где-то рядом, наверно, они и помогли тибетцам возвесить Поталу... ■

Хусепе де Рибера

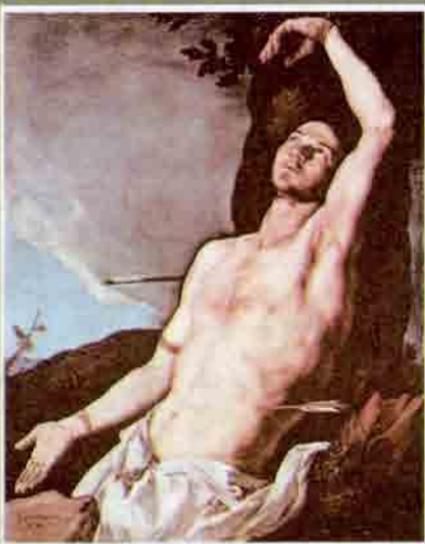

Моисей.

XVII век не принес испанцам ни больших политических, ни военных побед, ни особенных богатств. Это было суровое время. Мирская власть в стране принадлежит королю, а духовная — Церкви. Огромную роль играет ее полицейский аппарат — святая инквизиция, которая душит все светлое и свежее. Еще совсем недавно, в XVI веке, Испания — богатейшее, благодаря своим обширным колониям, государство в Европе, а теперь страна на грани банкротства. Ей еще принадлежат владения в недавно открытой Америке и в Европе — большая часть Италии и Фландрия, однако величие Испании уже в прошлом. Огромные средства, стекавшиеся в страну, тратились на непрерывные и разорительные войны. Народ нищал, разорялось мелкое дворянство, зато колоссальные золотые потоки шли в королевскую казну и в мешну служителей Церкви, которая становилась все более могущественным аппаратом подавления свободомыслия. Католицизм, суровый, не прощающий и не допускающий малейшего сомнения в своих догматах, пронизывал все стороны жизни народа. Казалось бы, у

этой страны нет будущего... Но у культуры, искусства своя логика развития, и XVII век станет временем невероятного взлета в испанской культуре, временем выдающихся свершений и в литературе, и в театре, и, конечно же, в живописи. Недаром это столетие очень скоро станут называть Золотым веком испанского искусства, а такие имена, как Рибера, Сурбаран, Веласкес по праву займут место в летописи мировой живописи рядом с именами великих мастеров Возрождения.

В этой замечательной плеяде испанских художников Рибера занимает особое место. Родившийся в Испании, но проживший почти всю жизнь в Италии, художник по духу совершенно испанский, но по живописному языку, выразительности и эмоциональности близкий

Святой Себастьян.
Святая Мария.

К итальянской живописи, он в равной степени принадлежит двум народам — испанскому и итальянскому. И как всякий крупный мастер — всему миру.

Хусепе де Рибера родился 17 февраля 1591 года в маленьком городке Хатива недалеко от Валенсии. Его отец, бравый офицер де Рибера, много лет служил испанскому королю в городах Италии. Наверное, в доме Рибера много говорили об этой прекрасной стране, где миром правит искусство и художники, и юный Хосе, не пожелав продолжить дело отца — защиту испанской короны, решает стать художником. Родители отправили сына учиться в Валенсию, в университет, а тот все бросил и устро-

ился учеником в мастерскую художника Франсиско Рибальты. Рибальта, каталонец по происхождению, был одним из самых известных художников того времени. Он мастерски владел приемами передачи светотени, которые чуть позднее блестяще развили итальянец Караваджо, и, несомненно, многому научил юного Рибера. В мастерской Рибальты собирались умные, образованные люди, прекрасно знавшие литературу, историю, вот и Хусепе, слушая и запоминая речи почитателей, учеников и коллег Рибальты, приобщается к знаниям — изучает латынь, античное искусство. Здесь, в мастерской учителя, он научился многому: овладел техникой рисунка, освоил передачу светотени, перенял у Рибальты умение ярко и выпукло передавать формы человеческого тела. Но мысль об Италии, об этой стране, где все подчинено Прекрасному, где живут и творят замечательные художники, стране, где до сих пор находят гениальные создания древнеримских мастеров, не давала ему покоя.

А кроме того, какие там красивые девушки! Наверняка отец рассказывал ему о своих итальянских приключениях... Совсем молодым — Хусепе 21 — он в 1613 году уезжает в Италию. И сначала, конечно же, в Рим. При этом в карманах у него абсолютно пусто.

Маленький, худой, нищий испанец — Спаньолетто, так его прозвали за тщедушность итальянцы — он где только можно ищет заказы на небольшие рисунки, а те гроши, которые получает, тут же тратит на еду и поездки в разные города Ита-

Портрет мужчины.

лии, где страстно, с огромным рвением и с присущим ему испанским темпераментом изучает работы мастеров Возрождения. Эти поездки не всегда проходят гладко — в дороге может произойти все что угодно, да и в самих городках его особенно не ждут. А однажды, когда он приехал в Парму изучать полотна Корреджо, местные живописцы, почувствовав в способном испанце возможного соперника, даже в открытую угрожали ему, требуя, чтобы тот уехал. И Хуанесе вернулся в Рим. Мелкие заказы и мелкие деньги, сегодня есть, а завтра — ничего. И никто из римских ценителей искусства не спешит взять его под свое покровительство — тут полно и местных, итальянских живописцев.

И тогда (около 1616 года) Рибера решает уехать в Неаполь. В конце концов Неаполь — это, конечно же, Италия, но Испания тоже — в то время город находился под властью испанского короля. Неаполь был завоеван испанцами еще в 1503 году, и по мирному договору, заключенному в Като-Камбрези в 1559, после шестидесяти пяти лет кровопролитных Итальянских войн, которые вели между собой Франция и Испания, Испании окончательно отошли Миланское герцогство, Сицилия, Сардиния и Неаполитанское королевство. Правил в Неаполе вице-король, которого присыпали из Мадрида. И вот, приехав в испано-итальянский Неаполь, Рибера на скромленные деньги снял маленькую каморку и на балконе выставил свою картину "Мученичество апостола Варфоломея" — пусть местная публика поймет, какой выдающийся мастер почтил своим присутствием их город! И действительно, неаполitanцы заметили картину, более того, о ней рассказали самому герцогу Педро Хирону д'Осуне, вице-королю, правителю этого южного города. А когда выяснилось, что талантливый художник ко всему прочему еще и испанец, герцог тут же решил сделать его своим придворным живописцем. И вот Рибера становится близким к герцогу человеком. Он получает весьма неплохое жалованье и апартаменты во дворце, а потом даже покупает свой дом.

В первые годы Рибера в основном занимался графикой. Выпуклые, осязаемые объемы, блестящие сделанные светотени, правдивость сцен, реальность обра-

Кающаяся Мария-Магдалина.

Поэт.

зов — Рибера уже настоящий мастер. Религиозный экстаз, жертвенность, при этом любовь к жизни, к человеку — основные идеи его работ. Попав в Неаполь, он переходит к живописи, которую любит и которой великолепно владеет. Его имя становится известным, более того, слава о Рибере доходит и до родной Испании. В 1626 году он становится членом Римской академии святого Луки. Прослышив о замечательном неаполитанском испанце, его посещает сам Веласкес. Восхищенный полотнами Рибера, Веласкес рассказывает о нем в Мадриде, и даже король Филипп IV теперь заказывает ему картины. Постепенно Рибера забрасывает свои холостяцкие привычки и становится почтенным сеньором, а женившись на очаровательной Катарине Аццолино, дочери неаполитанца, тоже художника, Джованни Бернардино Аццолино, становится своим и в среде неаполитанской богемы. Это случилось в том же успешном 1626 году. А уже через год счастливые супруги крестили своего первенца, Антонио Симоне. Катарина, дочь художника, сумела стать и женой художника. Она была не только верной супругой, родившей мужу пятерых здоровых и красивых детей, но и настоящим другом, лучше

Хромоножка.

Мученичество апостола Варфоломея.

Причащение апостолов.

всех понимавшей своего мужа — не простого, порывистого, темпераментного, порой нетерпимого, но такого талантливого и преданного искусству человека.

Начались самые светлые, самые плодотворные годы его жизни, годы, насыщенные творчеством, работой, годы успеха и признания. В своих картинах он, человек чести и глубоко верующий католик, говорит о том, что его волнует, что переполняет душу — о силе и духовном величии человека, о жертвах, которые приносятся во имя святой веры, о чистоте и героизме борцов за истину. Он — художник драматический, и на полотнах вдохновенно разворачивает картины трагических сюжетов из Нового и Старого заветов. Используя свое поразительное умение пользоваться светом и тенью, он выделяет лица главных героев, их глаза, в которых — нечеловеческая мука и готовность отдать жизнь за идеал. Его

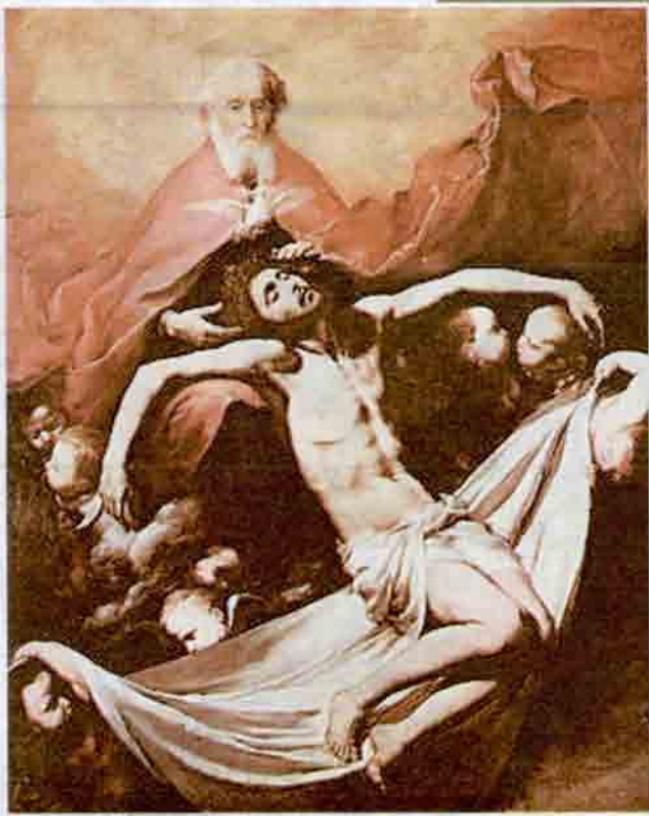
Святой Иероним.

картины эмоциональны и напряженны. С глубокой болью он пишет пронзенное стрелами стройное, такое юное тело святого Себастьяна, ("Святой Себастьян и Ирина"). А вот Святой Андрей ("Мученичество святого Андрея") — как упорно Андрей борется со смертью, как великолепно передает художник эту судорожную попытку святого освободить свое тело от пут, эту борьбу духа с ужасом смерти!

Но Рибера интересны не только такие, полные драматизма картины мученичества святых. Его занимает работа мысли, духовные искания, и он создает глубокие портреты великих философов античности ("Философ", "Диоген", "Сократ"). Особенно хорош Демокрит ("Смеющийся Демокрит") — он кажется немного нелепым, этот старик: жидкие волосенки, жалкая бороденка, впадая грудь, какие-то рубища, но зато какая у него улыбка! Улыбка все понимающего мудреца, хорошо знающего це-

Мужской портрет.

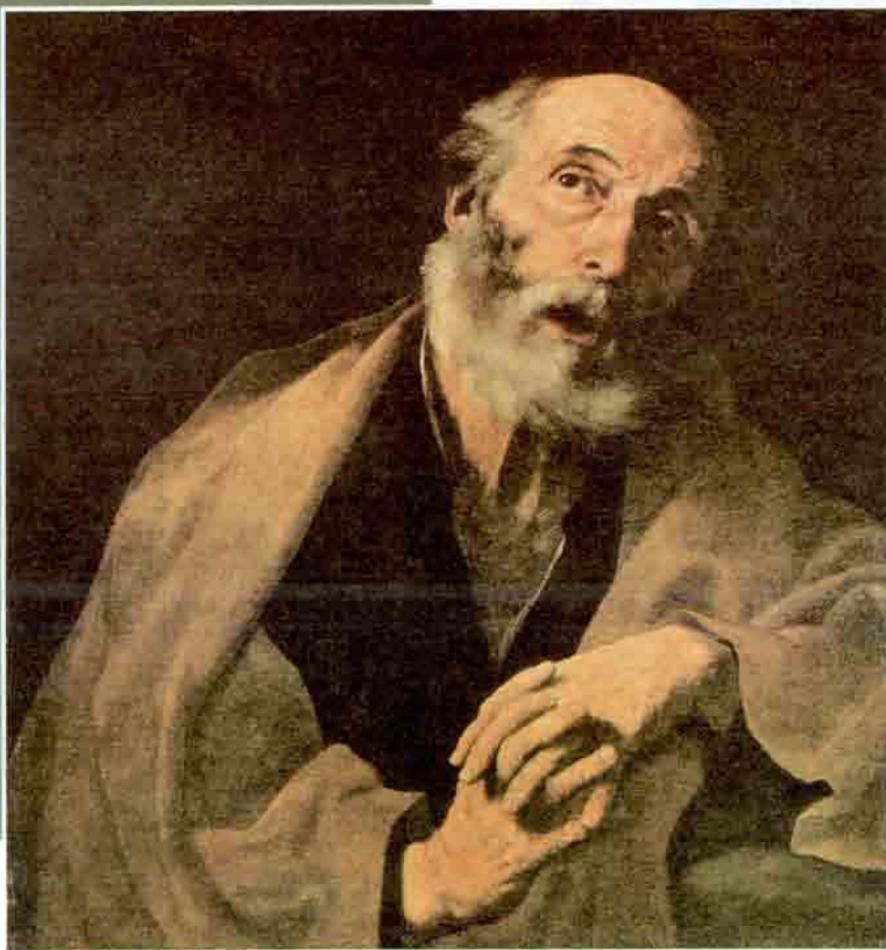

Святая Троица.

ну жизни и смерти... Рибера пишет смело, ярко, он такой живой, этот смеющийся Демокрит с тоской и усталостью в глазах.

А еще Рибера пишет портреты апостолов. А в качестве натурщиков берет простолюдинов, нищих итальянцев, бродяг, которых всегда было много в этом городе, где никогда не бывает зим. Вот Петр, седовласый рыбак с сильными, наружженными работой руками; на лице Андрея — следы тревог и забот, страданий и лишений. Старый, уродливый Варфоломей смотрит на мир умными, много повидавшими на своем веку глазами. Яков — суровый, строгий человек с испанскими чертами лица. Евангельские и библейские персонажи Рибера — обычные люди, с грубоватыми чертами, отнюдь не дворяне, но они обладают гораздо более важными качествами, чем аристократизм — мужеством, величием духа, гордостью, чистотой помыслов, готовностью жертвовать собой во имя Бога и святой Веры.

Во второй половине 1630-х годов в живописи Рибера появляются светлые, лирические краски. Постепенно исчезает резкость, чернота — по-видимому, успех, обеспеченность, благосостояние, спокойная семейная жизнь влияли на его настроение и мироощущение. И действительно, все складывалось совсем не плохо в жизни этого Спаньолетто. Правда, теперь его уже никто не называл

Святой Петр.

"Маленьким испанцем". Его имя знают по всей Европе. Ему покровительствует сам король Испании. Папа Урбан VIII присваивает ему звание кавалера ордена "Одеяние Христово". Нищета, преследовавшая его в молодости, теперь осталась лишь в воспоминаниях. У него богатый дом, красавица-жена, он — придворный художник, вполне светский, обходительный сеньор, умеющий расположить к себе людей. При этом никогда не заискивает перед властью имущими, и даже герцог Алькала упрекает его в нерадивости, замечая, что этот Рибера делает только ту работу, которую хочет. Он ни от кого не зависит — ведь его умение, его кисть подвластны лишь ему одному; он не стесняется в выражениях, порой дерзок, порывист и страстен. Глубоко, искренне верующий, как и все испанцы, истинный католик, изображавший на своих полотнах святых и мучеников, сам Рибера не отличался всепрощением, бескорыстием и добротой, особенно он суров с возможными соперниками — поговаривали, что он возглавлял банду местных живописцев, не подпускаяших приезжих художников из городов

Дузель Изабеллы де Каракци и Диамбре де Поттинелли.

Видение святого Бруно.

пользованием разных, не вполне благовидных средств, причем и таких, как яд и кинжал, была обычным делом.

В те годы, годы творческой зрелости, Рибера создает несколько поистине мировых шедевров, сцен из Священного Писания. Испанская культура в целом подчинялась Церкви и вере. Церковь являлась не только главным заказчиком, но и законодателем в искусстве той эпохи. Но и сознание художников того времени находилось в плена мистических, глубоко религиозных представлений. Вот и Рибера именно в жизни Христа, в жизни библейских персонажей находит Любовь, Радость, Жертву.

Северной Италии к выгодным заказам. Видно, он хорошо усвоил уроки, которые ему когда-то преподали его коллеги в Парме. Мир был так жесток по отношению к нему, почему же теперь, когда он, Рибера, стал сильным, спускать с рук посягательство каких-то проходимцев на его благополучие? Ходили слухи, что Рибера замешан в разных грязных историях — с отравлением Доминикино, с преследованием Гвидо Рени — тот даже вынужден бежать из Неаполя, не закончив заказанную ему картину. Признаться, никого это не удивляло, и авторитет Рибера ничуть не страдал — подобного рода сюжеты в те времена случались довольно часто, борьба с деловыми и политическими конкурентами с ис-

Святая Инесса.

венность. Страдание, но при этом герои художника принимают облик хорошо знакомых ему людей, в жизни которых происходят светлые события и страшные трагедии. Он пишет "Отдых на пути в Египет", "Исаак благословляет Якова", "Оплакивание", "Святое семейство". Используя композицию одной из гравюр Дюрера, Рибера создает абсолютно свою, яркую, выразительную, удивительно человеческую "Троицу". На коленях у Бога-Отца, мудрого, величественного старца, — голова Его мертвого Сына, тело Иисуса, измученное нечеловеческими, непереносимыми муками, поддерживают ангелы. Бог-Отец нежно гладит волосы

Сына, жизнью своей искупившего все грехи человечества — прошлые и будущие. А рядом парит белый голубь — святой Дух. Страдание Отца, потерявшего Сына, и вечная любовь, великая надежда, и свет будущего — все есть в этой великой картине.

В 1637 году Рибера пишет для монастыря Сан-Мартино "Оплакивание". Драматизм сцены подчеркивается тонкой игрой света и тени. И опять, изображая евангельскую сцену, Рибера рассказывает не только божественную, но и совершенно человеческую историю о том, как мать переживает гибель сына, страшную, мучительную. И вместе с тем художник показывает достоинство и мужество, с которым она переносит испытание, посланное ей Богом.

Для монастыря Сан-Мартино Рибера выполнил еще несколько работ, среди которых цикл монументальных полотен "12 пророков". Эти росписи очень хороши, недаром их сравнивают с фресками великого Микеланджело.

Художник пишет картины на разные сюжеты — тут и сцены различных чудес, чудесных видений, античные темы (правда, католик Рибера не приемлет язычество античного мира, а потому его герои тут весьма не симпатичны). А иногда у него появляются персонажи вполне реальные, те, которых он видит, выйдя за двери мастерской. Вот обезображеный неизвестно при каких обстоятельствах уличный бродяжка ("Хромоножка"), мальчик-калека, просящий подаяние, лукавый и неуважающий, а вот уродливый карлик ("Карлик с собакой") и странная бородатая женщина ("Женщина с бородой").

А между тем время шло, у Хусепе и Катарины подрастали дети, и он частенько просил их попозировать — для любого художника члены его семьи всегда самые послушные и доступные натурщики. Они были очень милы, все его дети, но особенно хороша оказалась Мария-Роза. И, конечно же, Рибера стал использовать ее в качестве модели. В 1641 году он был занят большой картиной "Святая Инесса", и Инесса, героиня популярной христианской легенды, приобрела черты юной дочери Рибера.

Жила в Риме в первые годы христианства (III век н.э.) девушка Инесса. Росла она в богатой семье, и нашли ей родители достойного жениха — юношу из знатного рода. Все складывалось хорошо, Инессу ждала достойная, благополучная жизнь, богатый дом, слуги, уважение. Но вдруг все изменилось — проникнувшись христианскими идеями, она стала христианкой, членом христианской общины и отказалась стать женой язычника. В те трудные для последователей Иисуса годы христиане подвергались страшным преследованиям, вот и Инессу арестовали. С нее сняли одежду и, обнаженную, бросили в тюрьму. Ее участь была решена — Инессу ждало поругание и смерть. Оставшись в темнице одна, девушка принялась страстно молиться, и — о чудо! К ней прилетел ангел и принес покрывало, и мгновенно выросшие волосы прикрыли ее наготу. Но от смерти ангел ее не спас — она умерла, а после, став святой, через восемь дней после казни явилась к людям в богатом одеянии и с агнцем в руках.

Рибера как художника интересует человек в минуту наивысшего напряжения физических и моральных сил. И он пишет Инессу в самый трудный момент — она одна, в темной камере римской тюрьмы, и ждет ее казнь, спасения нет. И только Бог, только Он способен помочь... Ее руки сложены у груди, волосы струятся по спине, глаза обращены к небу, вся фигуры Инессы молит о защите Всевышнего. Веря вселяет мужество, делает беззащитную, слабую девушку сильной. Краски прозрачны, легки, мазок свободен и гибок. Колорит основан на золотисто-коричневых тонах, с оттенками серого, палевого, розового. И удивительный свет, пронизывающий всю картину — он смягчает контуры и заставляет краски вибрировать. Грация,

Портрет музыканта

легкость, целомудрие Инессы с полотна Рибера так отличается от пышных, зрелых, чувственных форм героинь итальянских и фламандских художников. Образ Инессы, созданный Риберой, — один из самых пленительных женских образов мировой живописи.

Картина имела в Неаполе огромный успех, и, конечно же, ее покупает вице-король — отныне «Святая Инесса» украшает его дворец.

В 1647 году Неаполь бурлит — торговец фруктами Мазаньелло поднял народ на восстание против испанцев. Неаполитанское королевство играло большую роль в экономике Испании — дело в том, что испанцы обложили неаполитанцев огромными налогами. Они были разными — военные, на соль, пошлины на вывоз шелка, на продукты, вино, хлеб — практически на все, что производилось в королевстве. Неаполитанские власти нещадно пользовались трудом итальянцев и нисколько не стеснялись демонстрировать свое богатство. Так, герцог д'Осуна,

успешно, и не без скандалов, пополнивший свое состояние на посту вице-короля Неаполя, появился во время состязаний на копьях, устроенных при дворе испанского короля Филиппа III, в сопровождении сотни лакеев, одетых в голубые с золотом одежды, и пятидесяти военачальников в одежду из самых дорогих тканей, украшенной драгоценными камнями. Неудивительно, что, когда в Неаполе был принят еще и налог на фрукты, народ не выдержал, и под предводительством торговца фруктами Мазаньелло жители Неаполя и Палермо взбунтовались. Герцог д'Осуна был вынужден бежать, и восставшие смогли добиться отмены некоторых особенно возмутительных налогов. В это время Мазаньелло убили в Неаполе, и тогда его преемник Дженнаро Аннези попросил французов о помощи. Испуганные испанцы назначили нового вице-короля, который пошел на определенные компромиссы и договорился о мире с повстанцами. Восстание закончилось, но по Неаполю поползли слухи, что Рибера состоял в рядах "Отряда смертников", группы городских художников, среди которых был и известный многим Сальватор Роза. Предводителем смертников стал ученик Рибера Аньело Фальконе. Эти "смертники" творили по ночам страшные вещи и убивали всех, попадавших им под руки испанцев. Конечно же, Рибера не мог убивать своих соплеменников — он был настоящим испанцем, патриотом своей родины, но при этом, пользуясь своим положением при дворе, наверняка выручал из сложных ситуаций своих коллег-живописцев. А гнусные слухи о том, что Рибера сам убивал испанцев, распространяли его завистники, которых у успешного художника всегда было немало.

А между тем 15 октября 1647 года в город прибыл покорять бунтовщиков принц Хуан Австрийский II, незаконнорожденный сын короля Филиппа IV и актрисы Марии Кальдерона. Это был молодой (ему тогда исполнилось девятнадцать лет), избалованный вседозволенностью и вседоступностью человек, который привык, что все, что он хочет, попадает ему в руки. Приехав в Неаполь, Хуан, как и все принцы испанской короны, учившийся живописи, нанес визит самому знаменитому неаполитанскому художнику. Образованный, обходительный принц, легко и непринужденно рассуждающий об искусстве, интересующийся новыми работами художника, понравился Рибере. Но как же он ошибался, полагая, что принцем движет лишь интерес к живописи. Отнюдь не новые картины, не творческие планы Рибера занимали герцога. Больше всего ему хотелось увидеть его дочь, чей облик — прелестный, трогательный, невинный — ему был хорошо знаком по картине "Святая Инесса". Принц попросил Рибера написать его портрет и предложил художнику из соображений безопасности — ведь в городе было неспокойно, и любви к испанцам местные жители отнюдь не испытывали — переселиться со всей семьей во дворец вице-короля. Такая забота со стороны сына короля чрезвычайно тронула уже немолодого художника, и он решает воспользоваться любезным приглашением Хуана. Там, во дворце, и встретились блестящий герцог и дочь Рибера Мария-Роза. Со времени создания "Святой Инессы" уже прошло шесть лет, и Мария-Роза из милого подростка превратилась в настоящую красавицу. Попав во дворец, она закружилась в вихре балов и других светских развлечений. Подчеркнутое внимание Хуана так льстило воспитанной в католической строгости девушке, что она даже забыла наставления матери и полностью отдалась чувствам. И пока отец ее писал портрет герцога и, поглощенный работой, не замечал, что происходит за пределами его мастерской, Мария-Роза страстно полюбила Хуана и более того, наивная и неискушенная, она поверила в то, что и он так же искренне ее любит. А когда портрет герцога был закончен, Хуан, взяв его, уехал из Неаполя в Палермо, но

при этом вместе с портретом, написанным художником, прихватил и его дочь. Это был страшный скандал. Гордый Рибера смертельно оскорблен. Смириться и простить, забыть о бесчестье, о ране, нанесенной в самое сердце? Нет, он этого сделать не мог. И Рибера бросает мастерскую, должность придворного художника, уезжает из дворца, снимает какой-то дом в предместье Позилиппо, по дальше от этих лживых и порочных людей... Он не может работать, не может больше писать. А тогда для чего ему жить? И Рибера заболевает, он болеет тяжело, долго.

В 1649 году Веласкес во второй раз приехал в Италию. Конечно же, он не мог не посетить Рибера, которого глубоко уважал и картинами которого искренне восхищался. Горе Хусепе его потрясло до глубины души. Вернувшись в Мадрид, Веласкес решает отомстить герцогу, но что он может, такой же, как и Рибера, художник, зависящий от расположения короля и его приближенных, от их заказов и от их кошельков? Но все-таки Веласкес находит способ — он пишет портрет шута по имени Хуан Австрийский. Кривляка шут, убогий, глуповатый, в бархатном нарядном камзоле и в шляпе с перьями готов к развлечениям и похождениям, а в проеме двери виден залив, там идет сражение, там гибнут люди, но это нисколько не смущает "героя" Хуана, для которого понятие чести, достоинства, служения родине не значат ничего. Шут есть шут. В те годы не всегда приличные забавы герцога широко обсуждались в самых разных гостиных, и весьма прозрачный намек художника на незаконного сына короля Филиппа IV был сразу понят современниками.

Вскоре дочь Рибера, его любимая Мария-Роза, беременная и обесчещенная, вернулась домой. Принцу быстро наскучила преданная, глубокая любовь девушки, и он бросил Марию-Розу, найдя новую игрушку. В доме родителей она родила дочь, названную Маргаритой. Когда девочке было шесть лет, ее отдали в монастырь Лас Дескальсас, а потом, в 1666 году, постригли в монахини. Маргарита умерла в 1686 году — ей было тридцать шесть лет. За несколько лет до ее смерти монахини монастыря попросили художника К. Коэльо переписать лицо Богоматери в "Непорочном зачатии" Рибера — уж слишком Мария на картине, моделью которой была Мария-Роза, похожа на монахиню Маргариту.

Но это произошло уже после смерти самого Рибера. Хусепе де Рибера умер 2 сентября 1652 года, в своем доме Позилиппо, забытый, нуждающийся, никому, кроме самых близких, не нужный. Поговаривали, что после трагедии, случившейся с его дочерью, он перестал писать, ушел из дома, и даже пропал без вести. На самом деле Рибера никуда не уходил, и даже продолжал работать — искусство всегда помогало ему забыть о несовершенстве мира. Одна из его последних картин — "Кающаяся Мария-Магдалина". В заплаканных глазах Марии столько скорби, столько отчаяния... Рибера так и не смог пережить оскорбление, это надругательство над самым любимым, самым дорогим, самым святым в его жизни. Его здоровье и психика были надломлены, и умер он рано, в шестьдесят один год. А сколько еще замечательных картин он смог бы создать!

Так закончилась жизнь первого великого художника Золотого века испанской живописи, художника, чье творчество, глубоко испанское по своей сути, было щедро обогащено идеями, темами и образами искусства итальянского, что дало возможность Рибере занять уникальное место в мировой культуре. Недаром еще при жизни его имя было известно не только на родине, но и во многих европейских странах. Недаром и сейчас, спустя века, его полотна украшают лучшие музеи мира, заставляя зрителей сопереживать его героям и восхищаться мастерством великого художника — испанца Хусепе де Рибера.

За кулисами

иллюстрация Геннадия Новожилова

— Нет бога, кроме Островского, и пророка его, выше Садовского!

Эти слова Аполлона Григорьева передают суть рождения шедевра сценического искусства. Русский театр пережил немало счастливых периодов, когда творения выдающихся мастеров слова воплощались на сцене не менее выдающимися актерами. Не случайно очевидцы игры Щепкина в "Ревизоре" говорили, что не он исполнял роль Сквозника-Дмухановского, а Гоголь написал своего городничего с исполнителем. Слова Погодина об этом великом артисте, явившемся "достойным помощником, дополнителем и истолкователем великих мастеров сцены, от Шекспира и Мольера до наших отечественных писателей — Фонвизина, Капниста, Грибоедова, Гоголя, Шаховского, Загоскина и Островского", можно отнести не только к Михаилу Семеновичу.

Взаимоотношения писателей и артистов зачастую выходили за рамки постановочной работы. Они общались в салонах, были завсегдатаями "сред", "четвергов", "пятниц", "суббот", просиживали вечерами в популярной среди москвичей XIX века кофейни Печкина. В этом очаге культуры Белинский вещал о высоком предназначении театра, Герцен "расточал целые фейерверки" оригинального по тому времени взгляда на науку и политику. Здесь ораторствовал выдающийся знаток сценического искусства, любимец русской интеллигенции Сергей Андреевич Юрьев, которого называли королем Лиром, здесь спорили о сущности театра и копья ломали актеры.

В сороковые годы любимцем завсегдатаев артистической кофейни был и "безумный друг Шекспира" Павел Степанович Мочалов. Любил захаживать к Печкину и появившийся на московской сцене Садовский. Молодой актер обычно не участвовал в общих спорах, он либо играл на бильярде, либо "както очень умно слушал" других. Но популярность этого гениального исполнителя ролей в пьесах Островского стремительно росла, и вскоре, едва он переступит порог, как его приветствовали: "Милый наш Проша!" И тут же шла просьба:

— Пров Михайлович, голубчик, расскажи, как купцы говорят о "Гамлете".

Садовский не имел привычки заставлять себя уговаривать, а потому, удобно расположившись, сразу начинал:

— Идем, сударь ты мой, мы с Иваном Петровым мимо тиатера. Я говорю: "Иван Петров, загляни в объявленыце, Мочалов значится тут?" "Значится-с!" — говорит. "Захвати два билетика!.." Пришли-с... Занавеска еще не поднималась. Ради скуки по десяток яблочек склевали. Наконец дело пошло настоящим манером, и какую, я тебе, братец ты мой, скажу, эти шельмы-актеры штуку подвели... на удивление только!.. Кажут они нам лесище густейший, одно слово, роща целая, хоть на сруб покупай, и выходит в эту самую рощу принец, печальный-распечальный, как бы по торговле что случилось али с хозяинкой поразмовился. К нему является генерал. "Ваше высочество, — говорит, — здесь не-благополучно!" "Что такое?" — спрашивает принец. "Тятенька по ночам ходит!" А у принца, понимаешь, только перед тем родитель побывшился, шести недель не прошло. "По ночам, — говорит, — ходит!" "Не может быть", — говорит принец, и только он это слово сказал, смотрим, из-за одного пня мужище высокий лезет!.. Ну, как есть, я тебе говорю, живой человек, только что в саване да глоткой немного поосип!.. И прямо он подходит к принцу и начал он его костить: "Ты такой, этакий и разэтакий, мать твоя тоже такая!" Тот, братец, стоит, молчит; нельзя: хощь и мертвый, все-таки ж родитель!.. Накостили таким манером сына своего, этот самый мертвей стукнул об пол ногой и провалился сквозь землю. Принец видит, делать нечего, идет к матери. "Маменька, — гово-

рит, — так и так, тятечка по ночам ходит!" Но королева, братец ты мой, вольным духом это приняла. "Что же, — говорит, — вели тятечке кол осиновый по крепче в спину вкотлоти!" "В том-то и шутка, — говорит, — маменька, что это не поможет: тятечка-то немец!"

Неудивительно, что Островского после публикации его комедии "Свои люди, сочтемся" уволили со службы. Пьеса долго шла на сцену, но ее читали во всех слоях общества, читал ее в разных "салонах" и сам Александр Николаевич. Зато столь популярное творение "нового драматического светила" русской литературы очень не понравилось влиятельному московскому купечеству, обиделось оно и пожаловалось начальству. Пришлось Островскому полностью посвятить себя драматургии. Что называется, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Поведение зрителей и спустя четверть века могло поразить истинного театра, хотя "яблочки" ради скуки и не "сжевывали". О своих впечатлениях писала вернувшаяся из Франции актриса Апрелева: "После заграничных театров вся обстановка и сама публика казались мне довольно странными. Разговаривали громко, слышались хихиканья, восклицания... Кто-то из последних рядов крикнул на всю залу: "Марья Степановна, а мы потом в стукалку сыграем?..." Марья Степановна, сидевшая в первых рядах стульев, привстала, обернулась к вопрошающему и так же громко ответила. Домашний обмен мыслей перекрестьным огнем летал по зале до поднятия занавеса. Первое действие не сосредоточило внимания публики. Досадное покашливанье, сморканье, шарканье ног, скрип стульев, подавленный шепот не прекращались. Мне было жаль автора, скромно, безмолвно сидевшего рядом со мной".

Островскому и Писемскому — самым популярным авторам драматических произведений — повезло, что начинали они свой творческий путь, когда на московской сцене блистали Щепкин, Садовский, Сергей Васильев, Никулина-Косицкая... Но и многим актерам посчастливилось: они делали первые свои шаги, когда творили эти писатели, чьи произведения могли раскрыть силу их таланта. Слава некоторых непосредственно связана с Островским и Писемским. Александр Николаевич и Алексей Феофилактович по-отечески их опекали, шлифовали их дарование. И эти выдающиеся артисты зачастую открывали для самих авторов их герояев.

К одному из них относится Василий Николаевич Андреев-Бурлак, которого современники называли царем Пушкинского театра.

Сын симбирского помещика Андреева, после окончания гимназии учился в Казанском университете, но, не окончив его, поступил на службу в речной флот. Сначала Василий Николаевич плавал по Волге помощником капитана буксирного парохода "Бурлак" (откуда и его псевдоним), а затем капитаном пассажирского парохода.

Талант имитировать и импровизировать проявился в Андрееве еще в раннем детстве. В родном городе он выступал на любительских вечерах, а став капитаном, выступал на пароходе с юмористическими рассказами. Случилось как-то слышать в каютах-компании его анекдоты и рассказы из народного быта купца, большому любителю и знатоку театра. Потрясенный талантом капитана, тот стал уговаривать его:

— Василий Николаевич, голубчик, у вас Божий дар! Вы прирожденный актер. С вашей наблюдательностью, с вашим юмором и умением одной-двумя деталями выразить характер, воля ваша, но место вам не на палубе парохода, а на сцене.

Андреев вскоре последовал совету и дебютировал в Ростове-на-Дону. Это был талант широкого диапазона: он с одинаковой силой играл и комедии, и трагедии, и драмы, и фарс. В каждую роль он входил без всякого усилия, перевставал быть самим собой и весь жил в изображаемой роли. Играли Бурлак всегда, что называется, нутром, не на шутку волнуясь и всецело отдаваясь этому волнению, но при этом никогда не терял характерных черт изображаемого лица.

"Вообще Бурлак был художник-актер с головы до пят, — вспоминала основательница Пушкинского театра Анна Бренко, — яркий образчик, может, даже и сценической гениальности. И в то же время это был большая умница, человек огромной чуткости во всем, что касается сцены, интуицией он сразу угадывал многое, что всякому другому далось бы путем долгой и кропотливой работы. Публика во многих ролях прямо с ума сходила от Бурлака, и действительно, лучшего, более сильного и потрясающего исполнения многих ролей я ни у кого не видела".

Но были у него две особенности, которые порой приводили к конфликтам с писателями и коллегами.

Страсть к импровизации и богатейшая фантазия стали причиной того, что Бурлак вольно обращался с авторским текстом. Возможно, этому способствовало и то, что в провинции он играл главным образом характерные роли в комедиях, водевилях и опереттах. Но как бы то ни было, а отсебятина его ставила партнеров в затруднительные положения. Актерам порой приходилось самим переходить на импровизацию, поскольку Василий Николаевич, не знаяший и половины роли, мог разыграть целые сцены, которые и не снились автору.

Об этом писала в мемуарах знаменитая актриса императорских театров Анна Ивановна Шуберт — любимая ученица Щепкина. "Другой такой же экземпляр был, блаженной памяти Андреев-Бурлак — большой талант, но ролей положительно не мог учить. Раз в жизни мне пришлось играть с ним в театре Бренко в бенефис Стрепетовой. Он — Беневольский, я — Анна Андреевна. О Боже, что он говорил! что он говорил! "Матушка! Матушка!" — трепля меня по плечу, и даже по суплеру не мог. Бедный Киреев-Добротворский чуть не плакал от него. А я невольно любовалась им. Тип, грим, манера говорить, держать себя — художественна! Бери кисть и рисуй!"

"Я не знал других артистов, столь мало уважавших текст авторов, как покойные И.П. Киселевский и В.Н. Андреев-Бурлак, — вспоминает Михеев. — Дождаться от них хорошего знания роли, кажется, не мог ни один самый суровый режиссер. Но в то время, как Киселевский, с своим олимпийским спокойствием грансеньора, николько не смущался, если даже говорил на сцене чепуху, придавая ей даже как бы смысл чрезвычайно логической и убежденной интонацией, — Бурлак никогда не впадал в бессмыслицу..."

В бессмыслицу Василий Андреевич не впадал, и зачастую сыгранная роль была гораздо лучше того, что написал автор. Зрители не замечали импровизации, поскольку она почти не шла вразрез с авторским стилем. Но каково было таким мастерам бытового языка, как Островский и Писемский, "по языку дети старого прозаика-беллетриста Пушкина", когда превосходный исполнитель их драматического замысла изменял текст "бурлачими" словечками.

Дебютировал Василий Николаевич на московской сцене в "Лесе" Островского. На премьеру приехал автор. До Пушкинского театра пьеса шла в Малом. Актеры знали, что та постановка Александру Николаевичу не понравилась, потому и волновались. Бурлак играл Аркашу Счастливцева, Несчастливцева же —

его друг и не менее выдающийся актер Писарев. "...Бурлак, по обыкновению, роли не знает и играет от себя, не только вставляет свои словечки, но даже ценные сцены, — писала Анна Бренко. — Свертывает, например, Несчастливцев цигарку из бумаги, набивает ее табаком и закуривает, а Бурлак мигает ему и делает какие-то знаки. Писарев недоумевает, делает движения, чтобы подойти к Аркашке, и при этом отбрасывает закуренную цигарку. Вдруг Бурлак, как кошка, одним скакком подхватывает окурок и, затянувшись, с гордым видом начинает прохаживаться по сцене под гомерический хохот публики".

Успех спектакля был потрясающий. Счастливый Василий Николаевич, прощаясь с Островским, поинтересовался:

— Ну как, Александр Николаевич? Понравился ли вам ваш "Лес" у нас?

— Понравиться-то понравился, — улыбнулся драматург, — только играли вы не мой "Лес", а свой.

"Между тем целый ряд вставленных Бурлаком словечек и ремарок Островский после вписал в текст, и в новом издании они появились в печати", — пишет Анна Алексеевна.

Но черезчур смелая перефразировка текста Островскому была не по душе, и драматург во время представления покряхтывал да сутуло пожимал плечами. Можно себе представить, во что превратил роль Бурлак, если мягкий и деликатный Александр Николаевич как-то вышел из себя. Актер после спектакля по обыкновению поинтересовался его мнением по поводу игры.

— Хорошо, паря, хорошо. Да и как тебе хорошо не играть? Свое ведь играл.

— Как свое! — удивился Бурлак. — Вы хотите сказать, что по мне роль?

— Да по тебе всякая, — сыграешь всякую. Особенно когда на свои слова переложишь... И бог тебя знает: в чем у тебя больше таланту: в игре аль в языке? Хорошо, хорошо.

Когда Василий Николаевич переживал, его нижняя губа отвисала и нервно подрагивала, а после этих слов она вовсе уныло отвисла. Не меньше досталось от Писемского. "Горькая судьбина" прошла фурорно, шквал аплодисментов долго не затихал. Естественно, что артистам хотелось знать мнение автора. Поймав на себе ждущий взгляд Бурлака, Писемский его высказал:

— А ты, Вася, превосходно играл бурмистра... экую собаку изобразил... Только вот что, брат, у тебя, небось, книжки-то, пьески-то моей нет. Так я тебе пошлю. А ты бурмистровы-то слова, моего-то сочинения, вычеркни, да и впиши своего сочинения: больно хорошо ты их выдумал. Хлестко, больно.

И писатель тут заговорил с другими. "Бурлак за этим ужином был даже пьянее обычного", — вспоминает Михеев. — Видно было, что заливал хмелем искреннейшее глубокое огорчение русский, неведомо для себя нагревшийся, добрый молодец".

В конце концов, достал-таки он Островского, о чем потом сам написал: "Приехал к нему раз поздравить с праздником честь честью. Подали обильную закуску, вино. Закусили, выпили. Еще народ тут был.

Островский подходит ко мне с листом бумаги и просит подписать на бедность кому-то. Ну, думаю я, что-то некрасиво: напоил, накормил... и подписка! Неуместная филантропия! "Сколько же подписать?" — спрашиваю.

— Ах, это все равно. Нам нужна только ваша фамилия.

— А, только фамилия? Извольте! — и подписался крупно "Андреев-Бурлак".

— Вот покорнейше благодарю, я теперь спокоен, — сказал Островский.

— Что это значит?

— А вот читайте!

Перевернул страницу и там прочел: "Даю честное и благородное слово А.Н. Островскому выучить твердо роль Подхалюзина". Каково?! Нет, уж этого-то я никак не могу! Легче деньги отдать!"

Вторая особенность — его пристрастие к коньяку. Для него было законом выпить бутылку за спектакль. Но эта доза для Бурлака не доза, от нее он не только не пьянел, но даже не походил на выпившего. Зато вторая бутылка уже грозила большими неожиданностями. Тут он мог уже забыть и вторую половину пьесы, которую все-таки выучил. А поскольку его не зря называли царем театра, то этот самодержец в любую минуту готов был потребовать в буфете вторую бутылку. Пришлось Анне Алексеевне отдать строгий приказ ее не выдавать. Разразился, было, целый скандал.

— Я вам не мальчик, за которым нужно присматривать! Если мне немедленно не отпустят коньяк, я в следующем акте на сцену не выйду! И вообще при такой душающей атмосфере уйду из труппы.

Но Брэнко поддержал Писарев и другие актеры. В конце концов, Василий Николаевич смирился. Но искусство требует жертв, и Анна Алексеевна в одном случае уступала любимцу публики. Бурлак со Стружкиным в спектакле "Как ни быть, лишь бы жить" играли братьев Аникиевых. Загrimированные как близнецы, одинаково одетые, они блестяще разыгрывали сцену завтрака, ведя разговор о танцовщице. Но оба актера боялись, что хорошо сыграть могут сцену только при настоящем бифштексе и бутылке красного вина. В результате у публики разыгрывался такой аппетит, что в антрактах едва успевали удовлетворить всех проголодавшихся. Спектакль приносил буфету очень большую выручку.

Совершенно иной оттенок носило творческое взаимоотношение Островского и Писемского с другим любимцем публики — Писаревым, одним из самых образованных актеров своего времени.

Модест Иванович учился в 1-й московской гимназии, где на него большое влияниеказал преподаватель законоведения Аполлон Григорьев, через которого он и сблизился с Островским. Окончив юридический факультет Московского университета, Писарев, этот дворянин, красавец и умница ушел на подмостки. Артистическую карьеру его родня восприняла как трагедию, тем более, что он играл под своей фамилией.

Наделенный незаурядным умом, мощным темпераментом, красивым голосом и великолепными внешними данными, Модест Иванович создавал психологически сложные образы. В отличие от Бурлака, он каждую роль тщательно обдумывал и много над нею работал. Известность его началась также с "Леса" Островского, в котором так отличился Бурлак.

Коронной ролью Модеста Ивановича была роль Анания в "Горькой судьбине" Писемского. "Анания Яковleva Писарев играл так, что даже сама Мария Николаевна Ермолова пожелала играть с ним Лизавету; и еще в Соловьевском театре этот спектакль состоялся и прошел с колossalным успехом и даже триумфом". Но автор, впервые увидев своего героя в исполнении Модеста Ивановича, после первых сцен был шокирован.

— Ты позвероподобнее, позвероподобнее его изобрази, — окая, глухо зарыдал Писемский, втихомодействуясь в уборную артиста.

Писарев этим замечанием был совершенно смущен — совсем не зверя видел он в образе Анания. Но растерянность актера улетучилась, как только он снова вышел на сцену. Модест Иванович продолжал играть так, как чувствовал и понимал.

— Играй, играй, как знаешь... — радостно выкрикивал, смеясь наивным смехом ребенка, драматург в следующем антракте. — Ишь ты, и не зверь он во все... Хорошо, хорошо... умница...

От этой похвалы красивое лицо актера сияло такой же детской радостью.

— Хотите видеть маленького Мочалова? — зашел к Апрелевой Писемский. — О Стрепетовой слыхали?.. Нет?.. Едем сегодня в Художественный кружок*... Идет моя драма "Горькая судьбина".

Гениальная трагическая актриса была рождена для этих ролей. Родители ее не известны: младенцем ее подбросили провинциальному супферу, семья которого и воспитала девочку. Выросла Пелагея, или Полина, как она себя называла, фактически в театре и дебютировала в пятнадцатилетнем возрасте. Театрального образования Полина Антиповна не получила, но ее обучала замечательная актриса и педагог Анна Шуберт, а затем шлифовал ее талант Писарев. "Это была артистка громадного дарования, — вспоминает Бренко, — но какого-то особенного, нервного, почти истерического. Стрепетова была особенно сильна в патетических ролях, и, быть может, сама истеричность ее была причиной того, что она так легко заражала публику... Тратила она на такое исполнение столько нервной энергии, что после спектакля оказывалась совершенно разбитой и больной".

Актриса настолько выкладывалась, что в антрактах она обессиленно падала в кресло, которое ей едва успевали подавать. Но стоило ей услышать: "Полина Антиповна, сейчас ваш выход", как Стрепетова преображалась. В жизни она была нескладной и некрасивой, из-за искривленного позвоночника слегка горбатой. Но при первых словах ее на сцене все это куда-то исчезало. Силой таланта актриса заставляла забывать зрителей о дефектах ее фигуры, ее лицо светилось "чем-то таким, что делало ее обаятельнее всякой красавицы". Влияние Стрепетовой на публику было столь велико, что, по воспоминаниям современников, именно ее Лизавета в "Горькой судьбине" толкнула их "пойти в народ".

К своей любимице Островский и Писемский относились трогательно. Поэтому вряд ли ее гневливый нрав был причиной тому, что они ее не поучали, не высказывали никаких замечаний. Во время ее игры в пьесах Александра Николаевича у драматурга радостно светились прищуренные глаза, а Писемский только умиленно вздыхал и, пожимая ее руки, бормотал:

— Ох, Полина Антиповна, ох, ох, ох...

На сцене Стрепетова не играла, а жила, по-настоящему страдая. "Я помню двух больших артисток, продолжительно плакавших на сцене: Сару Бернар — в "Маргарите Готье" над письмом Альфреда и Стрепетову в "Горькой судьбине" при допросе ее мужа, убийцы ее ребенка. Сколько изящества и красоты вложила в свой плач Сара Бернар! Но как мелки эта красота и изящество в сравнении с глубокой потрясающей правдой всего, рыдающего по-бабы, томясь и причитая, существа Стрепетовой в пьесе Писемского. Это была одна из лучших ее сцен. И она особенно была выразительна рядом с величавой покорностью своей судьбе, своей каре, которую неподражаемо давал в этой сцене М.И. Писарев". /В.М. Михеев/

Чем сильнее захватывала роль эту гениальную актрису, тем больше после вдохновенной игры она ослабевала. Обычно после представления "Горькой

*В столицах были запрещены частные театры, поэтому Пушкинский театр стал называться таковым только после отмены "крепостного права" театров.

судьбины" она с другими актерами проводила вечер дома у драматурга. За ужином Алексей Феофилактович с супругой трогательно за ней ухаживали, и тем не менее с ней как-то случилась сильная истерика. Писатель, отличавшийся мнимой тщеславностью, настолько растерялся, что решил: приступ непременно закончится смертью. Он непрерывно приотворял двери в спальню жены, куда уложили Стрепетову, и с ужасом шептал:

— Что?.. Кончается?! Что же вы доктора не зовете?..

"Нелегко удалось успокоить Стрепетову, — вспоминает Апрелева, — но еще труднее было утихомирить Писемского. Стрепетова оправилась от припадка и вышла из него как бы обновленная. Выразительные глаза приобрели снова блеск, и губы порозовели.

— Вы думаете, куда она теперь поехала? — спросил меня Писемский, в волнении заходив по столовой, когда входная дверь замкнулась за Стрепетовой. — Танцевать поехала! — завопил он, останавливаясь передо мной. — Что вы смеетесь?.. Ведь это — безумие!.. После такой встряски на сцене и здесь, после истерики, всю ночь провести без отдыха..."

Как же был счастлив драматург, когда Полина Антипова и Модест Иванович обвенчались. Молодожены приехали в гости к нему.

— Здравствуйте, — радостно встретил он их. — Поздравляю! Любитесь, чай спервоначалу-то. Только трагической актрисе жить так нельзя.

— А как же, Алексей Феофилактович? — растерялась Стрепетова.

— Как же? О Рашели-то, чай, слыхали? Любовника б себе завели. А мало, — так двух. Да чтоб прощелыга какой попался, да увез бы вас верст за сто от губернского города, да бросил бы на постоялом дворе аль средь дороги. Да оттедова Христовым именем пришлось бы добираться до города. Ну, вот, тогда, конечно, поняли бы трагические положения. А то так-то что? Живете, как голубки, как же вам понять трагическое положение?

О том, как опекали и воспитывали актеров эти мастера драматического искусства, вспоминает в мемуарах и замечательная актриса императорских театров Анна Ивановна Шуберт. Эта любимая ученица Щепкина увлеклась модными идеями "хождения в народ", подаввшись порыву, решила бросить театр и посвятить себя исправлению нравов в России. Писемский, с которым она тогда больше всех общалась, злил ее своим безучастием к такому стремлению.

— Всякий гражданин обязан принимать участие в судьбах своего Отечества! — вещала актриса.

— Да успокойтесь, не горячитесь, не ваше это дело. Вы себе действуйте на сцене, за кулисами — вот ваша обязанность.

Встретив как-то на улице мужа актрисы, Яновского, Писемский ему сказал:

— Что это ваша жена сумасшествует, святую Русь хочет исправить? Не ее это дело.

Все-таки Анна Ивановна оставила театр, но вскоре в этом раскаялась, поскольку обездолила своих детей, и побежала со своим горем к Писемскому.

— Поступайте на сцену, а уже Россию оставьте в покое.

— Да как идти с повинной к Гедеонову? Пораньше утром, когда нет народу — муж дома, не пустит. Позднее — народу много, стыдно.

— Стыдиться нечего, хоть на площади подойдите: вы должны думать о детях, а не о своем самолюбии.

Анна Ивановна поступила, как посоветовал писатель, и снова к нему.

— Определилась! Как с мужем быть?

— Устроим!

На другой день приезжает жена Писемского — Екатерина Павловна, приглашает Яновского откусить и послушать новую повесть мужа. Тот клюнул и приехал. Среди гостей были Гончаров и Стакович. После чтения и обеда подали шампанское.

— За поступление одной артистки на сцену! — произнес тост Писемский.

— Какой? — поинтересовался Яновский.

— Это я, душа моя. Я не могу жить без театра: мне скучно.

— Ах, ангел мой! Я очень рад! Ты знаешь, как я люблю тебя на сцене.

Ну, дома был другой разговор, да ничего не поделаешь.

Очень сожалела Анна Ивановна, что Островского Питер долго не принимал — купеческие типы, столь близкие Москве, были не доступны пониманию петербуржцев.

— Помилуйте, — говорили, — герой пьесы — Любим Торцов, пьяница. Что же это за направление?

Проваливались пьесы ее любимого драматурга и из-за плохой игры актеров. Нравились они актеру Бурдину, он просил отдавать ему лучшие роли, и Островский, по своей мягкости, не мог отказать, а у того " страсть играть была смертная, а участь горькая. Жару, огня — бездны, но все это несуразно, нехудожественно, грубо. Приняли в это время красавицу Рулье, которая считалась образованной, потому что говорила на трех языках. Шутка ли?! Она была, однако, совсем дура: красивая, но бестолковая. Ей протежировал Адлерберг. Все приняли участие, учили ее, но ничего не вышло". Вот и пристала эта красавица к Александру Николаевичу, чтобы он позволил ей в "Василисе Мелентьевой" распустить волосы в последней сцене с Гроздым.

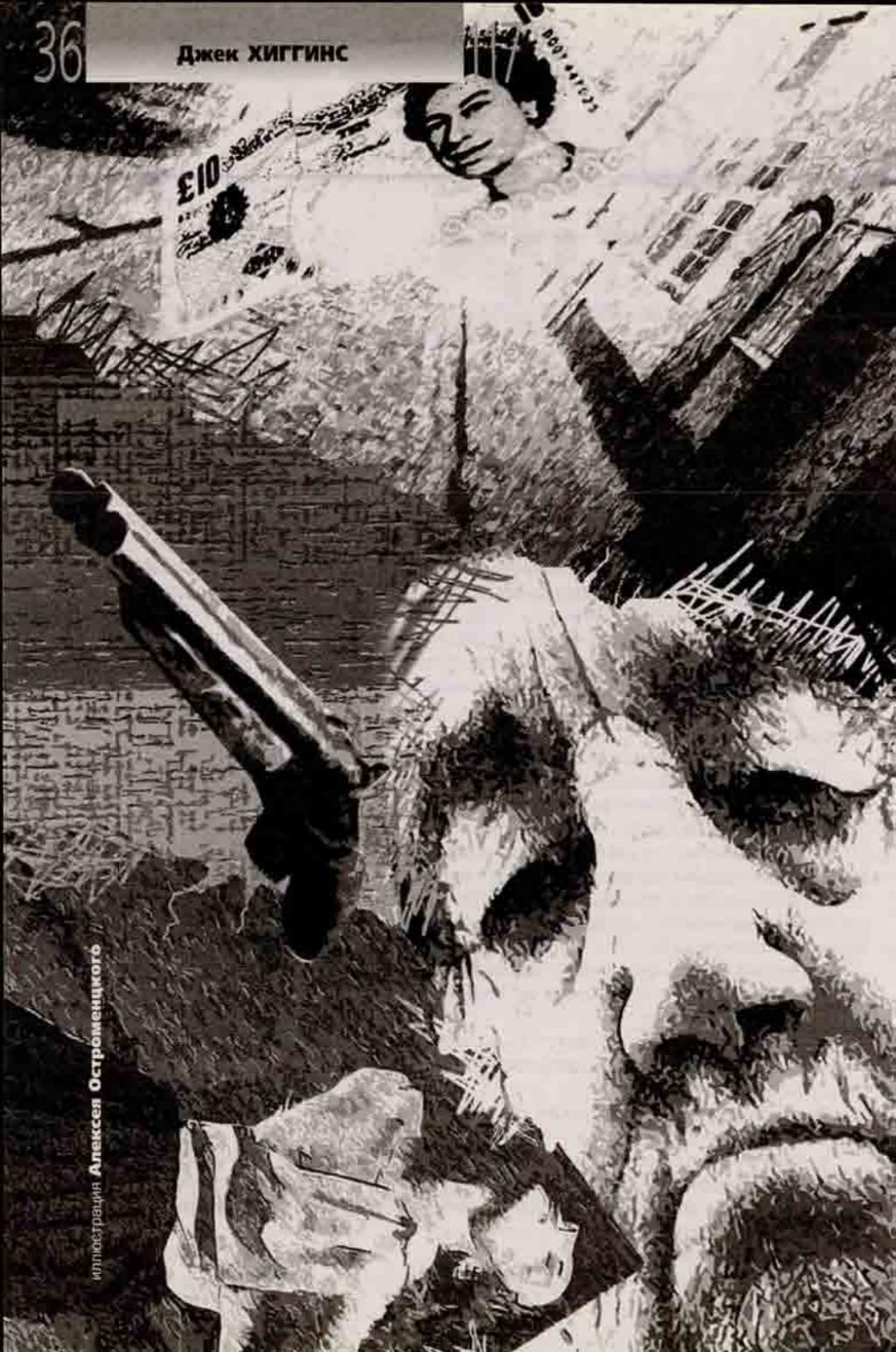
— Посмотрите, какая у меня коса!

Коса у нее, действительно, была почти до пят.

— Не могу, сударыня, — разводит руками автор, — Мелентьева замужняя женщина, а у русских женщин считалось позором опростоволоситься.

Но актриса не послушалась великого драматурга.

"Вообще, с каким-то умилением вспоминается теперь малословное, но иногда метко ядовитое учительство наших больших писателей по отношению к нашим даровитым артистам и благоговейное, хотя далеко не всегда рабски согласное, внимание последних к первым...", — писал Михеев. По словам мемуариста, их отношения друг к другу были проникнуты родственностью, единством психики. "И это глубокое родственное чувство, служившее для них тесною связью, часто проявлялось за кулисами хорошего бытового театра. Точно эти кулисы были маленьким теплым уголком обширной русской творческой семьи, с таким единством тогда владевшей нашими сердцами и умами..." ■

Любовник дождя

Пролог

Полицейская машина развернулась на углу улицы и остановилась у обочины рядом с фонарным столбом. Водитель, не выключая двигателя, с усмешкой обратился к пассажиру:

— Ты, верно, хотел бы, чтобы кто-нибудь другой дежурил в такую ночку, а?.. Но, прости, прости, ведь я забыл, что ты любишь свою работу...

Того, что ответил полицейский, Генри Джозеф Дуайр, лучше было не повторять вслух. Но когда он остался стоять в одиночестве у бровки тротуара, в своем шлеме и накидке, прислушиваясь к шуму удаляющегося в темноте автомобиля, его лицо приняло странно меланхолическое выражение. Дождь лил, не утихая, и в свете фонаря его серебряные струи каскадами обрушивались на асфальт. Дуайр повернулся и хмуро зашагал по улице.

Было только десять часов, а ему предстояло провести на дежурстве всю эту сырую и промозглую ночь. Уличка была пуста, поскольку с некоторых пор в ночное время в городе безраздельно хозяйничал страх, пробирающий даже такого бывалого парня, как Джо Дуайр. «Спокойно, приятель, — сказал он себе, — скоро со всем этим будет покончено».

Он остановился на углу и бросил взгляд на расположенный по другой стороне улицы бар — единственный оазис света посреди окружающей темноты. Перед началом дежурства не мешало бы промочить горло чем-нибудь горячим, к тому же ему нужно купить сигареты.

Внутри был только один посетитель — рослый, крепкого сложения мужчина в кепи и старом плаще. Он разговаривал с хозяином, Сэмом Харкнессом.

Дуайр подошел к дверям как раз в ту минуту, когда мужчина, бросив через плечо «Спокойной ночи!», наклонил голову, чтобы нырнуть под дождь, и потому столкнулся с полицейским.

— Поаккуратней, приятель! — буркнул Дуайр и тут же узнал его. — Ах, это вы, господин Фолкнер! Ну и паскудная же сегодня погодка!

Мужчина улыбнулся.

— Это точно. Я только на минуту выскочил за сигаретами. Надеюсь, что за работу в таких условиях вам платят в двойном размере.

— Ох, куда там!

Фолкнер исчез за стеной дождя, а Дуайр вошел внутрь, пробормотав:

— Однако он спешит...

Харкнесс налил в кружку чай, всыпал туда сахар и протянул полицейскому.

— Можно подумать, ты бы не спешил домой, в теплую постель, окажись на его месте! К тому же его, верно, дожидается какая-нибудь красотка в одном белье. Такой уж народ эти художники!

Дуайр рассмеялся.

— Ты просто ему завидуешь. Дай мне два десятка сигарет — тех, что обычно. Мне нужно иметь при себе что-то, что поможет перетерпеть эту чертову ночь. А у тебя как идет?

Харкнесс отсчитал ему сигареты и сдачу с десяти шиллингов.

— Если заработаю на бензин — и то хорошо.

— Ничего удивительного, что в такую ночь мало кто высовывается на улицу, — заметил Дуайр.

Харкнесс кивнул.

— Дело было бы не так паршиво, если бы хоть девочки гуляли. Но они теперь работают на дому, а у кого есть хоть немного мозгов, выставили у порога по амбалу. Этот сукин сын, Дождевой Любовник, на всех нагнал страху.

Дуайр зажег сигарету и прикрыл ее сложенной домиком ладонью.

— А ты не боишься?

Харкнесс пожал плечами.

— На кой я ему сдался! Но вот как баба в здравом уме может выйти из дома в такую ночь... — Он развернул вечернюю газету. — Полюбуйся: эту несчастную потаскушку он ухлопал прошлой ночью в парке. Пегги Нолан. Она много лет промышляла в нашем квартале. Маленькая симпатичная ирландка. За всю свою жизнь и мухи не обидела! — Харкнесс со злостью отшвырнул газету. — А вы там у себя, в полиции, что думаете? Кто-нибудь наконец почухается?

"Перепуганный обыватель ищет козла отпущения", — подумал Дуайр. Он загасил сигарету и ткнул окурок в пепельницу.

— Мы его поймаем, вот увидишь. Угодит в собственную ловушку. Эти, со сдвигом, всегда так кончают.

Однако это не прозвучало убедительно даже для него самого, а Харкнесс только фыркнул.

— Тогда скажи мне, скольких он еще укокошил, прежде чем вы его засадите?

Его слова преследовали Дуайра, как зловещее эхо, когда, рас прощавшись с Харкнессом, он шагнул за порог.

Бармен еще какое-то время глядел ему вслед, прислушиваясь к звуку удаляющихся шагов. Потом все стихло — будто полицейского поглотила темнота. Харкнесс с трудом подавил в себе чувство внезапно накатившего страха, включил радио и зажег трубку...

Джо Дуайр медленно шел вперед, и шум его шагов отдавался эхом от столпившихся на противоположной стороне улицы высоких викторианских домов. Время от времени он останавливался и освещал фонариком какие-нибудь ворота, а один раз даже обследовал черный вход в здание, где размещались contadorы оптовых продовольственных складов. Он продрог до костей, дождь затекал ему за воротник, а впереди было еще семь часов дежурства.

Машинистично Дуайр направил фонарик в конец улички Доб Корт, всего на какую-нибудь пару метров за угол, и замер. Потому что луч света упал прямо на черный кожаный сапожок, потом выхватил из темноты ноги, измятую, бесстыдно задранную юбку и, наконец, лицо молодой женщины. Ее голова, неестественно вывернутая набок, лежала в луже, а широко раскрытые глаза смотрели в пустоту.

Он побежал к телу, присел на корточки и осторожно коснулся щеки лежащей. Кожа была еще теплой, что в такую погоду могло означать только одно...

Но Дуайр не успел осмыслить ситуацию. Внезапно он услышал, как чей-то ботинок задел о камень, хотел подняться — и в это мгновение кто-то сбил с него шлем, а потом ударил по затылку. Полицейский вскрикнул и рухнул на тело девушки, чувствуя, как по лицу вместе со струями дождя стекает теплая, липкая кровь. На него на-

чала наваливаться темнота, он судорожно хватал воздух, пытаясь отогнать надвигающееся бессилие, потом сунул руку под накидку, где в нагрудном кармане лежала рация.

Но даже после того, как ему удалось сделать вызов, и он знал, что помочь уже в пути, Дуайр старался не поддаваться. Он уступил лишь в ту минуту, когда из-за угла улицы вылетела первая полицейская машина, и позволил себе потерять сознание.

1

Поздним вечером начал моросять дождь, который с наступлением темноты превратился в ливень. Принесенный ветром издалека, от самого Северного моря, он обрушился на крыши домов и забарабанил в окна студии скульптора Бруно Фолкнера.

Изнутри мастерская напоминала большую ригу, потому что когда-то в этом пятиэтажном викторианском особняке помещались магазины торговцев шерстью, позже переделанные под жилые квартиры. Сейчас единственным источником света в студии был огонь в камине, и пламя бросало зловещие отблески на четыре огромных скульптуры на подиуме против окна — последнюю работу Фолкнера.

Кто-то позвонил у входа: раз, потом еще раз.

Дверь в глубине комнаты открылась, и на пороге появился небрежно одетый Фолкнер, вид у него был помятый, как если бы он только что проснулся. Зевая, он на мгновение остановился у камина. Это был высокий, крепко сбитый тридцатилетний мужчина с тем дерзким и самоуверенным выражением лица, которое свойственно представителям богемы, полагающим, что Господь Бог, в отличие от простых смертных, создал их для высшей цели.

Когда позвонили в третий раз, скульптор с недовольной гримасой пошел открывать.

— Хватит трезвонить, слышу! — буркнул он, распахивая дверь. И вдруг улыбнулся: — Ах, это ты, Джек!

Элегантный мужчина, который, прислонившись к стене, нажимал пальцем на кнопку звонка, недовольно проговорил:

— Что так долго?

Фолкнер впустил его в мастерскую. Гость был примерно один с ним лет, однако выглядел моложе. На нем был вечерний костюм и наброшенный на плечи плащ с бархатным воротником.

Скульптор потянулся к серебряному портсигару. Джек Морган окинул его внимательным взглядом.

— У тебя ужасный вид, Бруно.

— Спасибо за комплимент, — проворчал Фолкнер, отходя к камину.

Морган посмотрел на маленький столик, где стоял телефон. Трубка была снята, поэтому он машинально положил ее обратно на рычаг.

— Я так и думал. Вот уже два часа пытаюсь к тебе дозвониться — и все впустую. Фолкнер пожал плечами.

— В последние дни я работал почти без отдыха. Так что когда закончил, снял трубку и завалился спать. А чего ты хотел, Джек? Что-нибудь стряслось?

— Сегодня день рождения Джоан. Ты забыл? Она прислала меня за тобой.

— Ох, Господи, напрочь вылетело у меня из головы! Теперь, должно быть, нет никакой надежды отвертеться?

— Боюсь, что так, — усмехнулся Джек. — Ведь сейчас только восемь.

— Скверно. Подозреваю, что Джоан, как всегда, пригласила одних зануд. И потом, у меня даже нет для нее подарка, — добавил он хмуро.

Морган вынул из кармана кожаный футляр и бросил его на стол.

— Жемчужное ожерелье... семьдесят пять фунтов. Я купил его у Хамберта и попросил, чтобы записали на твой счет.

— Тысячу благодарностей, Джек, — откликнулся Фолкнер. — Ты знаешь, это была самая каторжная работа, какую только можно вообразить! — крикнул он уже с порога ванной, в то время как гость прошел к подиуму, чтобы осмотреть скульптурную группу.

Это были символические женские фигуры, выполненные в натуральную величину в ранней манере Генри Мура. Но от композиции веяло чем-то жутким, и Моргану сделалось не по себе.

— Я вижу, ты добавил еще одну фигуру, хотя раньше говорил, что их будет три, — заметил он.

Скульптор покал плечами.

— Пять недель назад, когда начинал работать, я собирался ограничиться вообще одной. Но потом это стало разрастаться, и — что самое худшее — конца не видно...

Морган подошел ближе.

— Знаешь, Бруно, это великолепно. Лучшая вещь, которую ты когда-нибудь создал.

— А я не уверен. Мне кажется, чего-то еще недостает. Скульптурная группа должна быть идеально сбалансирована. Возможно, для этого требуется еще одна фигура.

— А если нет?

— Я сам не знаю, в чем тут секрет и когда будет хорошо. Просто чувствую, что пока работа еще не такова, какой должна быть. Однако скульптура может подождать. Пойду оденусь.

Он прошел в спальню, а Морган, закурив сигарету, крикнул ему вслед:

— Что ты думаешь о последней выходке Дождевого Любовника?

— Ты хочешь сказать, он ухлопал очередную девку? Сколько их уже?

— Четыре. — Морган поднял валявшуюся на стуле у камина газету. — Об этом должны были написать... — Он быстро просмотрел колонки. — Нет, ничего. Впрочем, это вчерашний послеполуденный выпуск, а жертву обнаружили только вечером.

— И где это случилось? — поинтересовался Фолкнер, надевая вельветовую куртку поверх рубашки поло.

— Неподалеку от Джубили Парк, — ответил Морган и, глянув на приятеля, скривился. — Ты, кажется, говорил, что собираешься одеваться?

— А чем я, по-твоему, занят? — буркнул Фолкнер.

— Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду.

— А ради чего выпендриваться — для этой кучки надутых снобов? Ни за что. Когда мы обручились с Джоан, она согласилась принимать меня таким, какой я есть. Так что пусть терпит... — Он накинул на плечи плащ. — Но прежде чем отправиться на это собрище, я должен чего-нибудь выпить.

— У нас нет времени, — сухо заметил Джек.

— Ерунда! Ведь мы будем в двух шагах от "Королевского Герба". А минутой раньше, минутой позже...

— Ладно, уговорил. Только помни: не больше одной.

Фолкнер улыбнулся, и неожиданно его лицо приняло совсем иное выражение, сделавшись молодым и симпатичным.

— Даю слово скаута! А теперь пошли.

Он выключил свет, и они вышли из мастерской.

Когда приятели добрались до "Королевского Герба", в баре было пусто, а хозяин, Гарри Мидоус, добродушный бородач, лет около пятидесяти, читал за стойкой газету. Увидев посетителей, он отложил ее в сторону.

— Добрый вечер, мистер Фолкнер. Добрый вечер, мистер Морган.

— И вам, Гарри, — откликнулся скульптор. — Пожалуйста, два двойных бренди. Но Морган запротестовал.

— Мне хватит и одного. Я за рулем.

Фолкнер достал сигарету и закурил. Тем временем Гарри Мидоус взял две рюмки, протер их и наполнил.

— Сегодня тут тихо, — заметил Фолкнер.

— Еще рано, — ответил Морган.

Хозяин поставил перед ними напитки.

— Помяните мои слова: нынче вечером много народа не наберется. — Он поддвинул к ним газету, чтобы можно было прочесть заголовок: "Дождевой Любовник снова вышел на охоту". Пока этот мерзавец на свободе, клиентов не будет. Он убивает всегда в дождь. И я хотел бы знать, что намерена делать эта чертова полиция.

Фолкнер отпил несколько глотков бренди и бросил взгляд на газету.

— Дождевой Любовник! А тот, кто придумал это прозвище, был парень с юмором.

— Держу пари, что издатель премировал его от щедрот своих пятьдесятю фунтами! — подхватил Морган.

— Очень может быть, что этот писака сам выбирается на охоту в каждую дождливую ночь и вносит свою лепту, чтобы у истории было продолжение, — усмехнулся Фолкнер, допивая бренди.

Гарри Мидоус кивнул.

— Признаюсь вам, что меня озабочивает, когда я об этом думаю. И вот что я скажу: сегодня ночью на улице не встретишь одинокой женщины.

В это мгновение, как будто опровергая его слова, двери распахнулись, и в бар вошла девушка лет девятнадцати-двадцати. Накрашенная ярко, даже вызывающе, она относилась к тому типу женщин, которые нравятся многим мужчинам, хотя известно, что такие быстро утрачивают свежесть и начинают выглядеть просто вульгарно. На девушке был черный непромокаемый плащ, короткая красная юбка и высокие кожаные сапоги. Окинув мужчин равнодушным взглядом, она прошла в дальний конец зала и уселась на табуретку. Потом закинула ногу на ногу, так что и без того короткая юбка задралась еще выше, достала из сумочки дешевую пудреницу и начала поправлять макияж.

— Одна все-таки нашлась, — вполголоса заметил Фолкнер.

Морган пожал плечами.

— Должно быть, она не читает газет. Любопытно, что сделал бы с ней Дождевой Любовник.

Фолкнер хохотнул.

— Не знаю, как там насчет Любовника, а я бы даже очень не прочь с ней развлечься.

Мидоус поджал губы.

— Учитывая род ее занятий...

Фолкнер вдруг оживился.

— Вы хотите сказать: она проститутка?

Хозяин бара сделал неопределенный жест.

— Ну...

— Да бросьте, Гарри! Девчонке тоже нужно что-то есть. Как говорится, живи сам и не мешай жить другим. — Фолкнер протянул бармену свою рюмку. — Угостите ее за мой счет, а мне налейте еще двойного бренди.

— Как вам будет угодно, мистер Фолкнер, — откликнулся Мидоус.

Он подошел к девушке и что-то ей сказал, а она, повернувшись, бросила взгляд на скульптора и кивнула в знак согласия. Когда Мидоус подал ей джин с тоником, Морган хлопнул приятеля по плечу.

— Нам пора, Бруно. Не влезай в историю. Мы уже и так опоздали.

— Ох, Джек, не будь таким занудой!

В это мгновение девушка подняла свой бокал. В расстегнутом плаще и короткой юбке она выглядела соблазнительно и возбуждающе. Фолкнер расхохотался.

— Что тебя так развеселило? — едко осведомился Морган.

— Я подумал, какой бы вышел номер, если бы мы захватили ее с собой.

— На прием к Джоан? Да ты спятил!

Фолкнер опять захохотал.

— Представляю себе мину тетушки Мэри, ее физиономию, морщинистую, как вяленая слива, и поджатые губы. Нет, это и в самом деле превосходная идея!

— И не думай, Бруно! Такое даже тебе с рук не сойдет.

Скульптор посмотрел на приятеля, и улыбка исчезла с его лица.

— Ты уверен?

Морган схватил Фолкнера за плечо, но тот вырвался и направился к девушке.

— Вы кажетесь такой одинокой, леди...

Девушка пожала плечами.

— Вообще-то, я кое-кого жду. — Она выговаривала слова, как уроженка Ливерпуля, но с легким ирландским акцентом, что звучало довольно приятно.

— И это кто-нибудь важный? — поинтересовался Фолкнер.

— Мой жених.

Фолкнер засмеялся.

— Ну, жених не в счет. Можете мне поверить. Я вот тоже обручен.

— В самом деле? — усмехнулась девушка. Возле нее, на стойке, лежала черная лаковая сумочка, украшенная большой блестящей буквой "Г".

Фолкнер поддел сумочку за ремень и вопросительно посмотрел на девушку.

— "Г" — а дальше?

— Грэйс.

— Чудесное имя! Знаешь, детка, мы с другом сегодня приглашены на прием. И я подумал, что, может быть, тебе захочется составить нам компанию.

— Да? А что это за прием?

— Ну, такая роскошная вечеринка... — Фолкнер указал на Моргана. — Вообще-то, на нем более подходящий к случаю костюм.

На этот раз девушка не улыбнулась.

— Звучит заманчиво. Ладно. Сегодня Гарольду придется удовольствоваться выпивкой в одиночестве. Впрочем, он должен был быть тут к половине восьмого.

— Но ведь и тебя в это время здесь не было, правда?

Девушка сстроила удивленную гримаску.

— А если и так — что с того?

— Ничего, кроме того, что ты девочка как раз в моем вкусе. — Фолкнер взял ее под руку и подвел к Моргану, который наблюдал за происходящим с принужденной улыбкой.

— Хорошо. Я — Джек, а он — Бруно. Сам бы тебе не представился.

Грэйс подняла брови.

— Почем ты знаешь?

— Печальный опыт.

— Идемте, — поторопил их Фолкнер. — Поговорить можно и в машине.

Когда они были уже у выхода, двери опять распахнулись, и на пороге появился парень в твидовой куртке с дешевым меховым воротником. У него были длинные темные волосы и узкое бледное лицо, на котором застыла раздраженная гримаса. Он уставился на девушку.

— В чем дело, Грэйс?

Она пожала плечами.

— Мне жаль, Гарольд, но ты опоздал. Теперь у меня другие планы.

Она хотела пройти вперед, но парень схватил ее за руку.

— Это еще что за штучки? — прошипел он.

Фолкнер небрежно отодвинул его в сторону.

— Не распускай лапы, приятель.

Охваченный яростью, Гарольд замахнулся, и, если бы удар попал в цель, последствия были бы фатальными, но Фолкнер успел перехватить его руку и приемом ай-кидо опрокинул на пол. При этом на его лице не дрогнул ни единый мускул.

— Поскули, щенок.

Грэйс хихикнула, а обеспокоенный хозяин бара поспешил вышел из-за стойки.

— Прошу вас, господин Фолкнер, довольно.

Скульптор отпустил Гарольда, который безуспешно пытался подняться. Его лицо было перекошено от боли, на глазах — слезы.

— Ах ты, проклятая сучка! Ну и убирайся ко всем чертям! Чтобы я тебя больше не видел!

Грэйс пожала плечами.

— Как хочешь, Гарольд.

Фолкнер опять взял ее под руку, и они вышли, смеясь.

Морган повернулся к бармену.

— Мне жаль, что так получилось, старина.

Гарри Мидоус кивнул.

— Ваш друг такой, какой он есть, мистер Морган. Однако, сами понимаете, скандалы мне ни к чему.

Морган тяжело вздохнул и вышел, в то время как Мидоус занялся Гарольдом, который стоял, растирая покалеченную руку, с лицом, искаженным болью и ненавистью.

— Ты сам напросился, парень, а этого человека лучше не задевать. Мой тебе совет: не заводись с ним. А теперь пойдем, налью тебе стаканчик.

— Да заткни его себе в задницу, старый козел! — заорал Гарольд и, в бешенстве хлопнув дверями, выскочил на улицу.

2

Детектив, сержант полиции Николас Миллер, с усталым лицом спускался по лестнице в выложенный кафелем холл Марденовского Отделения Центрального госпиталя. Он остановился, чтобы закурить, и в это мгновение через застекленную дверь кабинета его увидела медсестра из ночной смены. Подобно многим женщинам ее возраста, она питала слабость к симпатичным молодым мужчинам. А Миллер особенно ее заинтересовал, поскольку его неанглийская шляпа и темно-синий шведский плащ были интригующей заграничной нотой, не свойственной людям его профессии. Впрочем, было бы трудно вообразить чело-

века более не похожего на стереотипное представление о полицейском, чем Николас Миллер.

— Каким вам показался сегодня мистер Грант? — спросила медсестра, выйдя из своего кабинета.

— Старик очень нервничает. — Миллер улыбнулся, у него была открытая и симпатичная улыбка. — И явно мучается сомнениями.

Инспектор Брюс Грант, шеф местного отделения уголовной полиции, в начале недели попал в автомобильную катастрофу и очутился в больнице с поврежденным тазобедренным суставом. Это было некстати, потому как именно сейчас он был занят расследованием самого важного за всю его профессиональную деятельность преступления. И уж совсем некстати, поскольку дело передали старшему инспектору отделения уголовной полиции Скотланд-Ярда Джорджу Мэллори, который был призван в качестве эксперта в связи с петицией общественности, обеспокоенной тем, что Джедовой Любовник все еще разгуливает на свободе.

— Знаете, сестра, полицейские не любят, когда чужаки вторгаются на их территорию. И Брюс Грант, старая ищечка, расценивает как личное оскорбление, что этим делом будут заниматься люди из Скотланд-Ярда. Кстати, Мэллори был здесь сегодня?

— Да. Но он хотел видеть только инспектора Крейга, и я не думаю, чтобы заглядывал в палату к мистеру Гранту.

— Он бы ни за что этого не сделал. Они друг друга не выносят. Поэтому единственным утешением для Гранта служит то, что Крейг был вместе с ним в машине, когда произошел несчастный случай. Так что Мэллори придется в одиночку барахтаться в этом пекле. А каково состояние Крейга?

— Неважно, — ответила сестра. — У него серьезная травма черепа.

— Ну и поделом. Нечего было соваться в наши края.

— Не говорите так, сержант. Я тоже прожила около двадцати лет в Лондоне, прежде чем перебраться сюда.

— Не буду, не буду! А то вы уже, верно, подумали, что к северу от Хай Бэрнта в проезжающих мимо швыряют камнями.

Он лукаво улыбнулся, а медсестра сказала:

— У вас совсем другой вид, когда вы улыбаетесь. Но они вас замучают. Признайтесь, когда у вас в последний раз был выходной?

— Выходной? Да вы шутите! Но сегодня я свободен. До шести утра. Я, правда, приглашен в гости, но ради вас готов отказаться.

Она не смогла скрыть удовольствия, однако легонько подтолкнула его к дверям.

— Нет уж. Я женщина серьезная, замужняя.

— Тогда я ухожу, — ответил Миллер. — К сожалению, мы не всегда вольны делать то, что нам хочется. — Он еще раз улыбнулся и вышел через турникет.

Медсестра постояла еще немного в полумраке, прислушиваясь к затихающему в отдалении шуму автомобиля, потом вздохнула и, вернувшись на свой пост, взялась за отложенную было книжку.

Ник Миллер видел Джоан Хартманн всего однажды, на приеме у своего брата. Обстоятельства этой встречи были довольно необычны. Ник уже спал, когда неожиданно явился брат, разбудил его и в категорическом тоне потребовал, чтобы он немедленно оделся и пришел к нему на ужин. Ник, который без отъяха провел на ногах почти тридцать часов, согласился с крайней неохотой. Однако его настроение изменилось, когда брат сообщил, что речь идет о том, чтобы составить компанию кинозвезде. Она играла роль знаменитой женщины-адвоката в сериале, который дважды в неделю заставлял зрителей с бьющимся

сердцем замирать у экрана. Было похоже, что ее жених, тоже приглашенный, уже не появится, что, разумеется, целиком меняло дело. Ник собрался за три минуты.

И не пожалел. Джоан Хартманн, в отличие от большинства актрис, оказалась не просто обаятельной женщиной, но также интересной собеседницей. Ее заинтриговало, что элегантный и симпатичный брат хозяина дома — офицер полиции. Впрочем, это был всего лишь приятно проведенный вечер и ничего больше, поскольку разговор шел, в основном, о женихе мисс Хартманн — скульпторе Бруно Фолкнере, сопровождавшем актрису во время ее поездки на север.

Ник Миллер не принадлежал к числу мужчин, которые стали бы попусту тратить время. Однако приглашение на день рождения к Джоан Хартманн, хотя и было неожиданным, пришлось весьма кстати. Ему не помешает немного развлечься, со вкусом поесть и выпить, ну а потом домой, в постель... а, может быть, и не в свою? Ведь с этими актрисами ничего нельзя знать наперед, и, возможно, ему повезет...

Джоан Хартманн занимала квартиру на последнем этаже элегантного жилого комплекса в Дэрехэм Корт, неподалеку от дома Миллера. Он припарковал свой зеленый "мини-купер" на стоянке внизу. Из полуоткрытых окон доносилась музыка. Ник поднялся на крыльцо и вошел в холл.

Дверь ему открыла сама Джоан. Высокая, элегантная блондинка в изящном брючном костюме из черного бархата — она выглядела в точности, как ее героиня из телесериала. Ника она приветствовала так сердечно, словно он был самым близким ей человеком на свете.

— Ох, Ник, дорогой! А я уже боялась, что тебе не удастся вырваться.

Миллер снял шляпу и плащ и отдал их горничной.

— Ты почти угадала. Сегодня у меня первый свободный вечер за две недели.

Джоан понимающе кивнула.

— Я предполагала, что ты сейчас должен быть очень занят. — Она повернулась к стоящему рядом импозантному седому господину с бокалом в руке. — Познакомься, Фрэнк, — это Ник. Он детектив. Впрочем, ты знаешь его брата, Джека Миллера, директора Северной Телестудии. Ник, это Фрэнк Марлоу, мой импресарио.

Марлоу улыбнулся.

— Очень приятно, — у него был едва заметный американский акцент. — Не далее как вчера я имел удовольствие обедать с вашим братом и еще парой человек в Мидлэнде. Сейчас я организую вам что-нибудь выпить.

Когда Марлоу отошел, Джоан взяла Ника под руку и подвела к софе у стены, где сидела почтенных лет дама, одетая в платье из серебряной парчи. Оказалось, что это тетушка Джоан, миссис Мэри Бересфорд. Когда Джоан представляла ей Ника, он с трудом подавил желание иронически прищелкнуть каблуками и чмокнуть протянутую ему руку. Было ясно, что вечеринка будет совсем не такой, как он себе воображал.

— Ну, так что там с Дождевым Любовником, сержант Миллер? — спросила Мэри Бересфорд.

— А что, собственно, с ним должно быть?

— Я хотела бы знать, когда вы, наконец, намерены его схватить? Ведь вас там для этого, должно быть, больше, чем достаточно.

Ник сокрушенно покачал головой.

— Вы совершенно правы. Но, увы, мы очень ловко выписываем штрафы за нарушение парковки, однако совсем не пригодны для поимки психопатов, которые разгуливают по улицам дождливыми ночами и убивают женщин.

— А почему вы позволяете себе дерзить, молодой человек? — холодно осведомилась Мэри Бересфорд.

— О, простите! У меня и в мыслях не было вас оскорбить.

Рядом с ними появилась обеспокоенная Джоан в сопровождении Фрэнка Марлоу.

Ник Миллер с доверительным выражением наклонился к пожилой леди.

— Видите ли, мэм, проблема такого рода дел заключается в том, что убийцей может оказаться каждый. — Он обвел рукой гостей. — Любой из здесь присутствующих. Вот хотя бы мистер Марлоу. — Внезапно его голос приобрел официальный тон. — Не будете ли вы так любезны сообщить нам, чем были заняты вчера между восьмью и девятью часами вечера? Но мой долг предупредить вас, что все сказанное вами может быть занесено в протокол и обращено против вас.

Мэри Бересфорд невольно подалась назад, Марлоу побледнел, музыка стихла. Чтобы сгладить неловкость, Джоан поспешно взяла Ника под локоть.

— Дорогой, сыграй нам что-нибудь. — Она легонько подтолкнула его к фортепиано и с улыбкой повернулась к своему импресарио, который стоял с открытым ртом, держа в растопыренных руках по бокалу: — Не правда ли, Фрэнк, он просто чудо? Даже Оскар Петерсон не сыграл бы лучше.

Фортепиано было превосходное, фирмы "Бехштейн". Ник уселся на вращающийся стул, выпил двойной джин с тоником, который подал ему Марлоу, и принял за довольно сложную версию "Дамы-бродяжки". Несколько гостей подошли ближе, чтобы лучше слышать. Исполнение джазовой музыки в переложении для фортепиано было коньком Миллера. И собравшиеся по достоинству оценили его талант.

Примерно через пятнадцать минут раздался звонок.

— Должно быть, это Джек и Бруно, — сказала Джоан Марлоу.

Ник со своего места хорошо видел входную дверь и Джоан, идущую через комнату. Потом он опять перевел взгляд на клавиатуру, а когда заканчивал композицию, услышал, как вскрикнула Мэри Бересфорд.

У подножия лестницы стояла ярко накрашенная девица в черном непромокаемом плаще, короткой юбке и высоких кожаных сапогах. Следом за ней вошли двое мужчин. Нику не составило труда определить, кто из них Бруно Фолкнер. И сразу же стало понятно, чего он добивается, когда, помогая девушке снять плащ, скульптор окинул собравшихся быстрым взглядом. Странное дело, но почему-то Ник почувствовал к ней жалость. Девушка была по-своему красива, хотя и с оттенком вульгарности, присущей женщинам определенного сорта. Она огляделась вокруг и выпятила подбородок, словно хотела бравадой придать себе смелости, однако Нику было ясно, что ничего хорошего ее здесь не ждет. И внезапно он понял, что терпеть не может Бруно Фолкнера. Он закурил сигарету и начал играть "Голубую луну".

Джоан Хартманн превосходно владела собой. Она как ни в чем не бывало подошла к Фолкнеру и поцеловала его в щеку.

— Привет, любимый. Почему так поздно? Тебя что-нибудь задержало?

— Работа, Джоан. Но об этом после. А теперь я хотел бы познакомить тебя с Грэйс. Ты не против, что я ее привел?

— Ну, конечно же, нет. — Джоан одарила Грэйс самой чарующей из своих улыбок. — Добро пожаловать, дорогая.

Девушка уставилась на нее широко раскрытыми глазами.

— Так вы — Джоан Хартманн! — воскликнула она с восторгом. — Я видела по телевизору ваш последний фильм.

— Что ж, надеюсь, он вам понравился. — Актриса повернулась к Моргану. — Джек, милый, будь так добр, приготовь для Грэйс чего-нибудь выпить и представь ее гостям. Позаботься о том, чтобы она не скучала.

— С удовольствием, Джоан. — Морган взял девушку под руку. — Я живо. Одна нога здесь — другая там.

В этом обществе Грэйс выглядела настолько инородной, что на нее было просто жалко смотреть. Ник наблюдал за реакцией гостей. Несколько женщин снисходительно усмехнулись, другие были явно оскорблены, что вынуждены дышать одним воздухом с таким созданием. Зато почти все мужчины поглядывали на нее с интересом. Морган куда-то запропастился. Грэйс нервным жестом поправила прическу и метнула вызывающий взгляд на Мэри Бересфорд, смотревшую на нее, как на кучу грязи. Ник сочувственно улыбнулся девушке.

— Что бы вы хотели послушать?

Она подошла к фортепиано. Несколько гостей, стоявших рядом, тут же демонстративно отодвинулись.

— Можно "Сен-Луи Блюз"? Это классная штука.

— Что ж, я с удовольствием его для вас сыграю. А как ваше имя?

— Грэйс Паккард.

Пока Ник исполнял классическое джазовое произведение, девушка с воодушевлением прищелкивала пальцами.

— Здорово! Вы — музыкант?

Ник покачал головой.

— Нет, это мое хобби. Я не смог бы жить, как профессионалы. Работа ночи на пролет, постоянные разъезды, а в результате все уходит в налоги. Словом, это отнюдь не золотая жила.

— Пожалуй, да. А вы часто здесь бываете?

— Сегодня пришел в первый раз.

— Знаете, я так и думала, потому что тут нудно, как на кладбище. — Грэйс скорчила недовольную гримаску.

В это мгновение появился Морган с бокалом, который поставил на фортепиано. Девушка повернулась к нему.

— Я говорю, здесь нудно, как на кладбище. Не мешает немного размяться. Пойдем потанцуем?

Морган с готовностью обнял ее за талию.

Когда Ник заканчивал блюз, кто-то опять включил проигрыватель — из вредности, а, может быть, просто желая сделать по-своему. Ник не стал забивать себе этим голову, поднялся и прошел к бару. Здесь он увидел Джоан Хартманн и Бруно Фолкнера и, пока ожидал свой джин с-tonиком, оказался невольным свидетелем их разговора.

— Ты настоящая леди, Джоан, — это было сказано с иронией. — Интересно, есть ли на свете что-нибудь, способное вывести тебя из равновесия?

— Бедняжка Бруно! Я вижу, что испортила тебе удовольствие. Кстати, где ты ее нашел?

— В "Королевском Гербе". Я надеялся, что девочка внесет некоторое оживление в сбирающее мумифицированных трупов. И, судя по их реакции, мне это отчасти удалось. Спасибо и на том.

Джоан улыбнулась.

— Ты неисправим. Ну что мне с тобой делать?

— Я могу предложить на выбор несколько вариантов, и, уверяю, все стоит опробовать. — Тут Фолкнер заметил направляющуюся к ним Мэри Бересфорд. — Дражайшей тетушке мое почтение. Целую ручки, леди!

На лице пожилой дамы появилась брезгливая гримаса.

— Ты несносен, Бруно! Как у тебя хватило наглости привести сюда эту ... эту ужасную девицу?

— Зато вы, тетушка Мэри, просто великолепны. Должно быть, эта поза и тон позаимствованы из какой-нибудь викторианской мелодрамы. — Старая леди выпрямилась с оскорблённой миной, а Фолкнер указал на Грэйс, танцовщицу в обнимку с Морганом. — Лично я не вижу ничего ужасного в сексапильной красотке, которая умеет наслаждаться жизнью. Но, простите, любезная тетушка, я совсем позабыл, что времена, когда вы сами были в этом счастливом возрасте, давным-давно миновали.

Мэри Бересфорд ударила поджав губы, а Фолкнер вскинул руки, словно просил прощения.

— Ах, дорогая, я опять не смог сдержаться.

— Было бы лучше, если бы ты все-таки постарался с ней не заводиться.

— Увы, твоя тетушка пробуждает во мне худшие инстинкты. Но хватит о ней. Давай выпьем мартини.

Когда бармен наполнял их бокалы, Джоан заметила Ника и улыбнулась.

— Я хотела бы познакомить тебя с Ником Миллером, Бруно. Он полицейский.

Фолкнер окинул Ника холодным взглядом и скривился.

— Черт возьми, Джоан! У всего должны быть границы. Я не привык водить дружбу с легавыми. Где, к дьяволу, ты его откопала?

В это мгновение раздался звонок в дверь. Ник оглянулся и увидел стоящего на пороге детектива Джека Брэди, чью простецкую физиономию сейчас с удовольствием предпочел любому из виденных сегодня лиц.

Отставив в сторону свой недопитый бокал, он обратился к Джоан:

— Боюсь, это по мою душу.

— Ох, надеюсь, что нет, — ответила она, однако в ее голосе чувствовалось явное облегчение.

Ник повернулся к Фолкнеру.

— Не могу сказать, что было очень приятно с вами познакомиться, но в моей профессии случается и худшее.

И прежде чем скульптор успел ответить, он протиснулся через толпу гостей, взял у горничной свою шляпу и плащ и подтолкнул Брэди к дверям.

— Двигаем отсюда.

Пока Ник на ходу набрасывал плащ, Джек Брэди сокрушенно покачал головой.

— Извини, приятель. Я, кажется, лишил тебя дармовой выпивки. Мне искренне жаль.

— Уверяю тебя, тут не о чем жалеть. Но скажи, что стряслось?

— Бомбардир Дойль сбежал.

Ник остановился.

— Что?

— Вчера его доставили в больницу из Мэннингемской тюрьмы с подозрением на пищевое отравление. Полчаса назад он исчез.

— А сколько он отсидел? Два с половиной года?

— Да, из пяти. Вот идиот! Через десять месяцев его бы выпустили, скостив срок за хорошее поведение.

Миллер вздохнул.

— Пойдем, Джек. Попробуем его найти и водворить на место.

Фолкнер допивал уже третью порцию мартини, когда Джоан спросила:

— Чем ты занимался эти два дня?

— Работал как проклятый. Когда ты в последний раз заглядывала ко мне в мастерскую?

— В среду.

— Тогда в композиции было три скульптуры. Теперь их четыре.

Джоан положила руку ему на плечо, в ее голосе слышались забота и обеспокоенность.

— Дорогой, это уже слишком. Нельзя так перерабатывать.

— Глупости, Джоан! Когда это сидит внутри тебя, нужно дать ему выход. И ничто другое не может иметь значения. Как человек искусства, ты должна меня понимать.

— Хорошо, но как только ты закончишь свою композицию, тебе необходимо куда-нибудь съездить и как следует отдохнуть.

Джек Морган и Грэйс Паккард двигались в ритме спокойного блюза. Девушка качнула подбородком в сторону Фолкнера, продолжавшего сидеть у бара.

— А он забавный.

— Кто — Бруно?

Она кивнула.

— Явиться на такую вечеринку в старых тряпках и пригласить меня. Ты давно его знаешь?

— Мы вместе ходили в школу.

— Да? А чем он зарабатывает на жизнь?

— Искусством, он скульптор.

— Я так и думала. И хороший?

— Некоторые даже считают его гениальным.

Грэйс понимающе кивнула.

— Тогда все ясно. Гению не нужно забивать себе голову тем, что о нем подумают.

Знаешь, сперва мне показалось, что он с приветом. Помнишь, как отдал Гарольда в пивнушке?

Морган пожал плечами.

— Бруно знает массу таких штучек: дзюдо, айкидо, каратэ и прочее.

— А он может разбить кирпич ребром ладони? Я однажды видела такое по телеку.

— Это его коронный номер.

— Вот здорово!

Грэйс высвободилась из объятий Моргана и направилась через толпу гостей к Фолкнеру.

— Ну и как тебе здесь? — спросил он небрежно.

— Классно, прямо как в кино. Я даже не мечтала попасть в такое место.

Скульптор повернулся к Фрэнку Марлоу, который с мрачным видом потягивал свое бренди.

— Видишь, Фрэнки, мечты иногда сбываются.

— Джек говорит, что ты можешь разбить кирпич ребром ладони, — заявила Грэйс.

— Только после второй бутылки.

— Я видела такое по ящику, но думала, что это мошенничество.

Фолкнер тряхнул головой.

— Я мог бы сделать это для тебя, крошка. Да вот беда — у меня нет при себе кирпича.

Марлоу решил воспользоваться случаем, чтобы ему отплатить.

— Послушай, Бруно, — проговорил он со злорадной ноткой. — Нельзя разочаровывать даму. Ты ведь, кажется, мастер каратэ. А я знаю, что хороший каратист может разбить пополам деревянную доску с такой же легкостью, что и кирпич. Как насчет этого? Подойдет? — И он указал на массивную деревянную колоду, которая лежала на стойке бара.

Фолкнер усмехнулся.

— Ладно, Фрэнки. Только смотри, как бы тебе потом не пожалеть. — Он смахнул с доски фрукты, поставил ее на торец и воскликнул театральным тоном: — Внимание, господа! Смертельный номер!

Гости замерли в замешательстве. Только Мэри Бересфорд с решительным видом направилась к бару. За ней спешила растерянная Джоан.

— Ради Бога, Бруно, что ты еще задумал?

Но Фолкнер не обратил на нее никакого внимания.

Издав устрашающий вопль, он рубанул по колоде правой рукой, разломав ее пополам и разбив несколько бокалов. На мгновение воцарилась тишина. Потом послышался приглушенный ропот, а Грэйс Паккард взвигнула от восторга. Мэри Бересфорд побагровела.

— Когда ты научишься вести себя, как подобает в приличном обществе человеку твоего возраста? — выкрикнула она. — Напился, будто портовый грузчик, и чуть дом не разнес!

— А когда ты перестанешь совать свой нос в чужие дела, старая идиотка. — В его лице и голосе была такая ярость, что все опять умолкли.

Мэри Бересфорд застыла, разинув рот.

— Как ты смеешь? — прошипела она.

Фрэнк Марлоу схватил его за плечо.

— Сейчас же извинись!

Фолкнер вырвался и ударил его кулаком в лицо. Марлоу покачнулся и рухнул грудью на стойку бара, откуда на пол со звоном посыпались бокалы.

Все оцепенели. Джоан шагнула вперед.

— Я думаю, тебе лучше уйти, Бруно.

Самым странным было то, что Фолкнер производил впечатление человека, прекрасно владеющего собой, и после минутной вспышки тотчас взял себя в руки.

— Ну, если так... — он повернулся к Грэйс. — Похоже, меня отсюда выставляют. Ты идешь со мной, детка, или остаешься?

Девушка заколебалась, и он пожал плечами.

— Как хочешь.

Он был уже в дверях, когда его догнала запыхавшаяся Грэйс.

— Я вижу, ты передумала.

— Да.

Фолкнер помог ей надеть плащ.

— Хочешь заработать пять фунтов?

Она уставилась на него круглыми от изумления глазами.

— Что ты сказал?

— Получишь пять фунтов, если несколько минут мне попозируешь. Согласна?

Она усмехнулась.

— Значит, теперь это так называется? Ладно.

— Тогда пошли.

Он открыл дверь, пропуская Грэйс вперед, и в это мгновение на лестнице появилась Джоан. Вспомнив о подарке, Фолкнер сунул руку в карман и вынул кожаный футляр.

— На, держи! А то я чуть не забыл.

Он бросил ей коробочку.

— Наилучшие пожелания ко дню рождения!

Фолкнер вышел, хлопнув дверью. Джоан механически открыла футляр и достала ожерелье. Она стояла неподвижно, глядя на украшение, и на лице ее было выражение неподдельной боли. Казалось, еще минута — и она расплачется. Но тут подошла тетушка Мэри, и Джоан заставила себя улыбнуться.

— Я приглашаю всех к столу. Идемте в соседнюю комнату.

В мастерской Фолкнера огонь в камине уже почти догорел, но еще бросал редкие отсветы на чернеющие в полумраке скульптуры, темные и полные смутной угрозы. Ключ со скрипом повернулся в замке, дверь распахнулась, и появился Фолкнер. Он подтолкнул Грэйс через порог.

— Добро пожаловать!

Скульптор зажег свет и сбросил плащ. Грэйс Паккард с любопытством разглядывала мастерскую.

— А у тебя классно. Даже бар есть! — Она сняла перчатки и плащ, потом подошла к статуям. — Ты сейчас над этим работаешь?

— Тебе нравится?

— Не знаю... — Девушка казалась растерянной. — Они какие-то странные. Я хочу сказать, эти статуи не похожи на людей.

Фолкнер усмехнулся.

— Так было задумано. Можешь раздеться там, — он указал на старую перекаленную ширму викторианской эпохи.

Грэйс посмотрела на него.

— А я должна?

— Ну, разумеется. Ты нужна мне без одежды. Так что будь хорошей девочкой и поторопись. Потом поднимись на подиум и стань рядом с другими.

— С другими?..

— Я хочу добавить в композицию еще одну скульптуру. Ты поможешь мне принять решение.

Грэйс стояла, уперев руки в бедра. Теперь у нее на лице было совсем иное выражение — понимающее и циничное.

— Надо же, чего только люди не выдумают!

Она скрылась за ширмой, а Фолкнер налил себе бренди и включил музыку. На свистывая в такт мелодии, он подошел к камину, присел на корточки и подбросил в огонь уголь из стоящего рядом ведерка.

— Так хорошо?

Он обернулся, не поднимаясь с корточек. У Грэйс было упругое, чувственное тело и высокая пышная грудь, руки она по-прежнему держала на бедрах.

— Ну, так как? — повторила она.

Фолкнер медленно выпрямился, встал и выключил музыку. Потом погасил свет. Силуэты четырех скульптур четко вырисовывались на фоне огромного окна. Теперь Грэйс Паккард слилась с ними в единое целое, превратившись в ничто — густок тьмы, которому придали форму. В отблесках огня, падавших из камина, лицо Фолкнера было лишено всякого выражения. Мгновение спустя он снова включил свет.

— Довольно... Можешь одеваться.

— И это все?.. — спросила удивленная девушка.

— Я увидел, что хотел, — если ты об этом.

— Однако ты действительно с приветом!

Разочарованная, с недовольной гримаской, она исчезла за ширмой, а Фолкнер, вернувшись к бару, налил себе очередную порцию бренди. Через пару минут к нему подошла Грэйс с сапожками в руке.

— А ты быстро управилась.

Грэйс уселась на высокий табурет и начала натягивать сапоги.

— При нынешней моде и снимать-то особенно нечего. Но, скажи: ты и в самом деле хотел, чтобы я тебе позировала?

— Если бы я хотел чего-нибудь другого, детка, оговорил бы это заранее. — Он вынул из бумажника десятифунтовую купюру и сунул ей за вырез блузки. — Я обещал тебе пять фунтов. Вот, возьми десять. — на счастье.

Фолкнер помог ей надеть плащ.

— А теперь мне нужно немного поработать.

Грэйс быстро схватила сумочку.

— Эй, что же это такое? Конец нашему чудесному знакомству?

— Что-то в этом роде. А теперь беги домой, как положено хорошей девочке. Стоянка такси за углом.

— Да, ладно. Мне тут недалеко. — Уже с порога она послала ему игривую улыбку. — Так ты решительно не хочешь, чтобы я осталась?

— Спокойной ночи, Грэйс, — ответил он не терпящим возражений тоном.

Потом закрыл дверь и медленно прошел на середину мастерской. Он чувствовал тупую боль у виска, пересеченного шрамом, а когда дотронулся до этого места, его правую щеку передернуло от нервного тика. Еще мгновение Фолкнер стоял, внимательно разглядывая скульптуры, затем подошел к столику, на котором лежал портсигар. Он был пуст. Скульптор выругался вполголоса и начал рыться в карманах. Увы, безрезультатно. Он надел кепи и набросил плащ. Когда проходил мимо бара, заметил на полу, возле столика, женские перчатки. Должно быть, Грэйс обронила их в спешке. Может быть, она еще не успела добраться до площади и, если немного повезет, ему удастся ее догнать. Фолкнер сунул перчатки в карман и быстро вышел.

Над городом висела ночь. Ветер бился об оконные стекла, и дождь обрушивался на улицы темной лавиной.

4

Шин Дойль и не помышлял о побеге, когда его доставили из тюрьмы в городскую больницу. У него была горячка, температура почти под сорок, он обливался потом, а в желудок вонзались осколки стекла и с остertвенением раздирали внутренности.

Очнулся Бомбардир через сутки. У него кружилась голова, и вообще он чувствовал себя крайне слабым, но боль прошла.

В палате царил полумрак, горела только маленькая лампочка на столике у кровати.

Как требовала инструкция, при нем дежурил тюремный надзиратель — Джонс, в прошлом уэльский гвардеец. Он дремал рядом на стуле, привалясь спиной к стене.

Дойль облизнул запекшиеся губы и попытался свистнуть, но тут открылась дверь, и вошла медсестра с переброшенным через руку полотенцем. Она была родом из Вест-Индии, смуглая и стройная. Но даже сама царица Савская не поразила бы Дойля больше после двух с половиной лет, проведенных за решеткой.

Увидев, что девушка направляется к его кровати, Бомбардир притворился спящим. Он ощущал ее присутствие рядом, чувствовал запах ее духов, слышал шелест юбки, когда она на цыпочках приблизилась к Джонсу.

Уэльсцец вздрогнул и открыл глаза.

— Что стряслось? — спросил он с тревогой. — С Бомбардиром все в порядке?

Медсестра успокоила его жестом.

— Он еще спит. А вы не хотели бы сходить в буфет?

— Вообще-то, я не имею права никуда отлучаться...

— Ох, ничего страшного! Я подежурю вместо вас. Да и что может случиться, если он спит. К тому же после вчерашнего слаб, как младенец.

— Ладно, уговорили, — шепотом ответил Джонс. — Я туда и обратно. Только выпью чашечку чаю и выкуру сигарету. А через десять минут буду здесь, как штык.

Когда он встал, медсестра спросила:

— А почему вы называете его Бомбардиром?

Джонс улыбнулся.

— Видите ли, когда-то он служил в Королевской артиллерией. А после армии сделался боксером, и на ринге ему дали такое прозвище: Бомбардир Дойль.

— О! Так он был профессионалом?

— Одним из лучших в среднем весе, — с гордостью ответил Джонс, который, по-доброму большинству уроженцев Уэльса, был фанатом бокса. — Он завоевал титул чемпиона Северной Англии и пошел бы еще дальше, если бы не его пристрастие к юбкам.

— А что он натворил? — спросила девушка с ноткой любопытства в голосе.

— Занялся ремеслом, в котором, если можно так выражаться, достиг наибольших высот. — Джонс усмехнулся собственной шутке. — Он стал взломщиком, причем настоящим виртуозом, а это, можете мне поверить, почти исчезающее искусство. Не было такого места, куда бы ему не удалось проникнуть.

Когда Джонс исчез за дверью, медсестра подошла к постели Дойля. Его возбуждало ее присутствие. В ноздри ударили запах духов, аромат его любимых цветов — свежеомытой дождем сирени. Накрахмаленный халатик зашуршал, когда девушка склонилась над ним, чтобы положить полотенце на столик по другую сторону кровати.

Бомбардир открыл глаза и жадным взглядом окинул соблазнительные выпуклости, задравшуюся кверху юбку и стройные ножки в темных чулках. С коротким смешком он обхватил левую ногу девушки и быстро провел по ней ладонью.

— Боже, какое блаженство!

Мгновение медсестра смотрела на него округлившимися глазами. Потом вскрикнула и отпрянула назад. Бомбардир усмехнулся.

— Я как-то сидел в одной камере с парнем, который проделал такой фокус с девочкой, стоявшей перед ним в очереди на автобус. Бедняга, что называется, ни сном, ни духом — думал получить удовольствие, а ему впаяли год каталажки. И куда катится эта страна?

Девушка повернулась и выбежала из палаты, с силой хлопнув дверью. И тут до Бомбардира дошло, что она не вернется. А это, учитывая то обстоятельство, что Джонс еще как минимум пятнадцать минут проторчит в буфете, создавало заманчивую перспективу. Правда, в мозгу у него мелькнула слабенькая мыслишка, что до окончания срока осталось всего каких-нибудь десять месяцев, если вычесть время, которое должны скостить за хорошее поведение. Однако искушение было слишком сильно, так что эти десять месяцев показались ему целой вечностью. Дойль решительно отбросил простыню и спустил ноги на пол.

Как профессиональный спортсмен, он даже в тюрьме старался сохранять хорошую физическую форму, благодаря чему, поднявшись с постели, почти не ощутил последствий перенесенной болезни, за исключением легкого головокружения. Бомбардир подошел к стенному шкафу и распахнул дверцы. Увы: внутри был только старый халат — и никакой обуви. Но выбирать не приходилось. Дойль быстро оделся, осторожно приоткрыл дверь и выглянул в коридор.

Он был пуст. Только в самом конце стояли двое врачей, поглощенных разговором, да еще два санитара катили тихо поскрипывавшую каталку. Бомбардир направился в противоположную сторону. Свернув за угол, он очутился в тупике. Перед ним был служебный лифт, а рядом дверь, выходящая на темную лестничную клетку. Лифт как раз поднимался, поэтому Дойль выскочил на лестницу и быстро сбежал вниз, несмотря на то, что ступни босых ног довольно ощутимо пробирали холод.

Одолев десять маршей, он оказался перед дверью, ведущей в маленький холл. Другая дверь выходила во двор, и, выглянув из нее, Бомбардир обнаружил, что на улице вовсю хлещет дождь. Он чертыхнулся: в такую погоду, да еще босиком и без одежды, ему не выдержать и пяти минут. Дойль потянулся было открыть соседнюю дверь, но тут услышал какие-то голоса. Тогда, не раздумывая больше, он нырнул прямо под ливень, бегом пересек больничный двор и свернулся в переулок, стараясь держаться вплотную к стене.

5

Бомбардир понятия не имел, что делать дальше, когда бежал под дождем через двор и сворачивал в переулок на тылах больницы. Так что никаких конкретных планов у него не было, хотя холод от мокрого халата побуждал искать выход как можно скорее.

Дождь по-прежнему лил, как из ведра, что, впрочем, имело и свою хорошую сторону, поскольку на улицах не было прохожих. Добежав до угла, Бомбардир остановился, чтобы перевести дух и подумать, как быть дальше. Табличка на стене близкайшего дома гласила: Джубили Террас, и это название напомнило ему о Дорин Монзган, девчонке, которая когда-то готова была целовать землю у него под ногами. Она регулярно писала ему первые полгода, пока он сидел в Пентонвильской тюрьме. Потом, правда, письма начали приходить все реже и, наконец, совсем перестали. Но в данную минуту это было не так существенно. Главное, что когда-то она жила на Джубили Террас и все еще могла здесь жить.

Примерно через десять минут Бомбардир был у цели.

Высокий дом в викторианском стиле порядком обветшал. Отдельная квартира в этом убогом квартале была роскошью: целые семьи ютились в одной комнатушке.

Бомбардир запрокинул голову и глянул вверх. Дорин занимала квартирку на последнем этаже под самым чердаком. Ему повезло: сквозь щель между неплотно задернутыми занавесками просачивалась слабая струйка света.

Войдя в подъезд, Дойль обнаружил новшество: ряд почтовых ящиков с именами владельцев. Среди них была и фамилия Дорин. Поднимаясь по лестнице, Бомбардир усмехнулся. Девчонку ждет неплохой сюрприз.

А в это время упомянутая леди трудилась в поте лица, ублажая бравого представителя Морского Флота Ее Королевского Величества. Моряк ехал домой на побывку с Дальнего Востока и понемногу начинал сожалеть о смуглых красотках из Пенанга и Сингапура, которые были настоящими мастерами своего дела и — что самое главное — довольствовались умеренной платой.

Дорин же давно открыла, что древнейшая в мире профессия приносит доход куда больший, чем работа в магазине или на фабрике. А что касается угрозений совести, она улаживала эту проблему в соседней церквушке Христа Спасителя, куда, как положено доброй католичке, каждое воскресенье ходила к мессе и на исповедь.

Когда клиент, изнемогши, захрапел, Дорин выбралась из постели, накинула старый халатик и закурила. Одежда моряка валялась на полу возле стула, ибо он раздевался с некоторойспешностью. Подобрав ее, Дорин увидела, что из кармана выпал объемистый кожаный бумажник. Внутри оказалось восемьдесят или девяносто фунтов — вероятно, отпускные. Дорин быстро отделила две пятифунтовых банкноты и засунула под матрас, а бумажник положила на место.

В это мгновение моряк пошевелился, поэтому она отошла к туалетному столику и принялась натягивать чулки. Мужчина приподнялся на локте и спросил сонно:

— Что? Уже пора?

— А ты думал, за три фунта можешь поселиться здесь навечно? Нет, дружок! Одеяйся и выметайся. До утра еще далеко, и у меня полно работы.

И тут раздался стук в дверь. Дорин подняла голову, на лице у нее было удивление. Стучали негромко, однако настойчиво.

Она спросила осторожно:

— Кто там?

В ответ послышался приглушенный смешок:

— Открывай, детка, Санта Клаус принес тебе подарочек!

— Кого там еще черт принес? — буркнул моряк.

Оставив его слова без внимания, Дорин на цыпочках подошла к двери и приоткрыла ее, не снимая цепочки. За порогом, в луже воды, стоял мокрый, как мышь, Шин Дойль. Волосы у него прилипли к черепу, а больничный халат облепил тело, как вторая кожа, в совершенстве обрисовав мужские достоинства.

Бомбардир подмигнул Дорин и одарил ее самой неотразимой из своих улыбок.

— Поторопись, золотко, у меня от холода кости стучат!

Остолбеневшая от изумления Дорин почти бессознательно сняла дверную цепочку и отступила в глубь комнаты.

При виде Бомбардира моряк вскочил с кровати и начал поспешно натягивать плавки.

— Ты кто? — спросил он задиристо.

Бомбардир, поглощенный пышными прелестями Дорин, видневшимися сквозь расхванивший халатик, не обратил на него никакого внимания.

— Боже, какое зрелище!

Тут моряк разглядел наконец плачевный вид своего неожиданного соперника и от раздражения перешел к агрессии.

— А ну, вали отсюда, пока цел!

Бомбардир окинул его быстрым взглядом и усмехнулся.

— Отчего бы тебе не заткнуться, приятель? — осведомился он почти ласково.

Моряк — молодой, сильный и мускулистый — был уверен, что умеет драться. Он быстро обежал вокруг кровати, намереваясь отдать наглого вторженца по первое число и вышвырнуть за дверь... и допустил роковую ошибку. Продолжая усмехаться, Бомбардир выставил вперед ногу, слегка согнув ее в колене. Моряк нанес ему удар, который часто и с большим успехом применяли супермены в боевиках. Но Дойль быстро уклонился, и кулак противника его почти не задел. Теперь он, в свою очередь, ударил моряка левой рукой в желудок, а правой в челюсть, с такой силой, что тот отлетел к противоположной стене и, ударившись о нее, рухнул лицом вниз и отключился.

А Бомбардир как ни в чем не бывало повернулся к Дорин и потянул за поясок ее халата.

— И как ты только таких терпишь? — спросил он сочувственно.

— Откуда ты взялся?

— Да вот, понимаешь ли, угодил в больницу. Надзиратель малость соснул, а я воспользовался случаем и смылся. У тебя есть какая-нибудь одежка?

Бомбардир выдвинула бельевой ящик, достала чистое полотенце и протянула ему.

— Боюсь, ничего такого, что могло бы тебе сгодиться.

— Ладно, не морочь себе голову. Я одолжу костюм у парня.

Бомбардир смахнула Дорин по заду.

— А теперь, сделай милость, плесни мне чего-нибудь выпить. Если бегать голяком в такую погоду — недолго и копыта откинуть.

Дорин вышла на кухню, и было слышно, как она возится там, хлопая дверцами шкафчиков. Тем временем Дойль сбросил больничный халат и вытерся насухо. Тельняшка и брюки моряка пришли к нему впору. Он как раз пытался втиснуть ноги в его ботинки, когда вернулась Дорин.

— Вот черт, не лезут! Надо бы номера на два больше... А это что?

— Шерри. Прости, другого нет. Если помнишь, я никогда не была любительницей этого дела.

В бутылке оставалась еще примерно половина содержимого. Бомбардир вынул пробку и отхлебнул солидный глоток. Потом вытер губы ладонью и, когда почувствовал внутри приятное тепло, довольно крякнул.

— Теперь порядок! — Он залпом допил шерри и поставил пустую бутылку на пол. — Я все помню, детка. Разве ж такое забудешь?

Сидя на краю постели, Бомбардир притянул к себе Дорин, распахнул ее халатик и глубоко вздохнул. Девушка легонько провела пальцами по его волосам.

— Послушай, Бомбардир! Тебе нельзя здесь оставаться...

— Но у нас еще уйма времени, — пробормотал Дойль, окидывая ее затуманившимся взглядом. — Целая вечность! — И повалился на кровать, увлекая ее за собой.

И тут в дверь снова постучали.

Дорин поспешила высвободиться из его объятий.

— Кто там?

В ответ раздался женский голос:

— Я, дорогуша. Хотела бы перекинуться с тобой парой слов.

— Это миссис Гольдберг, моя квартирная хозяйка, — с досадой шепнула Дорин. И добавила громко: — А чуть позже нельзя?

— К сожалению, нет. Это срочно.

Девушка метнула на Бомбардира испуганный взгляд.

— Что теперь делать? Это еще та стерва. У меня будет куча неприятностей.

— А она знает, чем ты занимаешься?

— А как же! Каждую неделю я отстегиваю ей по пятнадцать фунтов. За такую-то дыру!

— Да, деньги немалые.

Бомбардир быстро затолкал бесчувственного моряка под кровать, а сам развалился в небрежной позе и закурил, облокотясь о подушку.

— Скажи, что у тебя клиент.

Миссис Гольдберг издала еще один нетерпеливый возглас и опять постучала. Дорин подбежала к двери и приоткрыла ее, но цепочку не сняла.

— Ну?

— Впусти меня, дорогуша, это очень важно.

Делать нечего. Дорин пожала плечами и сняла цепочку. В следующее мгновение у нее вырвался испуганный крик, потому что распахнутая толчком дверь отбросила ее на постель к Дойлю. В комнату вошли Ник Миллер и Брэди, вычислившие возможное место пребывания Дойля, а следом за ними — квартирный полисмен в не-промокаемом плаще и шлеме.

Ник широко улыбнулся.

— Как жизнь, Бомбардир?

Дойль расхохотался.

— Лучше не бывает, сержант. Только зачем эта игра в солдатики? Через пять минут я бы и сам вышел.

Внезапно он отпихнул несчастную Дорин, так что, потеряв равновесие, она упала прямо на Ника, вскочил с постели и молнией метнулся на кухню, захлопнув дверь под самым носом у Брэди. Щелкнул замок. Выругавшись, Брэди кивнул квартирному, который был капитаном в местной команде регбистов. Тот нагнулся голову и ринулся вперед.

Тем временем Бомбардир сражался с кухонным окном, однако оно упорно не желало поддаваться. Тогда он схватил стул и вышиб им стекло. В следующую секунду дверь была сорвана с петель, и на кухню, как торпеда, влетел квартирный, с разгону грохнувшись на пол. Рядом с окном, метрах в полутора, была водосточная труба. Бомбардир, не раздумывая, уцепился за раму, подтянулся на руках и нырнул под ливень.

Ник высунулся следом, пытаясь до него добраться. Увы, тщетно.

— Без обид, сержант. До следующего раза!

Проворно, как обезьяна, Бомбардир скользнул вниз по водосточной трубе и скрылся во мраке.

Ник криво ухмыльнулся Брэди.

— А ты заметил, что он так и бегает босиком? Мы упустили случай посмеяться.

Они вернулись в комнату, где рыдающая Дорин с ходу повисла на шее у Брэди.

— Господь свидетель — я здесь ни при чем! Этот негодяй заявился ко мне внезапно. А я ни сном, ни духом...

Брэди легонько шлепнул ее по ягодицам.

— Старый ирландский трюк, детка. Только со мной этот фокус не пройдет, поскольку я сам — ирландец.

Тут из-под кровати донесся приглушенный стон. Брэди быстро нагнулся и ухватил чью-то ногу. Минуту спустя он вытащил на свет Божий моряка, одетого в одни плавки.

— Ты смотри, а ведь ночь только началась!

В это мгновение в комнату ворвалась квартирная хозяйка. Миссис Гольдберг было около семидесяти лет, и она не выглядела ни на год моложе. Длинные серьги из агата качались по обе стороны ее лица, покрытого толстым слоем макияжа, делавшего его похожим на раскрашенную погребальную маску.

— О Боже! — заверещала она при виде сорванной двери и выбитого окна. — А кто мне за все это заплатит?!

Из-за ее плеча выглянул молодой квартирный, бледный и взволнованный. Ник подошел к нему, игнорируя вопли миссис Гольдберг.

— Что еще?

— Я подумал, что следует поднять тревогу в связи с Дойлем, сэр. Поэтому сбежал вниз, где оставил свой мотоцикл...

Брэди похлопал его по спине.

— Молодчага! Вижу, у тебя котелок варит.

— Оказалось, что рация у вас в машине работает, и кто-то уже в течение десяти минут пытается связаться с сержантом Миллером.

— Что-нибудь серьезное? — со скверным предчувствием спросил Ник.

— Старший инспектор Мэллори хотел бы увидеться с вами в районе Доб Корт, сэр. Это улочка, перпендикулярная Гаскойн-стрит, к северу от Джубили Парк. Дежурный полисмен двадцать минут назад обнаружил там труп молодой женщины. Похоже на очередное убийство Дождевого Любовника... — докончил он тихо.

Когда Ник и Брэди подъехали к Гаскойн-стрит, на углу стояло уже с полдюжины полицейских машин. Они выбрались из автомобиля и пошли по мокрому тротуару в сторону Доб Корт.

Под фонарем негромко переговаривались двое мужчин. В одном из них, лысом и толстом, Ник узнал инспектора Генри Уэйда. Обычно весельчик и любитель пошутить, сейчас он имел довольно хмурый вид, когда, протирая свои мокрые от дождя очки, слушал, что говорит старший инспектор Джордж Мэллори из уголовной полиции Скотланд-Ярда.

Минуту спустя инспектор Уэйд попрощался и уехал, а Мэллори повернулся к Нику:

— Где вы были?

— Мы с Брэди напали на след Дойля.

— Того взломщика, который сбежал из больницы? И что же?

Ник вкратце сообщил о том, что произошло, но Мэллори, не дослушав, махнул рукой.

— Ладно, сейчас не до этого. Лучше подойдите сюда и взгляните.

Труп лежал чуть в стороне, временно укрытый от дождя плащом, пока сотрудники разъездной медицинской лаборатории не упакуют его в пластиковый мешок. Стоявший рядом полицейский направил на тело луч фонаря, когда Мэллори откинул плащ.

— Судя по внешнему виду жертвы, у нее сломаны шейные позвонки — так же, как и в предыдущих случаях. Но, в первую очередь, перед нами стоит задача идентифицировать ее личность. Это осложняется тем, что сейчас большинство подобных девиц не носит при себе никаких документов.

Ник глянул на восковое лицо с остекленевшими глазами. Когда он заговорил, голос его прозвучал хрипло и глухо.

— Думаю, что здесь я смогу вам помочь.

— Вот как? Вы ее знаете?

— Да. Ее зовут... звали Грэйс. Грэйс Паккард.

6

Бомбардир выскочил через калитку на тылах дома, где жила Дорин, и помчался, петляя, как заяц, из улицы в улицу. В пылу возбуждения он даже позабыл, что бежит босиком.

Добежав до конца очередной улицы, Бомбардир замер. Он услышал мужской голос: "Девять пятьдесят два на связи", осторожно выглянул из-за угла и увидел припаркованную у обочины патрульную машину и мотоцикл. Сидящий на нем полисмен разговаривал через опущенное стекло с водителем. Бомбардир попятился и бросился в противоположную сторону. Но он не успел добежать и до середины улицы, когда из-за угла с ревом вылетел мотоцикл. Полицейский сразу же заметил беглеца и

прибавил скорости. Бомбардир метнулся в сторону и нырнул в узкий проход между домами.

Он очутился в маленьком дворике, обнесенном каменной стеной. В углу была какая-то хозяйственная пристройка, похожая на прачечную. Подтянувшись на руках, Бомбардир взобрался на покатую крышу, когда в проулке раздался полицейский свисток. Дойль быстро перепрыгнул на стену и соскользнул на землю по другую сторону — как раз в ту минуту, когда полицейский въехал во двор.

Попетляв еще минут десять, он добрался до Джубили Парк. Но тут его настиг вой сирены. Потом к ней присоединилась еще одна. Бомбардир усмехнулся. Это был обычный маневр полиции, старающейся измотать и заморочить преследуемую жертву, подавить ее психику. Да только не на того напали, ребята! Он — стреляный воробей, так что с ним такой фокус не удастся.

Бомбардир подался назад и свернулся в первый попавшийся переулок. По левую сторону от него тянулась высокая стена с массивными деревянными воротами. Надпись на них гласила: "Транспорт — Генри Кроузер и Сыновья". Пожалуй, это было подходящее место, и на сей раз ему повезло. Ворота не были заперты, так что достаточно лишь толкнуть створку...

На вымощенном булыжником дворе выстроились в ряд четыре грузовика. В глубине, за ними, темнел дом. Из-за неплотно задернутых занавесок в окне нижнего этажа пробивался свет.

Заглянув в щель, Бомбардир увидел сидящую у камина старую женщину, которая смотрела телевизор. В правой руке она держала сигарету, а в левой — бокал с чем-то, похожим на виски. Бомбардир почувствовал острую зависть по поводу того и другого и впервые с тех пор, как покинул квартиру Дорин, ощущал пронзительную боль в израненных ногах. Морщаась, он заковылял к расположенной под углом к дому пристройке и через открытую дверь проник внутрь.

Было темно, но он разглядел, что помещение загромождено цистернами с маслом и грудами железа. Над полом, на высоте примерно трех метров, была устроена деревянная платформа с грузоподъемником. Должно быть, когда-то здесь держали лошадей, однако потом конюшню переделали под мастерскую или гараж. Дверь распахнулась под напором ветра, и внутрь полетели брызги дождя. Зато отсюда хорошо просматривался и двор, и дом. Бомбардир уселся на рулон старой парусины и принял энергично массировать ступни.

Услышав скрип ворот, Дойль выглянул наружу. Кто-то быстро пробежал через двор. В полосе света, падающей из дома на крыльцо, стояла девушка в плаще и повязанной на деревенский лад косынке. Было видно, что она сильно промокла. Через мгновение дверь закрылась, и девушка исчезла.

Бомбардир прижался к стене, вглядываясь в пелену дождя. Голод все ощущалось, грыз ему желудок, но пока приходилось терпеть. Позже, когда в доме погаснут все огни, у него будет случай убедиться, не утратил ли он своих прежних навыков. Много ему не нужно: ботинки, что-нибудь пожевать да плащ. А там, если удастся добраться до Ринг-стрит, где водители- дальнобойщики останавливаются перекусить и отдохнуть, он заберется в кузов какого-нибудь грузовика — и к утру, даст Бог, будет уже в двухстах милях отсюда.

Внезапно он вздрогнул, ослепленный лучом света из окна, соседнего с окном гостиной. Бомбардир увидел девушку, стоящую на пороге комнаты, которая, должно быть, была ее спальней. В это мгновение опять хлопнули ворота, и Дойль отвернулся, всматриваясь в темноту: ему показалось, что кто-то вошел во двор. Но все было тихо, и он снова принял наблюдать за окном спальни.

Поскольку от улицы ее отгораживала высокая стена, девушка даже не задернула занавесок и, уверенная, что никто ее не видит, сбросила мокрую одежду.

Бомбардир смотрел на нее во все глаза. Последние два с половиной года единственной женщиной, с которой он имел возможность общаться, была его тетка, семидесятилетняя ирландка, по доброте душевной навещавшая племянника раз в месяц.

Тем временем девушка вытерлась большим белым полотенцем и критически осмотрела себя в зеркале. Затем начала одеваться.

Подойдя к туалетному столику, девушка принялась расчесывать волосы. Пожалуй, это наиболее женственное из всех женских занятий, и Бомбардир ощутил какую-то странную тоску, даже грусть. Он начинал испытывать ностальгию по самым обыденным вещам.

Девушка повязала волосы фиолетовой лентой и вышла, погасив свет. Бомбардир мечтательно вздохнул. Но в следующее мгновение прислушался и напрягся: кто-то тихо шел через двор.

Дженни Кроузер, почитавшая себя весьма здравомыслящей и самостоятельной особой, родилась двадцать лет назад в графстве Йоркшир. Она никогда не бывала в Лондоне, однако полагала, что в своем вязаном мини-платьице и темных чулках могла бы без стеснения прогуливаться даже по Вест-Энду.

— Ну что, согрелась? — спросила у нее бабушка, когда Дженнин вошла в комнату.

Девушка кивнула, протянув руки к огню.

— Ой, как здорово!

— Послушай, детка, я не понимаю, как ты можешь носить такое короткое платье — у тебя же попку видно.

Дженни рассмеялась.

— Ах, бабушка, в этом-то и весь смысл!

Старая женщина, несколько сбитая с толку, мысленно вернулась к дням своей молодости, отшумевшей полвека назад, а девушка взялась за пустое ведерко.

— Схожу, принесу немного угля — нальемся чаю.

Уголь хранился в сарайчике слева от входной двери. Когда Дженнин вышла на крыльцо, полоса света, упавшего во двор, в совершенстве обрисовала сквозь ажурную вязку платья ее бедра. Постояв минутку, глядя на дождь, девушка накинула на плечи старый плащ и торопливо сбежала по мокрым ступеням. Она уже потянулась к двери сарая — и тут какое-то смутное чувство грозящей опасности подсказало ей обернуться. Дженнин успела только краем глаза заметить темный силуэт и белое пятно лица под кепи, когда чьи-то огромные лапы схватили ее за горло.

Бомбардир, видевший это из своего укрытия, бросился к краю платформы, на мгновение повис, уцепившись за подъемник, и спрыгнул на землю. Подбежав к насилинику со спины, он ударил его по почкам. Тот выпустил девушку и оглянулся. На мгновение Бомбардир увидел его лицо, исаженное гримасой боли. Потом незнакомец сделал молниеносное движение и обрушил на голову противника удар такой силы, что Дойль, потеряв равновесие, отлетел к грузовику и упал на колени. Мужчина бегом пересек двор и выскочил за ворота. Его шаги быстро затихли в маленькой уличке.

Бомбардир еще не оправился от шока, когда услышал голос бабушки Кроузер:

— Только шевельнись — и станешь на голову короче!

Старая женщина целилась в него из спилленной двустволки, способной проделать в человеке дыру размером с кулак.

Дженни Кроузер метнулась вперед, держась рукой за шею.

— Это не он, бабушка! Я не знаю, как он сюда попал, но успел вовремя.

Бомбардир был поражен. После такого происшествия даже самая крутая из его знакомых девчонок должна была биться в истерике. А этой хоть бы хны!

— Я что-то вроде ангела-хранителя, — буркнул он. — Оказываюсь поблизости, если кто-то вlip в историю.

Дженни окинула его внимательным взглядом и фыркнула, зажимая рот ладонью.

— И откуда же ты прилетел?

— С крыши.

— А не позвонить ли нам в полицию, дружок? — осведомилась бабушка Кроузер. Бомбардир остановил ее жестом.

— Ну, зачем беспокоить их из-за такой мелочи, мэм? Вы же знаете, как это бывает в субботний вечер. Человек выпьет пару кружек пива, да и подастся за хорошенькой девчонкой. Иногда — есть такой грех — может себе и лишнего позволить. Но если попадет в лапы к легавым, они размалют, будто какое чудовище, на страх всем старым теткам. А ведь я ни сном, ни духом...

— Ну-ка, погоди! — перебила его бабушка Кроузер. — Босой мужчина в тельняшке и брюках... Я знаю, кто ты такой! — Она с оживленной миной повернулась к Дженни. — О нем только что было сообщение по телевизору. Это Бомбардир Дойль.

— Бомбардир Дойль? — переспросила девушка.

— Боксер. Твой отец частенько ходил на его матчи. Этого типа не раз привлекали за дебоширство, а сейчас он должен отсидывать пятилетний срок в Мэннингемской тюрьме. Вчера его доставили в больницу, поскольку думали, что он болен, а он взымы да и сбеги.

Бомбардир криво усмехнулся.

— Такой уж я скверный парень.

— Ну, об этом я пока судить не могу, — серьезно заметила Дженни. — А вот вижу, что ноги у тебя сбиты в кровь. Теперь далеко не убежишь. Пойдем-ка лучше в дом. — Она осторожно взяла у старой женщины обрез. — Все в порядке, бабушка. Он не кусается.

— Ты кое о чем забыла, — напомнил Бомбардир.

Дженни обернулась.

— Да? И о чем же?

Дойль указал на ведерко.

— Ты ведь пришла за углем. А это мужское дело, как любила говаривать моя тетушка.

Девушка улыбнулась.

— Знаешь, твоя тетушка мне симпатична.

— Ты бы ей тоже пришлась по вкусу.

Бомбардир выпрямился, держа наполненное ведерко. Внезапно он пошатнулся и упал бы, если бы подбежавшая Дженни с неожиданной силой не подхватила его под локоть.

— Ну, пойдем, герой, на сегодня ты уже достаточно навоевался, — сказала она и втащила его в теплый дом.

7

Склонившись над этюдником, Бруно Фолкнер, наморщив лоб, набрасывал эскиз. В дверь позвонили, но он продолжал работать. Через пару минут звонок раздался снова — на сей раз более настойчивый. Скульптор тихо выругался, потом прикрыл набросок чистым листом и пошел открывать.

На пороге стоял инспектор Мэллори, а рядом с ним — Ник Миллер.

Мэллори улыбнулся.

— Мистер Бруно Фолкнер? Позвольте представиться. Я — старший инспектор Мэллори из уголовной полиции Скотланд-Ярда. А с детективом, сержантом Миллером, думаю, вы уже знакомы.

Фолкнер не выразил особого удивления, только зрачки у него слегка расширились, когда он взглянул на Ника.

— И что все это значит? — спросил он насмешливо. — Вы хотите вручить мне приглашение на бал полицейских?

Мэллори был сама любезность.

— Извините за вторжение, сэр, но я хотел бы знать, могу ли задать вам пару вопросов?

Фолкнер иронически поклонился и отодвинулся в сторону, пропуская их в мастерскую.

— Прошу, господа. Чувствуйте себя, как дома.

Мэллори начал спокойным, деловым тоном:

— Мы ведем следствие по делу некой мисс Паккард, мистер Фолкнер. И у нас есть основания думать, что вы можете нам помочь.

Скульптор закурил и пожал плечами.

— Я понятия не имею, что это за особа.

— Сегодня вечером она была вместе с вами на приеме у Джоан Хартманн, — вмешался Ник.

— Ах, так вы имеете в виду Грэйс! — Фолкнер усмехнулся. — Тогда все ясно. Значит, змея обнаружила, что умеет кусаться. Вы получили официальную жалобу?

— Боюсь, я не совсем вас понимаю, — ответил несколько сбитый с толку Мэллори. — Грэйс Паккард убита. Ее тело обнаружено около часа назад недалеко отсюда, на улице Доб Корт. У нее сломана шея.

На мгновение воцарилась тишина. Оба полицейских внимательно наблюдали за Фолкнером, ожидая его реакции. Он поднес руку ко лбу и вообще производил впечатление человека непртиворно потрясенного. Потом пробормотал:

— Вы не хотели бы чего-нибудь выпить, господа?

— Нет, спасибо, — холодно ответил Мэллори.

Скульптор подошел к камину и бросил в огонь недокуренную сигарету.

— Вы сказали, что ее нашли около часа назад?

— Да.

Фолкнер машинально глянул на часы, которые показывали тридцать пять минут двенадцатого.

— В какое время она ушла отсюда? — быстро спросил Мэллори.

Скульптор резко повернулся.

— А кто вам сказал, что она вообще здесь была? — Он с раздражением посмотрел на Ника. — Вы что, приставали с расспросами к Джоан?

Ник покачал головой.

— Когда я звонил мисс Хартманн, прием был еще в самом разгаре. Я разговаривал с горничной, которая и сказала мне, что девушка ушла вместе с вами.

— Ладно. Она действительно у меня была, но не больше десяти минут.

— Тогда Грэйс Паккард убили сразу же после того, как она вышла отсюда, — уточнил Мэллори.

— И это опять дело рук Дождевого Любовника?

— Мы пока не уверены. Скажем так: данное преступление укладывается в общую схему.

— Две жертвы за два дня, — с кривой усмешкой заметил Фолкнер, который, судя по всему, уже оправился от первого потрясения. — Однако он мастак.

Ник посмотрел на него, неприятно удивленный. Похоже, что Фолкнера забавляет весь этот кошмар. Интересно, что за штука у него вместо сердца?

— Надеюсь, вы не имеете ничего против, если я спрошу, являюсь ли первым в списке подозреваемых?

— Пока наша беседа носит сугубо частный, неофициальный характер и преследует единственную цель помочь следствию, — осторожно ответил Мэллори. — Но вы, разумеется, имеете право связаться со своим адвокатом.

— Мне бы не хотелось вытаскивать его с вечеринки, — буркнул Фолкнер. — Пусть повеселится. А я постараюсь сделать все от меня зависящее, чтобы вам помочь.

— В начале нашего разговора вы обронили странную фразу, — заметил Ник. — Что-то насчет змеи, которая обнаружила, что умеет кусаться. Как это следует понимать?

— Я объясню вам все по порядку. В последние дни я очень много работал и совсем забыл о дне рождения Джоан. Мой друг, Джек Морган, заехал ко мне, чтобы об этом напомнить. По дороге мы заглянули в бар "Королевский Герб", что на улице Лэзер. И когда мы там сидели, появилась эта девушка, Грэйс Паккард.

— И она заигрывала с вами? — спросил Мэллори.

— О нет, напротив, это я ее подцепил. Она ждала своего бой-френда, который опаздывал, и я решил пригласить ее на вечеринку.

— Зачем?

— Потому что Джоан имеет обыкновение приглашать одних надутых снобов. А эта девчонка сумела бы разворотить их муравейник, она как раз такого типа. Впрочем, можете расспросить об этом своего коллегу, который, насколько я мог заметить, уделил ей немало внимания. Маленькая потаскунка — смазливая мордашка, ноги от ушей и юбка, едва прикрывающая задницу.

— Когда я уходил, вы не успели пробыть на вечеринке и двадцати минут, — прервал его Ник. — Вижу, надолго вы там не задержались...

— Да, всего на каких-нибудь полчаса.

— И девушка ушла вместе с вами?

— Боже милостивый, ведь это вам уже известно! — раздраженно бросил Фолкнер и повернулся к Мэллори. — Так вы абсолютно уверены, что не хотите выпить, инспектор?

— Нет, благодарю.

— А я выпью. — Скульптор подошел к бару и потянулся за бутылкой. — Видите ли, дела неожиданно приняли неприятный для меня оборот.

Мэллори оставил эти слова без внимания.

— Вы сказали, что она пробыла у вас не больше десяти минут.

— Да.

— А точнее?

— Если бы я, как вы намекаете, привел ее сюда, чтобы с ней переспать, эта несчастная шлюшка была бы еще жива. Однако я этого не делал.

— Тогда с какой целью вы ее пригласили?

— Чтобы она мне позировала. — Фолкнер залпом выпил рюмку виски и налил себе еще одну. — Я предложил ей пять фунтов, и она согласилась.

Мэллори переглянулся с Ником, а Фолкнер продолжал:

— Как вы знаете, я — скульптор. Эта группа на подиуме у вас за спиной — композиция, над которой я сейчас работаю для нового проекта Сэмпсона. Она называется "Духи Ночи". Собственно, пока это еще только модель из гипса и проволоки. Я поду-

мал, что для завершенности необходима пятая фигура. И чтобы в этом убедиться, привел сюда Грэйс, велев ей встать рядом с остальными скульптурами.

— И заплатили за это пять фунтов?

— Вообще-то, десять. Я был заинтересован в том, чтобы немедленно проверить свою идею на практике. А девушка оказалась под рукой.

— Ну и как? — поинтересовался Мэллори.

— Я еще не принял окончательного решения. А что намерены делать вы?

— Будем продолжать расследование. И не исключено, что нам придется опять вас побеспокоить.

— Да ради Бога! Я всегда к вашим услугам.

Ник и Мэллори направились к выходу, но, прежде чем открыть им дверь, Фолкнер вдруг спросил:

— А кстати, господин инспектор, что с ее парнем? Кажется, его зовут Гарольд или что-то в этом роде...

Мэллори остановился.

— Не понимаю, о чём вы.

Фолкнер усмехнулся.

— Думаю, будет лучше, если мы проясним ситуацию. Видите ли, он заявился в ту самую минуту, когда мы уходили из "Королевского Герба", и принялся качать права. В итоге дошло до небольшой стычки. Так, ничего особенного, но, похоже, он был зол на Грэйса куда больше, чем на меня.

— Вот как? — заметил Мэллори. — Мы примем это к сведению.

Когда Мэллори вышел, Ник хотел последовать за ним, но Фолкнер тронул его за руку.

— Еще пару слов по личному делу, сержант. На будущее держитесь подальше от моей невесты. И благодарите Бога, что вы, легавые, при исполнении двадцать четыре часа в сутки, не то я объяснился бы с вами иначе!

Однако Ник не дал ему себя спровоцировать.

— Спокойной ночи, господин Фолкнер, — бросил он холодно и вышел.

Скульптор захлопнул дверь. Когда раздражение улеглось, он вернулся к своему этюднику и снял лист бумаги, под которым был эскиз, изображавший группу из четырех фигур.

Фолкнер взял карандаш и решительными движениями начал набрасывать пятую.

8

Вечеринка близилась к концу, и гости уже разошлись. Остались только Джек Морган и Фрэнк Марлоу, которые сидели у бара вместе с Джоан и ее теткой за последним бокалом.

Когда раздался звонок в дверь, Джоан вздрогнула:

— Кто бы это мог быть?

— Не иначе как Бруно вернулся, чтобы просить у тебя прощения, — кисло заметила Мэри Бересфорд.

— Это уже не поможет... теперь точно, нет. — Джоан нервно переплела пальцы. — Пусть подождет.

Позвонили еще раз, и Фрэнк Марлоу сделал попытку подняться.

— Возможно, будет лучше, если открою я.

Однако Джоан его удержала.

— Не нужно, я сама.

Она открыла дверь и увидела стоящего на пороге Ника Миллера.

— Ах, это ты... — пробормотала она растерянно.

— Я могу войти?

— Конечно... — Джоан заколебалась. — Только почти все уже разошлись. Мы как раз собирались выпить по последней и рас прощаться. Присоединяйся.

— Думаю, не стоит, я здесь по службе.

Она вся напряглась.

— Что-нибудь с Бруно?

Ник быстро покачал головой.

— Нет. Я с ним только что разговаривал. Сегодня здесь была девушка, Грэйс Паккард. Это он ее привел?

К ним подошел Джек Морган.

— Да, но она давно ушла. Послушай, Ник, а в чем, собственно, дело?

— Как я уже сказал, я только что разговаривал с Фолкнером. Так вот, Грэйс была у него в мастерской и ушла около половины одиннадцатого. А четверть часа спустя ее обнаружил дежурный полицейский в паре кварталов оттуда.

Мэри Бересфорд издала сдавленный вскрик, а Марлоу прошептал:

— Она мертва?

— Да. Ее убили. У нее сломаны шейные позвонки — вероятно, в результате сильного удара, нанесенного сзади.

— Дождевой Любовник! — выдохнула Мэри Бересфорд.

— Возможно. Убийцы такого типа обычно действуют по определенному шаблону. Убийство Грэйс Паккард по некоторым аспектам напоминает последнее преступление Дождевого Любовника. — Ник повернулся к Моргану: — Вы были здесь все это время?

— Да, с тех самых пор, как пришел в половине девятого или около того.

— Я могу это подтвердить, — быстро добавила Джоан. — Мы все можем.

— Минуточку, — вмешалась Марлоу. — Мы должны рассматривать ваш визит как официальный?

— Это лишь предварительный опрос. — Ник подошел к Джоан. — Я узнал от твоего жениха, что он здесь долго не задержался. Довольно странно, если учсть, что сегодня твой день рождения...

— Бруно сам устанавливает для себя правила приличия, — ответила она спокойно.

Но тут встряла Мэри Бересфорд.

— Бога ради, Джоан! Сколько можно его выгораживать! Он не задержался, поскольку его выставили.

— Вот как? Почему же?

— Да ведь вы были здесь и сами все видели. Этот хам подцепил в баре какую-то девицу и притащил сюда специально, чтобы испортить прием!

— Тетя, прошу тебя... — начала Джоан.

— Это правда! — Глаза старой леди сверкнули гневом. — А потом он напился и принялся крушить мебель.

Джек Морган указал на обломки деревянной колоды, лежащей на стойке бара.

— Последнее достижение Бруно.

— Карат?

— Да. А теперь представь, что он угостил бы так кого-нибудь в челюсть.

Ник, сам имевший коричневый пояс, мог точно сказать, чем бы это закончилось. Он перевел взгляд на украшенное синяком лицо Фрэнка Марлоу.

— А это тоже его работа?

— Послушайте, — раздраженно начал Марлоу. — Не знаю, к чему вы клоните, однако если думаете, что я подам на него жалобу, то ошибаетесь. Да, мы немножко поиздорили, но это обычная вещь, когда имеешь дело с Бруно.

Ник кивнул.

— А потом он ушел вместе с Грэйс Паккард Наверняка, это было тебе неприятно, Джоан.

— Один Бог знает, сколько ей пришлось от него вытерпеть! — воскликнула Мэри Бересфорд. — Так вы говорите, что он привел эту особу к себе домой?

— Да, но она пробыла у него не больше десяти минут. Об этом свидетельствует время, когда было обнаружено тело. Фолкнер утверждает, что заплатил ей десять фунтов за то, что она ему позировала. Как по-вашему, это правда?

Фрэнк Марлоу хрипло рассмеялся.

— Да! И в этом весь Бруно. Он обожает подобные штучки.

Джоан была очень бледна, но голос ееозвучал спокойно:

— Ведь я говорила тебе, что к нему неприменимы обычные нормы и правила.

— Бруно сейчас работает над исключительно трудным проектом, — вмешался Джек Морган. — Самым важным из того, что он до сих пор создал. Когда он только начинал работу, предполагалось, что скульптура будет всего одна, но теперь композиция разрослась до четырех фигур. И сегодня Бруно пришла идея добавить для равновесия еще пятую.

Ник кивнул.

— Да, он говорил.

— Тогда к чему эти вопросы? — резко бросила Джоан.

Ник удивленно сдвинул брови.

— Прости?..

— Должна ли я сделать вывод, что мой жених у вас на подозрении?

— Это всего лишь формальность, Джоан. Но ее необходимо соблюсти. Думаю, ты и сама понимаешь.

— Отнюдь, — ответила она холодно. — Зато я знаю другое: я приняла тебя в этом доме как гостя, потому что считала другом. А ты использовал меня для своих политических махинаций.

Ник почувствовал острый прилив раздражения.

— Это неправда. И если уж на то пошло, ты пригласила меня совсем по иной причине. Мой брат занимает влиятельный пост на телевидении. А ты боялась, что под конец сезона студия не продлит контракт на съемки твоего сериала.

— Да как вы смеете! — прошипела Мэри Бересфорд. — Я подам жалобу вашему начальству!

— Это как вам угодно, мэм. — Ник улыбнулся и взял сигару из стоящей на столе шкатулки. — Возможно, вам будет небезинтересно узнать, что мое годичное жалованье сержанта полиции, вкупе с некоторыми специальными выплатами, составляет тысячу триста восемьдесят два фунта. И с этой суммы я исправноплачиваю налоги, сознание чего дает мне чудесное чувство независимости. Особенно, когда приходится общаться с людьми, подобными вам. — Он повернулся к Джоан Хартманн. — Нравится это тебе или нет, но я обязан довести до твоего сведения некоторые неприятные факты. Грэйс Паккард была убита через час после того, как ушла отсюда вместе с твоим женихом. И не надо разыгрывать простушку или оскорблённую невинность. Его показания необходимы для следствия.

— Погодите, — вмешался Джек Морган. — Я — адвокат Бруно Фолкнера. Почеки мы допрашивали его в мое отсутствие?

— Об этом спросите у него самого. Разумеется, мы не отказали бы ему в праве воспользоваться услугами адвоката. — Ник повернулся и пошел к двери. — Вероятно, по долгу службы, нам придется увидеться опять, мисс Хартманн, — заявил он уже с порога официальным тоном. — Так что буду весьма признателен, если смогу связаться с вами в ближайшие дни.

— Но у мисс Хартманн завтра важная деловая встреча в Лондоне! — воскликнул Фрэнк Марлоу.

— Что ж, не могу запретить ей ехать в Лондон. Однако, будет очень жаль, если в ее отсутствие господину Фолкнеру вдруг понадобится помочь. — И Ник вышел, закрыв за собой дверь. Что ж, по крайней мере, ему удалось сбить с них спесь.

После ухода Ника на несколько минут воцарилось напряженное молчание. Первым его нарушил Фрэнк Марлоу.

— Не нравится мне вся эта история. Она скверно пахнет.

— Согласен, — откликнулся Джек Морган.

Джоан ушла к себе в комнату и вернулась одетая в кожаный плащ.

— Джек, ты на машине?

— Да.

— Хорошо. Подбросишь меня до дома Бруно.

Мэри Бересфорд положила руку ей на плечо.

— Бога ради, Джоан, не делай глупостей! Держись от всего этого подальше.

Джоан резко повернулась к ней.

— Ты ведь не любишь Бруно, тетя? Ты всегда его терпеть не могла и потому охотно веришь, что он каким-то образом замешан в это дело. Но я никогда не поверю!

— Может быть, и мне поехать с вами? — предложил Фрэнк Марлоу.

— Не стоит, так будет лучше. Но я попросила бы тебя побывать здесь, пока мы не вернемся.

— Хорошо, я подожду.

Когда Джек Морган открыл дверь, Мэри Бересфорд в последний раз попыталась образумить племянницу.

— Джоан, — сказала она резко, — ты должна меня выслушать. Это для твоего же блага. Подумай о своей карьере. Ты не можешь быть замешана в подобном скандале!

Однако Джоан оставила ее слова без внимания.

— Ты готов, Джек? — спросила она. И вышла первой.

Всю дорогу до дома Фолкнера они проделали в молчании, и лишь когда Морган остановил машину и заглушил двигатель, Джоан коснулась его плеча.

— Джек, ты знаешь Бруно дольше и лучше, чем кто-либо из нас. Скажи, ты допускаешь, чтобы он...

— Это исключено, дорогая, — ответил он твердо. — Конечно, у Бруно есть свои странности, и он может позволить себе выкинуть какую-нибудь штуку. Но я ни секунды не верю в намеки Миллера. Его предположения просто абсурдны.

Джоан вздохнула.

— Именно это я и хотела услышать.

Однако они напрасно потеряли время, поскольку никто не ответил на их настойчивые звонки и стук. После пяти минут бесплодных усилий Морган мягко сказал:

— Пойдем, Джоан. Сегодня ночью у всех нас и так было более чем достаточно потрясений.

На этот раз Джоан сдалась.

— Хорошо, Джек, отвези меня домой. Но завтра утром попробуем опять. Я отменю поездку в Лондон.

А по другую сторону двери Бруно Фолкнер прислушивался к их удаляющимся шагам. Его опять мучили эти проклятые боли. Голова просто раскалывалась. Он проглотил несколько таблеток, которые прописал врач, и запил солидной порцией виски.

Стой у окна, он вглядывался в ночь. Потом прижался лбом к стеклу, по которому стекали струи дождя. Однако облегчение не приходило. Внезапно он почувствовал, что начинает задыхаться. Воздух! Вот что ему нужно, чтобы избавиться от этой кошмарной боли — свежий ночной воздух!

Он схватил плащ и выбежал из дома.

9

— А знаешь, я видела твой последний бой с Терри Джонсом за первенство региона, — сказала бабушка Кроузер. — Думала, победа уже у тебя в кармане, но он разбил тебе голову, и судья прервал поединок в третьем раунде.

— Ну, я тоже, бывало, в долгую не оставался, — откликнулся Дойль. — Если бы не это, далеко бы пошел. К сожалению, после матча с Джонсом врачебная комиссия Федерации лишила меня лицензии. Но так уж устроен наш несовершенный мир.

Бомбардир сидел за столом в старом свитере и ботинках, оставшихся от отца Дженнингса. Он выглядел вполне отдохнувшим. Успел управиться с яичницей из трех яиц с беконом, половиной буханки хлеба и как раз допивал третью чашку чаю.

— А ты забавный парень, — заметила Дженнингс. — Есть на свете что-нибудь, способное тебя озабочить?

— Для этого наша жизнь слишком коротка, детка. — Бомбардир угостился сигаретой бабушки Кроузер. — Как-то мне пришлось сидеть с одним типом, который насобачился в йоге. Так вот, он сказал, что нужно уметь из всего извлекать удовольствие. Радоваться на полную катушку и использовать свои таланты.

Дженнингс усмехнулась.

— Звучит чудесно, особенно, учитывая способ, которым ты зарабатываешь на жизнь.

Однако Бомбардир нимало не смущился.

— Ну что ж, мне и вправду случается свистнуть пару-другую шиллингов. Но только у людей, которых это не ударит по карману. К тому же у них все застраховано. И я не ворую кошельков у старушек в маленьких магазинчиках на окраине.

— Надо же, какое благородство! — едко ввернула Дженнингс. — Прямо настоящий Робин Гуд! А что бывает, если во время "работы" кто-нибудь встанет у тебя на пути? Ты отступаешь или прокладываешь дорогу силой?

Она собрала грязные тарелки на поднос и вышла на кухню. А Бомбардир устроился в кресле напротив бабушки Кроузер.

— Она всегда такая язва?

— Трудно быть другой, парень, когда ты сам себе единственная опора. Ей нужно управляться с шоферами.

— Она занимается перевозками?

— Дженнингс была парикмахершей, и неплохой. Но пару месяцев назад ее отец умер от удара, и девочке пришлось оставить работу, чтобы продолжить семейное дело. С тех пор она пытается тащить эту лямку.

— Значит, у вас проблемы?

— А чего ты хотел? Восемь шоферов да двое механиков, и каждый норовит что-нибудь урвать. Но хуже всех этот Джо Огден, который именует себя представителем

профсоюза и по любому поводу цитирует Трудовое Законодательство. Дженнин от него просто житья нет.

— Почему?

Бабушка Кроузер прищурилась.

— Ты же видел ее голой, правда? — Она налила себе еще рюмку виски. — А что будет с тобой? Куда ты теперь намерен податься?

Бомбардир пожал плечами.

— Не знаю. Если удастся добраться до Ринг-стрит, могу оттуда махнуть в любое из двенадцати графств.

— И что дальше?

Дойль не ответил, и она, наклонившись вперед, положила руку ему на колено.

— Не глупи, парень. Сдайся полиции, пока еще не поздно.

В глубине души и Бомбардир думал так же. Он встал и улыбнулся.

— Ладно. В любом случае я не доставлю хлопот ни вам, ни Дженнин. Смоюсь, когда суета немного уляжется. Примерно через час, если вас это устроит.

Он вышел на кухню, где Дженнин, повязав фартук, мыла посуду.

— Тебе помочь?

— Если хочешь, можешь перетереть тарелки.

Бомбардир взял кухонное полотенце.

— Многочко воды утекло с тех пор, как я делал это в последний раз...

— И еще больше утечет, прежде чем придется делать опять.

— Ох, и что ж такого страшного я натворил?

— Я просто не могу спокойно смотреть, как человек сам разрушает собственную жизнь! — вспыхнула Дженнин. — Подумай, что тебя ждет. За тобой охотятся по всей округе и схватят, едва ты шагнешь за порог.

— А ты будешь жалеть?

Девушка в ответ сердито загремела тарелками.

Бомбардир залпом выпил рюмку виски, налитую Дженнин. Потом мурлыкнул от удовольствия и повернул лицо к свету. Девушка осторожно положила ему на ушибленное место теплую примочку.

— А что поделывает старая леди? — не унимался Бомбардир.

— Я сказала ей, чтобы она шла спать. Уже поздно.

Бомбардир глянул на часы.

— Ты права. Пора и мне сматываться.

— Подожди еще. Чем больше пройдет времени, тем лучше.

— И то верно.

Внезапно он почувствовал усталость. Как хорошо сидеть возле горящего камина, в уютной комнате, при мягком свете лампы!

Дженнин подала ему сигарету и спички.

Бомбардир устроился в глубоком кресле, а она уселась на ковре, скрестив ноги по-турецки. Дойль медленно затянулся, стараясь продлить удовольствие, и окунул девушку оценивающим взглядом. Что и говорить, природа щедро одарила Дженнин, дав ей красивое тело, хорошенькое лицо, кипучую энергию и сильный характер. О такой мечтает каждый мужчина...

Дженнин перехватила его взгляд и усмехнулась.

— Эй, что за скверные мысли бродят у тебя в голове?

— Я подумал, что ты самая красивая девушка, которую мне приходилось видеть за последнее время.

Она фыркнула.

— Хорошенький комплимент, учитывая то, где ты это время провел.

— Ты читаешь мои мысли?

Она пожала плечами.

— Я сейчас смотрела по телевизору выпуск новостей. И знаешь что — оказывается, у тебя есть конкурент! Сегодня вечером недалеко от Джубили Парк убили женщину.

— Вот как? Очередная выходка Дождевого Любовника?

— А кого же еще? — Дженнинг невольно содрогнулась и добавила: — Когда я сидела одна на кухне, мне вдруг пришло в голову, что мужчина, который на меня напал...

— И есть Дождевой Любовник? — Бомбардир решительно покачал головой. — Нет, это исключено! И то, что он уже ухлопал одну жертву, является наилучшим доказательством. Я слышал, такие всегда действуют по шаблону. Просто не могут иначе. А у типа, который на тебя напал, на уме, наверняка, было совсем другое.

Дженнинг скривилась.

— Вот спасибо, утешил! Может быть, мне следует сообщить в полицию?

Однако на деле она далеко не была уверена в правильности такого решения. Генри Кроузер оставил в наследство дочери не только семейный бизнес. Дженнинг была вылеплена из той же глины, что и отец. И здравый смысл подсказывал ей, что от полиции при любых обстоятельствах лучше держаться подальше.

— А что ты им скажешь? — усмехнулся Бомбардир. — Что Шин Дойль, у которого на хвосте повисла свора легавых, в неожиданном приливе благородных чувств задержался, чтобы спасти тебя от участия худшей, чем смерть? А ты из благодарности обогрела его, накормила и в дорогу снарядила? — Он фыркнул. — Окажешься за решеткой, прежде чем глазом успеешь моргнуть.

Дженнинг вздохнула.

— Думаю, ты прав.

— Конечно, прав. — Бомбардир зевнул. — Будет лучше, если я все же пойду...

Его голова упала на грудь. Сигарета выскользнула из разжавшихся пальцев. Дженнинг подняла окурок и бросила в камин. Затем потянулась за лежащим на софе пледом. Когда она укрывала Бомбардира, он дотронулся рукой до ее бедра и прокомментировал:

— Ты действительно самая красивая девушка из всех, кого мне доводилось встречать... — Потом вздохнул и обмяк в своем кресле.

Дженнинг постояла минуту, глядываясь в его лицо, сейчас почти по-детски беззащитное. Если бы не рубцы и шрамы, его можно было бы даже назвать красивым. Потом погасила свет и отошла к окну и прижалась лицом к холодному стеклу, по которому барабанил дождь. "Что с ним будет?" — подумала она. — Куда он теперь подастся?"

10

Нарша Плэйс относилась к району, доставлявшему полиции немало хлопот. После войны квартал оказался перенаселен из-за наплыва эмигрантов. Приличная публика, в основном, постаралась перебраться в другие места, а те, кому это не удалось, остались с чувством горечи.

Была почти четверть первого ночи, когда сюда подъехал Джек Брэди. На улице, поливаемой дождем, не горел ни один фонарь. Джек постучал старомодным латунным кольцом в дверь дома под номером десять, однако не последовало никакого

отклика. Его помощник выбрался из машины и обошел дом сзади. Брэди опять постучал.

На этот раз у него над головой распахнулось окно, и послышался заспанный голос:

— Эй, что это за дурацкие шутки посреди ночи?

— Полиция, — ответил Брэди. — Открывайте и живо. У меня нет времени здесь торчать.

Окно захлопнулось. В эту минуту вернулся помощник.

— Ну и что?

— Он только что выглянул из окна. Вернись во двор: возможно, он попытается сбежать через черный ход.

Однако эта предосторожность оказалась излишней, потому что щелкнул замок, и дверь приоткрылась. Брэди быстро толкнул створку и вошел в дом.

— Гарольд Филипс?

— Ну, я.

Брэди окинул парня внимательным взглядом. Он был босиком, в наброшенном на плечи старом непромокаемом плаще. При виде полицейского Гарольд нервно проглотил слюну, а его черные глаза беспокойно заморгали. Он был похож на зверя, угодившего в западню, и явно трусил. Брэди добродушно улыбнулся и похлопал его по спине.

— Сынок, у меня для тебя скверная новость. Ты ведь обручен с мисс Грэйс Паккард?

— Да, — Гарольд застыл на месте. — А что случилось?

— Сегодня вечером ее нашли мертвой на углу Доб Корт, по другую сторону от Джубили Парк.

Гарольд вытаращился на Брэди, потом зажал рот ладонью и бросился на кухню. Джек нашел его согнувшимся над раковиной. Минуту спустя парень закрутил кран и выпрямился, утирая рукой губы.

— Как... это произошло?

— Пока мы еще не знаем. Похоже, ей сломали шею.

— Дождевой Любовник? — прошептал Гарольд.

— Может быть.

— О Боже! — парень судорожно сжал кулаки. — У нас было назначено свидание. Мы собирались на танцы.

— Что же вам помешало?

— Я немного опоздал, а когда пришел в условленное место, Грэйс была уже с другим типом.

— И ушла с ним?

Гарольд кивнул.

— Ты его знаешь? — спросил Брэди.

— Никогда не видел. Но, похоже, он приятель хозяина бара "Королевский Герб".

— В котором часу это было?

— Примерно в половине девятого.

— И ты пошел оттуда прямо домой?

— Я был так расстроен, что немного побродил под дождем. Потом выпил чашку кофе в привокзальном буфете. Домой вернулся около половины десятого. Мама уже легла, поэтому я принес ей чай и сам тоже отправился спать.

— Вы живете вдвоем с матерью?

— Да.

— И она так рано ложится?

— Она вообще почти не встает. Болеет.

Брэди посмотрел на него с сочувствием.

— Надеюсь, мы ее не разбудили.

— Нет, она спит, как младенец. Я заглянул к ней, когда шел открывать, — ответил Гарольд. Его губы непроизвольно подергивались, как от нервного тика. — И что теперь будет?

— Тебе придется поехать со мной в участок. Надеюсь, ты не против. Старший инспектор Мэллори, который расследует это дело, хочет перекинуться с тобой парой слов. Отец Грэйс уже там, но каждый, кто был с ней знаком, может пригодиться. Ты очень нам поможешь, если расскажешь о ее друзьях, увлечениях и местах, куда она, предположительно, могла отправиться.

— Конечно, — кивнул Гарольд. — Только я оденусь. Буду готов через пять минут.

Он вышел из кухни, а полицейский угостил Брэди сигаретой.

— Ловко вы его, шеф. Этот засранец, верно, думает, что сумел вас провести.

— Хорошо, что ты это подметил. — Брэди выпустил дым.

На буфете стояла белая коробочка с какими-то таблетками. Джек взял ее и прочел надпись на ярлычке. "Принимать одну-две капсулы, в соответствии с назначением врача. Внимание! Передозировка опасна для жизни". Брэди открыл коробочку и высypал себе на ладонь несколько белых и зеленых таблеток.

— Что там? — полюбопытствовал помощник.

— Похоже на лекарство, которое врач прописал в прошлом году моей жене, когда она сильно обожгла руку и не могла уснуть из-за боли. Канбутал. Нескольких таких таблеток достаточно, чтобы отправить человека на тот свет. — Брэди с задумчивым выражением поставил коробочку на место. — Послушай, — обратился он к помощнику. — Спускайся вниз и жди нас в машине. А когда будешь выходить, погромче хлопни дверью.

Полицейский, привычный ко всяким штучкам, сделал то, о чем его просили, стукнул дверью с такой силой, что дом содрогнулся. Брэди вышел из кухни и встал у подножия лестницы. Из глубины дома не доносилось ни звука. Потом появился Гарольд, на ходу застегивая куртку.

— Ну что там еще? — бросил он резко. — Я уже подумал, что дом рушится.

— Это мой водитель. Должно быть, виной всему сквозняк. Ты готов?

— Как штык. — Гарольд скривил губы в улыбку. — Кто знает, возможно, я еще прославлюсь с вашей помощью и перед смертью продам эту историю "Санди Ньюс".

Брэди стоило большого труда не спустить его с лестницы пинком под зад. Но вместо этого он набрал в легкие побольше воздуха и закрыл за собой дверь как можно более деликатно. Ему было жаль маму Гарольда.

А в это время Ник Миллер сидел в "Королевском Гербе".

Кратчайшая дорога до главного управления полиции вела через Лэзер-стрит, и как раз на ее углу стоял бар. В задней комнате еще горел свет. Ник притормозил. Раньше или позже хозяина придется допросить, чтобы узнать, как протекала встреча Грэйс Паккард с Фолкнером и Морганом. Хотя, конечно, это могло потерпеть и до утра.

Но Ника заинтересовало происшествие в баре, особенно стычка с парнем Грэйс, о которой упомянул Фолкнер. Такого поведения можно было ожидать от дебошира из предместья, но никак не от человека типа Бруно Фолкнера, образованного, из хорошей семьи.

Ник постучал в дверь служебного входа. Через минуту поверх накинутой цепочки выглянул Гарри Мидоус. Увидев Ника, с которым его связывали приятельские отношения, он улыбнулся.

— Что привело вас сюда в столь поздний час? Надеюсь, не полицейская облава? — Гарри снял цепочку, пропуская Ника.

— Речь идет о кое-какой информации, Гарри. Ни о чем больше.

— Хотите чего-нибудь выпить?

— Если можно, чай, чтобы согреться.

— Располагайтесь.

Ник расстегнул плащ и прошел к камину. В комнате, заставленной бочонками пива и ящиками с бутылками виски, было тепло и по-домашнему уютно. Стол накрыт к ужину. Старый диванчик у огня приглашал к отдыху.

— Я знаю, что на вас свалилось новое убийство, — сказал Мидоус, наливая гостю чай.

— Вот как? Откуда?

— Слышал по радио последний выпуск новостей. Особенно много не сообщалось — только что неподалеку от Джубили Парк найдено тело убитой женщины.

— Говоря точнее, на углу Доб Корт. — Ник отхлебнул горячий чай и закашлялся, потому что обжег горло.

— Доб Корт? Это совсем рядом. — Мидоус нахмурился. — Уже известно, кто жертва?

— Ее звали Грэйс Паккард.

Мидоус быстро глянул на Ника. Его лицо напряглось. Он подошел к буфету, откупорил бутылку бренди и, налив себе солидную порцию в первую подвернувшуюся рюмку, выпил ее одним глотком.

— Она была здесь сегодня вечером.

— Я знаю, Гарри. Потому и пришел. И я знаю также, что вспыхнула какая-то сксора.

Мидоус налил себе еще бренди.

— Это официальный допрос?

— Более-менее.

Мидоус присел к столу.

— Есть один человек, по фамилии Фолкнер, живет в нескольких кварталах отсюда. Он часто у меня бывает. Заходил и сегодня вместе со своим приятелем, адвокатом. Господин Морган помогал мне оформить бумаги, когда в прошлом году я решил купить этот бар.

— В котором часу они пришли?

— Где-то около половины девятого.

— А кто еще здесь был?

— Никого. После истории с Дождевым Любовником торговля по вечерам идет так скверно, что я рассчитал прислугу.

— Понимаю. А когда пришла девушка?

— Минут через пять после них.

— Вам известно ее имя — значит, она здесь часто бывала?

— Два-три раза в неделю, как правило, с разными мужчинами.

— Она была проституткой?

— Такое производила впечатление, — уклончиво ответил Мидоус.

— А что ее парень?

— Вы имеете в виду Гарольда? Он появлялся всего пару раз. Я даже не знаю его фамилии.

— Он прикарманивал ее заработки?

— Похоже на то. Особо крутым не казался, но кто знает...

— Хорошо. А как было с Фолкнером?

— Он заказал для нее джин с тоником. Из разговора я понял, что Фолкнер и Морган собирались на какой-то светский прием. И Фолкнеру пришло в голову, что было бы забавно взять девушку с собой. Очевидно, она не возражала, поскольку они ушли вместе.

— И тогда появился Гарольд?

— Да. То, что он увидел, ему не понравилось, и он набросился на Фолкнера, который скверно с ним обошелся. Мне пришлось вмешаться. В конце концов я был вынужден попросить Моргана передать своему другу, что больше не хочу его здесь видеть. В этот раз он перешел уже все границы.

— Значит, подобные авантюры случались и раньше?

— И слишком часто, черт побери! Бывает, он делается, словно помешанный. Полностью теряет контроль. Помню, пару месяцев назад сидел здесь субботним вечером, когда пришли несколько грузчиков с рынка. Ну, вы и сами знаете, что это за народ. Твердые ребята. И вот, как на грех, кому-то вздумалось пошутить над его манерой выражаться... Так он догнал их на улице и устроил потасовку.

— Вы сообщили об этом в полицию?

— Извините, господин Миллер. Я должен заботиться о репутации своего заведения. Терпел Фолкнера, потому что обычно он все-таки ведет себя, как джентльмен. Стоило ли поднимать шум из-за пары инцидентов? В конце концов эти парни сами напросились — вот и получили по заслугам.

— Ну, это еще как сказать. — Ник встал и застегнул плащ. — У человека его круга подобная агрессивность и задиристость выглядят, по меньшей мере, странно.

Мидоус сдвинул брови.

— Послушайте, я не знаю, пригодится ли это вам... но как-то ночью он пришел сюда один. Не напился, однако до этого было недалеко. Мы тогда разговорились насчет одного уголовного дела, о котором писали газеты. Трое мерзавцев убили старую женщину из-за нескольких фунтов, которые были у нее в сумочке. Я сказал, что подобные выродки хуже зверья. Тогда Фолкнер перегнулся через стойку бара и схватил меня за галстук. "Неправда, Гарри!" — сказал он. — Нет худшей твари, чем тюремный надзиратель".

— Он сидел в тюрьме? — удивился Ник.

Мидоус открыл дверь.

— Может быть, это смешно, но в том, что касается Фолкнера, я готов поверить чему угодно. Вы думаете, это он убил Грэйс Паккард?

— Понятия не имею. Кстати, что было с Гарольдом, когда они ушли? Вы ничего об этом не сказали.

— Я предложил ему выпить стаканчик, а он недвусмысленно объяснил, что я должен сделать с этой выпивкой, и выбежал следом за ними. Но уже через пять минут вернулся и стал извиняться. Мол, он очень сожалеет, что так забылся, и еще что-то в этом роде. А потом хотел выведать у меня, где живет Фолкнер.

— Выходит, он знал его фамилию?

— Должно быть, услышал, когда я пытался того утихомирить.

— И вы дали ему адрес?

Мидоус поклонился.

— По-вашему, я похож на кретина? Разумеется, нет. Но ведь есть такая вещь, как телефонный справочник.

— Вы правы. — Ник поклонился ему руку. — До встречи, Гарри.

Он быстро прошел через залитый дождем двор и забрался в свой "мини-купер". Мидоус еще какое-то время глядел ему вслед, потом закрыл дверь.

Ник поднялся по ступеням здания Центрального вокзала и остановился в углу, чтобы закурить. Сличка, вспыхнувшая под прикрытием его ладони, выхватила из темноты чье-то бледное лицо и лихорадочно блестящие глаза. Ника это не удивило. К какой-нибудь потревоженный бродяга. Вокзал любого крупного города — это особый мир, живущий по своим законам, пристанище и раздолбье для всякого рода темных личностей.

Ник прошел к буфету у выхода на перрон и заглянул внутрь. Та, кого он искал, сидела за угловым столиком. Это была девушка лет, примерно, двадцати пяти, с симпатичным открытым лицом, одетая в аккуратный и очень скромный твидовый костюм. По виду ее можно было принять за школьную учительницу или секретаршу из небольшой фирмы. В действительности же полиция уже пять раз привлекала ее к ответственности за оскорблении общественной морали и занятие проституцией, а последние три месяца она провела за решеткой.

Увидев Ника, девушка кивнула.

— Добрый вечер, господин Миллер. Или, может быть, мне следует сказать: "Добрый день"?

— Привет, Джил. Должно быть, тебе совсем тяжело, если ты вышла на работу в такую ночь, да еще когда по городу разгуливает этот чертов маньяк.

Она засмеялась.

— Ну, я сумею за себя постоять! — И показала ему зонтик, оканчивающийся острием отточенным стальным штырем. — Всякий, кто попробует на меня напасть, получит этой штукой между глаз. Вам что-нибудь от меня нужно?

— Думаю, ты слышала о том, что сегодня вечером была убита девушка?

— Да. Около Джубили Парк.

— Ее звали Грэйс Паккард. Предположительно, она была проституткой. Это правда?

Джил пожала плечами.

— Психованная девчонка. Ходила в плаще, мини-юбке и высоких сапогах.

— Да, это она.

— Полгода назад пыталась промышлять на станции. Но только нажила себе неприятности.

— Какого рода?

— Перехватывала чужих клиентов и тому подобное. В конце концов мы от нее избавились.

— Как?

Видя, что Джил колеблется, Ник сказал резко:

— Речь идет об убийстве.

— Ладно, — ответила девушка неохотно. — Я попросила Лонни Брогана объяснить ей, что к чему. Она оказалась сообразительной и сразу все поняла.

Ник хмыкнул.

— Не удивительно, принимая во внимание, что могла сказать эта горилла. И еще одно. У нее был альфонс?

Джил презрительно фыркнула.

— Такой плюгавенький, физиономия бледная, как рыбье брюхо, и черненькие бачки. Гарольд, или как его там? Одному Богу известно, что она в нем нашла.

— Ты видела, как она давала ему деньги?

— Множество раз. Однако, главным образом, чтобы его сплавить.

Ник кивнул.

— Хорошо, Джил. До встречи.

Она сстроила обиженную гримасу.

— О, господин Миллер, я бы предпочла, чтобы вы сказали это более теплым тоном.

И Ник ушел, напутствуемый ее ироническим смехом, отразившимся эхом от сдов вокзала.

11

Когда Брэди привез Гарольда в Отдел убийств, там царила суета, как в растревоженном улье. Ни один здравомыслящий сотрудник не надеялся добраться в эту ночь до своей постели. Брэди усадил парня на неудобную деревянную скамью, ткнул ему в руки субботний выпуск спортивной газеты, а сам отправился к Мэллори, который временно обосновался в кабинете Гранта.

Инспектор брился, просматривая отчет. Его накрахмаленная рубашка сияла безупречной чистотой, и вообще, несмотря на поздний час, он выглядел бодрым и свежим.

— Я доставил ее парня, — сказал Брэди. — Его фамилия Филипс, Гарольд Филипс.

— Ну и каковы ваши первые впечатления? — поинтересовался Мэллори.

— Подозрительный тип.

— Однако этого еще недостаточно, чтобы отправить человека за решетку.

— Но есть и кое-что конкретное.

Брэди вкратце передал ему свой разговор с Гарольдом, а когда закончил, Мэллори сказал:

— Хорошо, ведите его сюда.

Гарольд вошел в кабинет с напускным спокойствием, и только подрагивание мышц на его правой щеке выдавало, что парень трусит.

Мэллори обратился к нему подчеркнуто вежливо:

— Было очень любезно с вашей стороны прийти сюда в столь позднее время, господин Филипс. Мы ценим вашу готовность к сотрудничеству.

Это прибавило Гарольду уверенности в себе. Он уселся на стул, который придвигнул ему Брэди, и одарил Мэллори широкой улыбкой.

— Я к вашим услугам, господин старший инспектор. Задавайте вопросы.

В это мгновение в дверь постучали. В кабинет заглянул Ник Миллер. Он было подался назад, однако Мэллори жестом пригласил его войти. Ник закрыл за собой дверь и молча встал у окна.

— Для начала уточним вашу личность: вы — Гарольд Филипс, проживающий по адресу Нарша Плэйс, дом номер десять? — начал Мэллори.

— Он самый.

— До меня дошла информация, что вы и мисс Паккард собирались пожениться. Это правда?

— В общем, да, — Гарольд пожал плечами. — Несколько месяцев назад я купил ей кольцо, но официального обручения еще не было. То есть мы не назначили дня свадьбы и не обсуждали никаких деталей.

— Понятно. А теперь, с вашего позволения, я хотел бы еще раз вернуться к событиям минувшего вечера. Я знаю, что вы говорили об этом с детективом Брэди, однако предпочел бы услышать все сам.

— Как я уже сказал господину Брэди, мы с Грэйс должны были встретиться в половине девятого.

— Минуточку. А что было раньше? В котором часу вы вернулись с работы?
Гарольд заерзal на стуле.

— Видите ли, господин инспектор, дело в том, что я временно не работаю. Это из-за моей спины. В прошлом году я получил травму и теперь должен беречься.

Лицо Мэллори выразило сочувствие.

— Вот как? Очень жаль. Так, значит, вы сказали, что назначили мисс Паккард свидание в половине девятого вечера?

— Да. В баре "Королевский Герб", на углу Лэзер-стрит.

— И вы были там в условленное время?

— Я опоздал на пару минут. А когда пришел, оказалось, что Грэйс сидит в компании двух типов.

— Кто такие? Вы можете назвать имена?

— Не знаю. До этого я никогда их не видел.

— А с вашей... невестой такое уже случалось?

Гарольд вздохнул.

— Говоря по правде, да. Она... как бы это сказать... была очень легкомысленной. Ну, вы понимаете... Все время искала новых ощущений.

Это прозвучало, как фраза из дешевого сериала, но Мэллори не подал виду и, как ни в чем не бывало, продолжал допрос.

— И что же вы сделали, когда пришли и застали ее в обществе двух не известных вам мужчин?

— Я пробовал ее удержать, как-то объясниться. Однако Грэйс ничего не желала слушать. — Гарольд покраснел. — А потом один из них, такой здоровенный бугай, набросился на меня. Он чуть не сломал мне руку и повалил на пол, лицом вниз. Тогда вмешался владелец бара и велел им убираться.

— А что вы?

Гарольд наморщил лоб, как будто пытался вспомнить.

— Ну, я выпил виски с хозяином. Он меня угостил.

— И после этого вы отправились прямо домой?

— Нет. Как я уже сказал господину Брэди, я был очень расстроен и подавлен. Ка-кое-то время я бродил под дождем по улицам, потом выпил кофе в привокзальном буфете. Домой я добрался около половины десятого. Моя мать уже лежала в постели, поэтому я занес ей чашку чаю и сам тоже пошел спать.

Мэллори сделал запись у себя в блокноте. Когда он закончил и поднял голову, вперед выступил Ник Миллер.

— Простите, сэр, мне нужно отлучиться. Я жду важного сообщения.

— Хорошо, сержант. Вы свободны.

Ник прошел к себе в кабинет и оттуда позвонил Мэллори.

— Это Миллер, господин инспектор. Он лжет.

— Вот как? — голос Мэллори не выражал никаких эмоций. — Сейчас буду. — Он положил трубку на рычаг и улыбнулся Гарольду. — Я вернусь через пару минут.

В кабинете Ника Мэллори сел на стул и принялся набивать трубку.

— Что скажете?

Ник пожал плечами.

— Возможно, он и способен на какие-то человеческие поступки, только это случается весьма редко. Однако лучше обо всем по порядку. Во-первых, я говорил с Гарри Мидоусом, хозяином "Королевского Герба". После стычки в баре он предложил парню виски, но тот его обругал и выбежал следом за Грэйс и Фолкнером. А через пять минут вернулся, попросил прощения и согласился на выпивку.

— Почему?

— Думаю, он хотел прощупать Мидоуса. Пытался выведать у него, где живет Фолкнер.

— Выходит, знал его фамилию?

— Да. Вероятно, услышал во время драки.

Мэллори усмехнулся.

— А нам наплел сказочку.

— Но это еще не все. Грэйс Паккард была проституткой и работала на станции, пока конкурирующие девицы ее не выжили. Один из моих информаторов сообщил, что у Грэйс был парень, который регулярно тянул из нее деньги. Описание его внешности вполне подходит Гарольду.

Мэллори встал.

Когда он вернулся в свой кабинет, Гарольд докуривал третью сигарету. При виде старшего инспектора парень беспокойно дернулся. Мэллори улыбнулся и протянул ему руку.

— Простите за доставленные хлопоты, господин Филипс. Я не вижу причин задерживать вас дольше. Возвращайтесь домой.

Гарольд раскрыл рот от удивления.

— То есть я вам больше не нужен?

— Нет. Сообщенные вами сведения очень ценные для следствия. Именно благодаря такому сотрудничеству, нам уже удалось распутать не одно дело. Еще раз извините, что пришлось потревожить вас в столь позднее время. — Мэллори повернулся к Брэди, который вытянулся по стойке смирно. — Проследите, чтобы господина Филипса доставили домой.

— Я сам его отвезу, сэр. — Брэди взял Гарольда под локоть. — Через пятнадцать минут он будет на месте.

— Прощайте, господин инспектор. — Гарольд расплылся в улыбке и вышел из кабинета надутый, как индюк.

Мэллори сел и поднес спичку к трубке.

— Пусть молодчик пока думает, что сумел обвести нас вокруг пальца. А завтра утром мы как следует его тряхнем, и это будет такой шок, что он сломается.

— Вы считаете, это его рук дело? — спросил Ник.

— В любом случае, ему есть, что скрывать, раз он пытался нас обманывать. Во-первых, соглаш, когда заявил, что не знает Фолкнера хотя бы по имени. Во-вторых, подозрительны его отношения с жертвой. Здесь налицо сутенерство.

— Но это еще не доказывает, что он ее убил.

— А мгновенных доказательств и не бывает. В большинстве дел единственным исходным материалом, на котором приходится строить расследование, являются наши предположения, обрывочные признания и разрозненные факты. Например, Филипс заявил, что после ухода из "Королевского Герба" пил кофе в привокзальном буфете. Как по-вашему, сколько посетителей могло побывать там в субботний вечер?

— Не одна сотня, господин инспектор.

— Вот именно. Значит, бессмысленно рассчитывать, что кто-нибудь из персонала его опознает. Пойдем дальше. На данный момент мы располагаем информацией, что девушка была убита около половины одиннадцатого.

— А Филипс утверждает, что вернулся домой в половине десятого, отнес матери чай и сразу же лег спать. Ну и что?

— А то, что здесь есть некоторые странные обстоятельства. Брэди едва не высадил дверь, прежде чем ему удалось вытащить Филипса из кровати. Что касается его матери, она вообще не подала признаков жизни.

— Да, это и в самом деле странно.

— Но еще лучше история с капсулами канбутала, которые Брэди нашел на кухне. Проглотив несколько штук, можно не услышать даже взрыва бомбы на соседней улице.

— Я думаю, для прояснения картины завтра было бы неплохо проконсультироваться с ее лечащим врачом, — заметил Ник.

— Этим займется Брэди. — Мэллори встал. — А я пока отправлюсь в Институт судебной медицины. Мы уже подняли с постели профессора Мюррея, который, как только люди из лаборатории закончат свою работу, приступит к вскрытию тела. Что до вас, сержант, вам не помешает несколько часов сна. Если будете мне нужны, я позвоню.

— А что с Фолкнером?

Мэллори покачал головой.

— Он не вызывает у меня особых подозрений. Другое дело — Филипс.

— К сожалению, здесь я не могу с вами согласиться, господин инспектор.

Мэллори, слывший за человека крутого и вспыльчивого, уже готов был вспыхнуть, однако сдержался, хоть это и стоило ему немалого труда. Он ограничился тем, что едко проговорил:

— Надеюсь, господин Миллер, что при расследовании дел вы руководствуетесь и вещами более материальными, чем ваша гениальная интуиция.

— Гарри Мидоус рассказал мне о нем немало любопытного, — терпеливо пояснил Ник, игнорируя насмешку. — В нем есть агрессивность, странная для человека его круга. И он часто стремится разрешать конфликты с помощью насилия.

Мэллори пожал плечами.

— Я тоже использую силу, если ситуация к тому вынуждает. Это все, что вы хотели мне сказать?

— Не совсем, господин инспектор. Однажды ночью Фолкнер в пьяном виде раз откровенничался с Мидоусом и обронил пару фраз, из которых можно сделать вывод, что когда-то он сидел в тюрьме.

— Хорошо, — Мэллори кивнул, но не слишком охотно. — Свяжитесь с полицейской картотекой в Лондоне. Скажите, что это лично для меня, и к утру я хочу получить исчерпывающую информацию о Бруно Фолкнере. Мы вернемся к этому позже.

Когда за ним закрылась дверь, Ник снял телефонную трубку и попросил соединить его с Отделом информации.

12

В тесной, загроможденной мебелью комнате отдыха можно было лишь с великим трудом протиснуться между кроватями. Ник спал отвратительно. Всю ночь царила суета, как будто его коллег вызывали на службу с интервалами в пять минут. А тут еще дождь назойливо барабанил по подоконнику прямо у него над головой...

Около семи утра Ник отказался от бесплодных попыток уснуть, взял полотенце и отправился в ванную. Он четверть часаостоял под горячим душем, чтобы избавиться от чувства усталости, а потом ровно на полминуты включил холодную воду для возбуждения аппетита.

Он успел съесть полпорции яичницы с беконом, когда в буфет заглянул Джек Брэди. Ирландец уселся на стул напротив Ника и протянул ему листок бумаги.

— Хэнли из Отдела информации просил тебе передать. Это только что прислали из Лондона.

Ник бегло просмотрел документ и присвистнул.

— А наш Бруно, если копнуть, тот еще тип! Где Мэллори?

— Присутствует при вскрытии.

Ник отодвинул стул.

— В таком случае, будет лучше, если я немедленно отправлюсь в Институт судебной медицины. Ты со мной?

Брэди покачал головой.

— Нет. Я еще не связался с лечащим врачом миссис Филипс. Мэллори велел мне подождать до завтрака. Сказал, что это не горит. Я приеду сразу же после беседы с врачом.

— Тогда до скорого! — бросил Ник и быстро вышел.

Морт находился на тылах Института судебной медицины, занимающего большое здание, украшенное витражами. Это уродливое детище поздней готики окружала специфическая тягостная атмосфера.

Джек Палмер, старший техник, сидевший в своем маленьком застекленном кабинетике в конце главного коридора, еще издали заметил Ника.

— Привет, старина! На будущее, постарайтесь устраивать свои убийства в более приемлемое время. А то вот уже два месяца, как у меня не было ни одного человеческого уикенда. Жена в ярости.

— От души тебе сочувствую, — усмехнулся Ник. — А где наше начальство?

— Пьет чай. Однако я не думаю, что тебя угостят.

Ник открыл дверь по противоположной стороне коридора и вошел в выложенный белым кафелем холл, ведущий в зал заседаний. Мэллори уже был там; он сидел за низеньким деревянным столиком, занятый разговором с инспектором Генри Уэйдом и патологоанатомом Стивеном Мюррэем.

Профессор Мюррэй, высокий худощавый шотландец, был с Ником в приятельских отношениях и теперь в знак приветствия хлопнул его по плечу.

— Даже в восьмом часу утра ты выглядишь бодрым и свежим, как будто сошел с плаката, рекламирующего средство от похмельного синдрома. Что стряслось?

— Ничего страшного, — откликнулся Ник. — Пару дней отдыха — и я снова буду в форме. — Потом он обратился к Мэллори: — Я только что получил информацию о Фолкнере.

— Есть что-нибудь достойное внимания?

— Думаю, да, господин инспектор. Гарри Мидоус не ошибся в своих подозрениях. Фолкнер действительно побывал за решеткой. Дважды его присуждали к штрафу за драку, а два года назад он устроил настоящее побоище на какой-то богемной вечеринке в Челси.

— Были пострадавшие?

— Его менеджер: три сломанных ребра и сотрясение мозга. Фолкнер в совершенстве владеет каратэ, и, если теряет контроль, это может иметь самые тяжелые последствия.

— Он был осужден?

— Да. Получил шесть месяцев, которые отсидел от звонка до звонка. Он избил охранника, и за это его лишили права на досрочное освобождение.

— А впоследствии на него поступали жалобы?

— Нет. Но, сидя в тюрьме, он подвергся психиатрической экспертизе, в результате которой было составлено медицинское заключение. Надеюсь получить его с минуты на минуту.

Мэллори нетерпеливо передернул плечами.

— Хорошо, мы обсудим это позже. — Он повернулся к Мюррэю. — Что скажете, профессор? Это опять работа Дождевого Любовника?

— Делать подобные заключения не в моей компетенции, инспектор. Но если вас интересует, имеются ли различия между этим убийством и остальными, то, да, имеются. Ну, а выводы — это уже ваше дело.

— Хорошо. Говорите.

Мюррей закурил и принял мерить шагами комнату.

— Я начну со сходства. Как и во всех предыдущих случаях, шейные позвонки были сломаны вследствие сильного удара, нанесенного каким-то узким тупым предметом.

— Или ребром ладони, — заметил Ник.

— Ты имеешь в виду прием каратэ, — усмехнулся Мюррей. — Да, это возможно. Однако ты стараешься подогнать факты под свои предположения, а для профессионала это непростительная ошибка.

— А что еще сходного вы нашли, профессор? — спросил Мэллори, явно раздраженный вмешательством Ника.

— Обстоятельства, при которых было совершено преступление. То есть время, место, погода. Поздний час, пустынная улица, дождь.

— А в чем отличие? — спросил Генри Уэйд.

— Свежий синяк на шее жертвы и еще один, на правой щеке: как если бы ее сперва пытались душить, а потом ударили, возможно, кулаком. Но удар, повлекший за собой смерть, последовал позже. А теперь самое существенное. В случаях предыдущих убийств отсутствовали какие бы то ни было признаки насилия, исключая, конечно, смертельный удар. Он был нанесен быстро, с большой силой, точно и абсолютно неожиданно.

— То есть Грэйс Паккард знала, что ее ждет? — спросил Мэллори.

— Вовсе нет, — возразил Генри Уэйд. — Просто если бы нападение было совершено не известным ей человеком, имелись бы следы сопротивления со стороны жертвы — ну, хотя бы частицы кожи у нее под ногтями. А мы ничего такого не обнаружили.

— Тогда выходит, что она позволила себя избить, — констатировал Мэллори. — А это значит, что хорошо знала убийцу.

— Я не понимаю, на основании чего вы делаете подобный вывод? — Ник не смог удержаться от того, чтобы указать на явную, по его мнению, ошибку. — Ведь Грэйс Паккард была уличной проституткой. Почему бы ей не пойти с потенциальным клиентом?

В голосе Мэллори появилось раздражение.

— Значит, по-вашему, она стояла бы спокойно, позволяя себе душить и бить по лицу? Пошевелите мозгами, сержант! Ведь совершенно ясно, что она позволила избить себя кому-то хорошо знакомому, позволила, потому что привыкла к такому обращению с его стороны и даже считала это допустимым!

— Тут вы правы, инспектор, — кивнул Генри Уэйд. — Все мы знаем, в какой зависимости находится проститутка от своего сутенера. Здесь побои обычное дело, особенно, когда он подозревает, что девушка утаила часть полученных денег. Мне кажется, ответ надлежит искать, скорее, у психиатра.

— Весьма вероятно, — согласился Ник.

— И вы забыли еще об одном важном обстоятельстве, — добавил Уэйд. — После каждого убийства Дождевой Любовник забирал у жертвы что-нибудь на память. Часть одежды или какую-нибудь интимную мелочь. А в этот раз ничего подобного.

— Что еще, сержант? — спросил Мэллори, заметив движение Ника.

— В сумочке Грэйс Паккард были деньги?

— Два или три фунта банкнотами и немного мелочи.

— Фолкнер сказал, что дал ей десятифунтовую купюру.
— Неужели, сержант? — ядовито усмехнулся Мэллори. — Так, может, вы расскажете нам, что с ней сталоось?

— Понятия не имею, — вздохнул Ник. — Значит, мы возвращаемся к Гарольду Филипсу?

— Да. Я думаю, теперь самое время. Можете взять с собой детектива Брэди.

— А как быть с Фолкнером, господин инспектор?

— Бога ради, сержант, это превращается у вас в навязчивую идею!

Атмосфера опасно накалилась, и Миоррэй поспешил разрядить напряжение.

— Все это очень интересно, господа, однако вы не дали мне закончить. Я не знаю, пригодится ли вам подобная информация, но перед самой смертью Грэйс Паккард имела интимные сношения.

Мэллори нахмурился.

— Изнасилование?

— Отнюдь. Определенные факты указывают, что половой акт был совершен прямо на улице, у стены, и с согласия убитой. Впрочем, нельзя утверждать, что ее не вынудили к тому угрозами.

Мэллори встал.

— Это еще один гвоздь в крышку его гроба. Отправляйтесь к Филипсу, сержант, и захватите одежду, которая была на нем вчера вечером. Я жду вас через полчаса.

Иногда можно и спорить, однако следует знать, когда нужно выполнять приказ.

Ник молча вышел.

У здания ратуши он встретил Брэди, как раз спускавшегося с крыльца.

— Что еще приключилось? У тебя такой вид, словно ты угодил из огня да в полымя.

— Мы должны немедленно арестовать Гарольда Филипса. Мэллори считает, что убийца — он.

Брэди недоверчиво хмыкнул.

— Этот хлюпик — Дождевой Любовник?

— Послушай, Джек, вполне возможно, что Дождевой Любовник не имеет никакого отношения к убийству Грэйс Паккард. Я объясню тебе все по дороге.

— Вы опять погрызлись с Мэллори? — спросил Брэди, когда они уселись в машину Ника.

— Не совсем. Просто Мэллори подозревает Филипса, а у меня на этот счет иное мнение. И только.

— А как обстоит дело с Фолкнером?

— Это другая сторона медали. Мэллори смотрит на него в точности, как я на Гарольда.

— Он может и передумать, — сказал Брэди. — Я как раз прочел рапорт Джо Дуайра, дежурного полицейского, который обнаружил труп. Его хорошо отделали.

— И как он? — спросил Ник, включая зажигание.

— Лежит в госпитале. Тяжелое сотрясение мозга. Так вот, в его отчете есть кое-что любопытное для тебя. За десять минут до нападения Дуайр столкнулся с типом, который как раз выходил из бара на Риджент Плэйс.

— Он его описал?

— Даже назвал по имени. Случайно они знакомы. И это был не кто иной, как наш приятель Бруно Фолкнер.

— Вот это да! — Ник притормозил и свернул в соседнюю уличку.

— Куда мы едем? — удивился Брэди. — Нарша Плэйс в другой стороне.

— Я хочу заглянуть в этот бар и перекинуться парой слов с хозяином. Его зовут Сэм Харкнесс, он бывший профессиональный регбист.

Брэди покачал головой.

— Мэллори будет в ярости. А впрочем, твое дело.

Он откинулся на спинку сиденья и принялся набивать трубку табаком.

Дождь окутал Риджент Плэйс серой пеленой. В баре Сэма Харкнесса было всего два клиента. Таксисты, заехавшие перекусить после ночной смены, поедали тосты с яйцом. Хозяин приветствовал новых посетителей, не отходя от плиты.

— Рад вас видеть, господин Миллер! Позавтракаете?

— Как-нибудь в другой раз, Сэм. А сейчас я хотел бы получить кое-какую информацию. Вы слышали о вчерашнем убийстве на углу Доб Корт?

— А как же! Полиция крутилась тут целую ночь. Я неплохо заработал на кофе и сигаретах.

— Я только что прочел рапорт Дуайра насчет этих событий. Он пишет, что был у вас около десяти минут одиннадцатого.

— Верно.

— И в это самое время отсюда вышел другой посетитель. Если не ошибаюсь, некий Бруно Фолкнер.

Харкнесс утвердительно кивнул.

— Это один из моих постоянных клиентов. Он скульптор. Живет за углом, в соседнем доме. Ему случается заглядывать ко мне даже среди ночи, если у него вдруг кончатся сигареты. Что поделать: такой уж народ эти художники!

— А вчера ему тоже были нужны сигареты? — поинтересовался Брэди.

— Да, он купил пачку "Кроун Кинг". И, думаю, скоро опять придет, потому что был у меня пару перчаток. Женских. — Харкнесс нырнул под прилавок и достал черные перчатки из искусственной кожи, украшенные кусочками белого пластика и стразами. Такую вещицу можно было купить почти в любом галантерейном магазине, стремящемся удовлетворить невзыскательные вкусы гоняющейся за модой молодежи. — Они выпали у него из кармана, когда Фолкнер расплачивался, — пояснил Харкнесс. — И знаете, что самое забавное? Он смущился и пробормотал что-то вроде того, будто бы это перчатки его невесты. — Харкнесс усмехнулся. — Однако это шито белыми нитками. Я видел ее — то есть его невесту — когда она приходила сюда вместе с ним. Это Джоан Хартманн, актриса, которая играет в сериале. Женщина ее никогда бы не надела такую вульгарную дешевку.

"Просто удивительно, как много можно узнать от людей, даже ничего у них не выпытывая!" — подумал Ник. А вслух сказал:

— Я скоро должен увидеться с господином Фолкнером, Сэм. Так что, если не возражаете, передам ему перчатки.

Харкнесс пожал плечами.

— Да ради Бога, господин Миллер! Только он, верно, еще развлекается с красивой, которая их потеряла. — Он подмигнул. — Ах, эти художники! Завидую я им, право слово!

— Значит, у Фолкнера в кармане были перчатки Грэйс Паккард, — сказал Брэди, когда они садились в машину.

— Ну и что? Он ведь не отрицал, что девушка была в его мастерской. Скажет, что она случайно их обронила или забыла по рассеянности. А, впрочем... Вот что, Джек: возьми такси и поезжай к Паккардам. Не думаю, чтобы ее мать была сейчас расположена к беседам, но попытайся узнать у отца, носила ли Грэйс такие перчатки. А когда покончишь с этим, сразу же отправляйся на Нарша Плэйс. Я буду тебя ждать.

— Мэллори тебя убьет за самоуправство.
— Не бери в голову. Кстати, что тебе сказал врач миссис Филипс? Удалось что-нибудь узнать?

Брэди фыркнул.

— Он отказался обсуждать это по телефону. Это индус, Лал Дас. Тот еще фрукт. Как все черномазые. Такому не дашь на лапу — слова не вытянешь.

— Ладно, Джек, я сам с ним переговорю.

Брэди посмотрел на часы.

— Значит, минут через тридцать. Это не должно занять много времени.

— Буду ждать тебя перед домом.

Ник провожал взглядом Брэди, пока тот бежал к стоянке такси, потом забрался в свой "мини-купер" и уехал.

13

Лал Дас, о котором так нелестно отзывался Брэди, был высоким худым индусом. Доктор медицины и член Королевского Общества терапевтов, он мог занять престижное место в солидной клинике. Однако предпочел этому скромную практику в одном из самых бедных и неблагополучных по медицинским показателям кварталов. Лал Дас был также известен как хороший нарколог, и Ник иногда пользовался его услугами.

Сейчас он как раз окончил завтракать и читал воскресное приложение к газете. Увидев Ника, доктор Дас улыбнулся и указал ему на стул.

— Выпьете кофе?

— Спасибо. Не откажусь.

— У вас ко мне какое-нибудь дело, или вы случайно проезжали мимо?

— Вам недавно звонили, чтобы получить сведения о состоянии здоровья миссис Филипс с Нарша Плэйс.

Дас кивнул.

— Да. Но офицер, который со мной говорил, был не слишком любезен. Он не желал объяснять, в чем дело, поэтому я отказался выдать ему требуемую информацию. Отношения между врачом и пациентом должны основываться на доверии и полной конфиденциальности. Только в исключительных случаях я могу посвятить постороннее лицо в дела пациента или историю его болезни.

— Подозрение в убийстве для этого достаточное основание? — спросил Ник.

Лал Дас вздохнул.

— Я должен знать немного больше. Тогда решу, как быть.

— Хорошо. Подозреваемый — сын вашей пациентки, Гарольд Филипс. Или он тоже ваш пациент?

На лице у индуса появилось презрительное выражение.

— К счастью, нет. Это на редкость мерзкий субъект.

— У него была подружка по имени Грэйс Паккард. Вы когда-нибудь ее видели?

Дас покачал головой.

— Ее убили вчера вечером. Само собой, Гарольда вызвали для дачи показаний. Нам стало известно, что незадолго до трагического события между ними вспыхнула ссора. Убийство было совершено около четверти одиннадцатого. А Филипс заявил, что вернулся домой около половины десятого. Он говорит, что его мать уже лежала в постели, поэтому он принес ей чай и сам тоже пошел спать.

— Значит, его алиби — мать, — заметил Дас. — А что вы хотите от меня?

— Видите ли, дело выглядит подозрительно. Двое полицейских сразу же после полуночи отправились на Нарша Плэйс, чтобы доставить Гарольда в уч-

сток. Им пришлось стучать в дверь добрых пять минут, прежде чем он подал какие-то признаки жизни, а его мать вообще не появилась. Он сказал, что она неважно себя чувствует и спит, как младенец. А один из детективов утверждает, что невозможно спать при таком шуме.

— Разве что под действием снотворного, — заметил Дас.

Ник кивнул.

— Такого, как, например, канбутал. Я знаю, что это сильное средство, но мне известно также, что его не выписывают при обычной бессоннице.

Дас встал, подошел к камину и достал из ящичка сандалового дерева короткую черную сигару.

— Я скажу вам кое-что, однако при условии сохранить это в тайне. Вы правы относительно канбутала. Его применяют в тех случаях, когда пациент не может уснуть из-за очень сильных болей. Оказываемое действие аналогично наркозу. Так что сами понимаете.

— Тогда миссис Филипс должна быть серьезно больна.

— У нее рак в последней стадии.

На мгновение в комнате повисла тишина, как если бы вдруг повеяло кладбищенским духом. Потом Ник вздохнул и спросил:

— Гарольд об этом знает?

— Даже сама миссис Филипс не догадывается. Она уже много лет страдает астмой. И теперь думает, что это обострение ее обычной болезни. В действительности же недуг быстро прогрессирует. Это уже дело дней.

— А каковы последние действия канбутала? Ее можно разбудить?

— Это зависит от дозы. Миссис Филипс принимает на ночь две капсулы. Она приходит на прием раз в неделю и получает рецепт, которого хватает на такой срок. Кстати, в последний раз была у меня вчера утром.

— Меня интересует, может ли больная проснуться через час или два после того, как приняла две капсулы.

— Смотря что понимать под словом "проснуться". Ибо то, что случилось после пробуждения, может восприниматься ею, как продолжение сна. А, скорее всего, она этого вообще не вспомнит.

Ник встал.

— Это очень ценная информация. В самом деле.

Они вышли в холл. Дас открыл дверь.

— Вы намерены арестовать молодого Филипса? Против него есть какие-то конкретные улики?

— Я должен его еще раз допросить. Больше сказать пока ничего не могу. Вы, наверное, знаете, что инспектор Грант находится в клинике после автомобильной катастрофы? Поэтому следствие теперь ведет старший инспектор Мэллори из Скотланд-Ярда. Если вас интересуют обстоятельства дела, обратитесь к нему.

— Меня заботит только спокойствие миссис Филипс. Надеюсь, что вы до последней возможности постараетесь скрывать от нее серьезность ситуации. А если захотите о чем-нибудь расспросить, я, как лечащий врач, должен при этом присутствовать.

Ник кивнул.

— Я сейчас еду за Гарольдом. И, само собой, мне придется задать его матери несколько вопросов. Вы можете отправиться со мной. Не вижу к этому никаких препятствий.

— Хорошо. Только я поеду на своей машине. Подождите меня у входа.

— Как вам будет удобно, — ответил Ник, усаживаясь в свой "мини-купер".

Брэди ждал у газетного киоска на углу Нарша Плэйс. Когда Ник притормозил, он перебежал под проливным дождем через улицу, распахнул дверцу и плюхнулся на сиденье.

— А ты быстро! — сказал он Нику. — Я вот только что освободился. — Он достал перчатки. — Отец Грэйс Паккард сразу же их опознал. Это его подарок дочери ко дню рождения. Они их вместе покупали. Он даже помнит, в каком магазинчике.

— Неплохо, — откликнулся Ник. — А я видел Даса. И он рассказал мне все о канбутале. Его прописывают, когда пациент не может спать из-за сильных болей.

Брэди присвистнул.

— Значит, дела у старушки неважные.

— Похоже на то. Кстати, Дас едет следом. Он заглянет к миссис Филипс — на тот случай, если ей вдруг станет хуже.

— Понимаю, — кивнул Брэди.

У них за спиной раздался звук клаксона. Это подъехал Дас. Ник свернулся к Нарша Плэйс и остановился перед домом номер десять.

Когда Гарольд открыл им дверь, на его лице промелькнуло выражение страха, которое тут же сменилось развязной усмешкой.

— Опять вы?

— Это полицейский инспектор, сержант Миллер, — официальным тоном представил Ника Брэди. — Он хотел бы задать тебе пару вопросов.

— Понятно. — Гарольд с удивлением глянул на доктора. — А вы здесь зачем?

— Меня тревожит состояние твоей матери. Сейчас для нее опасны любые волнения, поэтому я решил, что побуду рядом.

Когда они вошли в дом, Ник сказал:

— Вам лучше одеться, мистер Филипс. Мы должны поехать в управление.

У Гарольда задергалась щека.

— Но я уже был там вчера. В чем дело?

— Не беспокойся, приятель, — Брэди похлопал его по спине. — Тут выяснились кое-какие новые факты, а старший инспектор Мэллори считает, что ты можешь ему помочь. Только и всего.

— Ладно. Я буду готов через пять минут.

Гарольд вышел, а Брэди взял с буфета коробочку с канбуталом.

— Вот эти таблетки.

Дас открыл коробочку и выпряхнул ее содержимое на ладонь. Он нахмурился.

— Я дал ей рецепт вчера в половине третьего пополудни. А она успела принять уже три капсулы. — Он ссыпал капсулы обратно. — Я должен ее осмотреть.

— Хорошо, — сказал Ник. — Я пойду с вами.

— Это необходимо?

— Да. Речь идет о проверке алиби Гарольда. Но, конечно, лучше, если вы будете рядом.

— Я тоже так думаю. Но было бы еще лучше, если бы вы получили нужную информацию, не подвергая допросу больную женщину. Так ли обязательно тревожить ее в нынешнем состоянии?

— Я постараюсь сделать все как можно более деликатно.

Было видно, что Дас неоднократно здесь бывал и хорошо знает дорогу. Когда они поднялись по лестнице, доктор без колебаний открыл выходившую на площадку дверь. В спальне, большой и мрачной, были до половины спущены шторы. Мебель — очень старая, красного дерева, в основном, викторианской эпохи. Бронзовая кровать имела ценность музеиного экспоната, но вряд ли ее хозяйка об этом догадывалась. Она лежала, откинувшись на подушки, с закры-

тыми глазами и склоненной на бок головой. Пергаментная кожа туго обтягивала кости. У нее был вид человека, одной ногой уже стоящего в могиле. Ник сразу это понял, поскольку ему не однажды случалось видеть умирающих. Смерть притаилась рядом, в тени, чтобы, как добрый друг, избавить старую женщину от мучений.

Дас присел на край постели и осторожно коснулся плеча больной.

— Миссис Филипс!

Она разлепила веки и уставилась на него невидящими глазами. Потом вздохнула и слабо улыбнулась.

— Доктор Дас...

Мягкий голос индуза действовал успокаивающе.

— Как вы себя чувствуете, миссис Филипс? Сегодня вам немного получше?

— А какой сегодня день, доктор?

Женщина казалась рассеянной и ошеломленной, и Ник подумал, что это из-за действия лекарства.

— Воскресенье, дорогая. Сейчас утро воскресенья.

Больная заморгала и перевела взгляд на Ника.

— А кто вы? — спросила она.

Ник подошел ближе и улыбнулся.

— Я — приятель Гарольда, миссис Филипс. Мы договорились встретиться с ним вчера вечером, но он почему-то не пришел. Вот я и решил к нему заглянуть, посмотреть, все ли в порядке.

— Он должен быть дома. Гарольд — славный мальчик. Принес мне чай...

— А когда это было, миссис Филипс? — мягко спросил Ник.

— Когда?.. — она наморщила лоб, пытаясь вспомнить. — Думаю, вчера. Да, это было вчера... вечером, после того как он вернулся... — она вздохнула. — Память у меня теперь стала никудышняя.

— Так это Гарольд сказал вам, что принес чай вчера, миссис Филипс?

— Не знаю... не помню... Он славный мальчик... — она закрыла глаза. — Славный мальчик...

В это мгновение дверь открылась, и на пороге появился Гарольд Филипс.

— Что здесь происходит? — спросил он со злостью.

— Твоя мать тяжело больна, — ответил Дас. — Ее нужно немедленно поместить в клинику. — Он указал на коробочку с капсулами канбутала. — Ты знаешь, что она увеличила дозу? Разве я не предупреждал тебя, что это опасно и может иметь фатальные последствия?

Гарольд побледнел. Брэди подошел к нему сзади и взял под локоть.

— Пойдем, сынок.

Они вышли из комнаты. Ник последовал за ними.

— Вчера вечером вы были в этой одежде? — спросил он у Гарольда.

— Да. — В глазах у парня, как он ни храбрился, опять появился страх. — Эй! А в чем, собственно, дело?

— Забирай его, — велел Ник Брэди и повернулся к Дасу, который тихо притворил дверь в спальню.

— Ситуация складывается для него не наилучшим образом, правда, сержант?

— Да, у парня проблемы. Но это все, что я могу сейчас сказать. А что будет с его матерью? Я могу чем-нибудь помочь? — в свою очередь спросил Ник.

— Об этом не беспокойтесь. Здесь есть телефон. Я вызову "скорую" и подожду, пока они приедут. А вы меня потом проинформируете, как обстоят дела, хорошо?

Ник кивнул.

В полицейском управлении Ник и Брэди отвели Гарольда в комнату для предварительных допросов, где, без всяких церемоний, сняли с него брюки.

— Эй! — закричал он. — Вы что себе позволяете? Это нарушение моих прав! Я буду жаловаться!

— Ребята из лаборатории должны провести несколько тестов, — пояснил ему Брэди. — Если все пройдет хорошо, тебя тут же отпустят. Ты ведь хочешь этого, сынок?

Но Гарольд продолжал вопить и отбиваться.

— Идите к дьяволу! Кончайте свои дурацкие штучки!

В это мгновение в дверь постучали, и вошел дежурный полицейский с парой переброшенных через руку форменных брюк.

— Лучше одевайся и делай, что тебе велят, — посоветовал Ник, бросая парню брюки. — А то будет хуже. — Он повернулся к Брэди. — Мне нужно кое-что выяснить, Джек. Увидимся позже.

Медицинское заключение о состоянии здоровья Фолкнера, которое должны были прислать из Лондона, лежало на столе. Ник быстро его просмотрел. Потом прочитал еще раз, уже без спешки. Закончив, он несколько минут сидел неподвижно, задумчиво глядя в пространство. Наконец встал и отправился к Мэллори.

Старший инспектор что-то искал в картотеке и с раздражением посмотрел на вошедшего.

— Долго же вы возились, сержант! Ну и что скажете?

— Филипс сейчас в комнате для предварительных допросов. Его брюки забрали в лабораторию на экспертизу. Я знаю, что инспектор Уэйд собирался привлечь к этому серолога из Института судебной медицины. Так что скоро должны быть результаты.

— А вы видели его мать?

Ник вкратце рассказал о том, что произошло на Нарша Плэйс.

— Похоже, она долго не протянет.

— Значит, Гарольд мог разбудить ее в любое время, когда принес чай. Из того, что говорит врач, следует, что в нынешнем своем состоянии она не знает, было это вчера или сегодня, — констатировал Мэллори.

— Вроде так, — согласился Ник.

— Отлично! — Мэллори потер руки. — Пусть немного передохнет, а потом я за него возьмусь. Не думаю, чтобы малый долго запирался.

— Вы говорите так, будто его вина уже доказана.

— Вы еще молоды, сержант, и поэтому я скажу вам кое-что для вашего же блага. Так вот, за свою жизнь я расследовал больше убийств, чем вы съели бифштексов. У меня чутье на такие дела, и я ручаюсь, что убийца Грэйс Паккард — Гарольд Филипс.

— А что с Фолкнером? — спросил Ник. — По-моему, его все же пока нельзя вычеркнуть из списка подозреваемых. Ведь вы читали рапорт полицейского Дуайра?

— Я знаю, что вы хотите сказать, — ответил Мэллори. — Дуайр видел Фолкнера в баре на Риджент Плэйс непосредственно перед моментом, когда было совершено убийство.

— И Фолкнер умолчал об этом при допросе.

— Ну, в подобных обстоятельствах это вполне естественно.

Ник достал перчатки и бросил их на стол перед Мэллори.

— Это принадлежало Грэйс Паккард. Фолкнер случайно обронил их в баре. Мэллори нахмурился.

— Значит, вы были там сегодня утром?

— Да. Когда Брэди рассказал мне о рапорте Дуайра, я подумал, что еще успею заглянуть в бар и задать пару вопросов его хозяину.

— Разве я не достаточно ясно сказал вам, чтобы вы немедленно доставили ко мне Филипса? — резко спросил Мэллори.

— Но я задержался всего на десять минут. И, может быть, вас заинтересует то обстоятельство, что когда перчатки выпали у Фолкнера из кармана, он сказал хозяину бара, будто они принадлежат его невесте, Джоан Хартмани? Как вы думаете, почему?

Мэллори фыркнул.

— Потому как не хотел, чтобы выплыло, что он был с другой женщиной. Или подобное объяснение кажется вам чересчур простым?

— Но ведь общеизвестно, что он провел этот вечер в компании Грэйс Паккард. И все, кто был на дне рождения у Джоан Хартмани, включая ее саму, видели, что они ушли вместе. Зачем же, в таком случае, лгать хозяину бара?

— Вы придаете слишком большое значение мелочам, сержант.

— Но это совсем не мелочь. Если вы помните, инспектор Уэйд сказал, что после каждого очередного убийства Дождевый Любовник забирал у своей жертвы какую-нибудь вещь. А в данном случае этого не произошло. Но можем ли мы быть так уверены теперь, когда знаем о перчатках?

— Значит, мы опять возвращаемся к версии о Дождевом Любовнике? — спросил Мэллори. — Нет, все это как-то не клеится. Слишком много различий и неувязок.

— Согласен, — ответил Ник. — Однако я по-прежнему считаю, что Фолкнер еще многое должен нам объяснить. Он был с Грэйс Паккард, а причины, по которым привел ее ночью к себе на квартиру, чересчур эксцентричны, чтобы не вызвать подозрения.

— Вовсе нет, — возразил Мэллори. — Если послушать людей, которые хорошо его знают, такое поведение отнюдь не является для Фолкнера чем-то из ряда вон выходящим. Даже наоборот.

— Но у нас есть двое свидетелей, утверждающих, что он находился в непосредственной близости от места преступления всего за каких-нибудь пару минут до совершения убийства. И он согнал Харкнессу насчет перчаток, — настаивал Ник.

— А зачем он заходил ночью в бар? — спросил Мэллори. — Харкнесс вам об этом сказал?

— За сигаретами.

— И такое случилось впервые?

— Нет. Он покупает их там довольно часто, причем в самое неожиданное время.

— А вы понимаете, как это использует ловкий адвокат?

— Согласен, — вздохнул Ник. — Все это только разрозненные улики. Однако слишком много фактов накладываются друг на друга, чтобы ими пренебречь. Взять хотя бы проявления агрессивности, странные для человека его круга. Кстати, у меня есть медицинское заключение на этот счет.

Он протянул документ Мэллори. Но тот отмахнулся.

— У меня сейчас нет времени на чтение. Изложите вкратце.

— Хорошо. Шесть лет назад Фолкнер попал в аварию во время автомобильных гонок в Брэндз Хэтч. Он получил серьезную травму черепа: осколки кости вонзились в мозг. Ему чортовски повезло, что он вообще выкарабкался. И с тех пор у него появились эти приступы агрессивности. Психиатры, осматривавшие его в период тюремного заключения, пришли к выводу, что такое поведение является прямым следствием повреждения мозга, в значительной мере вызванного осколками кости, кото-

рых хирурги не смогли извлечь. Агрессивность Фолкнера еще усилилась во время отбывания им срока. Он неоднократно затевал драки с другими заключенными и даже избил охранника. В итоге ему было предложено пройти курс лечения в психиатрической клинике. Однако он отказался.

— Хорошо, хорошо, я сдаюсь! — Мэллори поднял кверху обе руки, будто и в самом деле сдавался. — Идите и побеседуйте с ним, сержант. Делайте, что хотите. А я пока зайдусь Гарольдом.

— Благодарю, господин инспектор.

Ник был уже на пороге, когда Мэллори его окликнул:

— И все же ставлю фунт за то, что Грэйс Паккард убил Филипса.

— Это достаточно крупная ставка, господин инспектор.

— И пять к одному против Бруно Фолкнера.

— Ну что ж, я не люблю даром брать деньги, но если вы настаиваете... — Ник улыбнулся и тихо прикрыл за собой дверь.

А в это самое время, только в другом квартале, человек, прозванный Дождевым Любовником, просматривал воскресную газету. На второй странице он увидел фотографию Шина Дойля и сразу же его узнал. Он долго разглядывал снимок, думая о девушке, которая стояла в дверях, окруженная ореолом света посреди мрака и проливного дождя. С ней еще не кончено, но сперва необходимо избавиться от того человека. Разумеется, можно позвонить в полицию и, не называя себя, сообщить, где прячется Дойль. Но тогда возникнет опасность, что они заодно арестуют и девушку как его пособницу и укрывательницу...

Дождевой Любовник нахмурился. И тут его осенило. Это было так просто и вместе с тем гениально, что он рассмеялся. И продолжал смеяться все время, пока надевал кепи, застегивал плащ — и даже, когда вышел на улицу под дождь.

Певец оказался индусом, симпатичным и бородатым. Увидев Ника, он приветливо улыбнулся.

— Не желаете зайти?

— Я бы с удовольствием, но как-нибудь в другой раз. А сейчас разыскиваю Бруно Фолкнера. Вы не знаете, где он может быть? Я стучал к нему, но никто не ответил.

Индус засмеялся.

— По воскресеньям Фолкнер разбивает кирпичи.

— То есть?

— Каратэ, приятель. Он ходит тренироваться в клуб "Кардон". А если под рукой нет кирпичей, раскалывает черепа. — Индус выразительно постучал себя по лбу. — У него не все в порядке с головой. Даже травку курить не нужно.

Ник кивнул.

— Спасибо за информацию. Надеюсь, мы еще когда-нибудь увидимся.

На протяжении многих лет Ник Миллер с увлечением занимался дзюдо и каратэ. В обоих этих боевых искусствах он добился коричневого пояса, и только завал со служебными обязанностями помешал ему достичь дальнейших успехов. Несмотря на то, что Ник тренировался в полицейском спортивном клубе, ему случалось бывать и в клубе "Кардон". Знал он и тамошнего старшего тренера — Берта Кинга.

Сейчас на татами было две группы. Кинг вел занятия в одной из них. Это был сухонький, невзрачный с виду человек, с желтой пергаментной кожей. Его большая голова смешно контрастировала с маленьким туловищем. Но у него был четвертый дан

в дзюдо и айкидо, а в его бойцовских качествах Ник мог убедиться на собственном опыте.

Кинг встретил Ника широкой улыбкой.

— Здравия желаю, сержант! Что-то вы давно к нам не заглядывали.

— Все времени нет, Берт. Служба. Я ищу человека по имени Бруно Фолкнер. Он здесь?

Улыбка Кинга несколько подутила, но он указал рукой на соседнюю дверь.

— Там.

— А вы, я вижу, о нем не слишком хорошего мнения? — спросил Ник, который умел использовать любую возможность для получения нужной ему информации.

— На мой взгляд, он слишком груб и жесток. И, говоря по правде, с некоторых пор я подумываю о том, чтобы выставить его из клуба. Он не в состоянии себя контролировать. Заводится с полуслова.

— А как насчет его профессиональных способностей?

— Второй дан в каратэ. Здесь он силен, а, кроме того, хорош во всяких трюках на публику. Ну, там, раскалывание кирпичей, деревянных досок и тому подобное. Зато в дзюдо абсолютный ноль. Он тренируется один. Если хотите, я провожу вас к нему.

На Фолкнера был старый, вылинявший от многократных стирок костюм. Но выглядел он весьма внушительно и эффектно, когда стоял в углу перед огромным зеркалом, отрабатывая бесконечные разминочные приемы, без овладения которыми ни один спортсмен не имеет шансов достичь хоть каких-нибудь результатов в каратэ.

Появление Ника вывело у него гримасу.

— А я не знал, Берт, что ты пускаешь сюда легавых. Надо будет подумать, не сменить ли мне клуб.

— Сержант Миллер здесь всегда желанный гость, — холодно ответил Кинг. — И, на твоем месте, я бы с ним осторожен на татами. Тебя может ждать неприятный сюрприз.

Подобная оценка способностей Ника была сильно преувеличена, судя по тому, что он только что видел.

Фолкнер усмехнулся.

— Не стоит меня провоцировать.

Кинг вышел, а Фолкнер быстрым движением пригладил волосы.

— Вы являетесь ко мне в любое время суток: на завтрак, обед и ужин. Это становится утомительным.

— Увы, служба! — Ник достал из кармана перчатки Грэйс Паккард. — Узнаете?

Скульптор вздохнул.

— Естественно. Я оставил их вчера в баре Сэма Харкнесса, на Риджент Плейс. Должно быть, обронил, когда искал мелочь, чтобы расплатиться. Сэм еще удивился, как у меня оказалась такая вульгарная вещь.

— А вы ответили ему, что это перчатки вашей невесты.

— Да, сержант, и признаю, что это было не слишком хорошо с моей стороны. На самом деле, это перчатки Грэйс. Она забыла их у меня в мастерской.

— Но почему вы не сказали Харкнессу правды?

— Ох, сержант, не стройте из себя дурака! С какой стати я должен обсуждать с ним свои личные дела?

— Раньше вы не были столь щепетильны.

Лицо Фолкнера потемнело от гнева.

— У вас еще имеются вопросы? Потому как я хотел бы продолжить тренировку.

— По-моему, на сегодня вы уже достаточно натренировались. А вопросы у меня есть. И даже чертовски много: Вам придется объясниться, господин Фолкнер.

— Неужели? Может быть, я уже арестован?

— Пока нет. А там будет видно.

— Значит, я еще вольная птица? — Фолкнер посмотрел на часы. — Я пробуду здесь около двадцати минут. Потом приму душ, оденусь, поймаю такси и отправлюсь домой. Если уж мне не избавиться от общения с вами, то мы будем беседовать только у меня дома и больше нигде. А пока желаю здравствовать.

Он повернулся, прошел по циновкам к зеркалу, стал в позицию и принялся отрабатывать удары.

15

Бомбардир открыл глаза. Он зевнул, потянулся и огляделся по сторонам, пытаясь сообразить, где находится. И тогда все вспомнил.

В уютной старомодной комнате было так тихо, что он слышал тиканье часов и монотонный шум дождя, ударяющего о стекло.

Плед Дженнери Кроузер сполз ему на колени. Бомбардир с улыбкой провел по нему рукой, потом встал и опять потянулся. Огонь в камине почти догорел. Бомбардир присел на корточки, отгреб золу и подбросил немного щепок для растопки. Дождавшись, пока над углами заплясали огоньки, он отправился на кухню.

Здесь он налил в чайник воду, зажег газ и взял из лежавшей на столе пачки сигарету. Затем подошел к окну и выглянул на залитый дождем двор.

Внезапно у него за спиной раздался голос Дженнери:

— Все льет и льет, конца не видно.

На девушке был старый халат, распущенные волосы свободно падали на плечи. Лицо у нее было свежее и ясное.

Бомбардир усмехнулся.

— Я могу не спрашивать, хорошо ли тебе спалось. Ты выглядишь так, будто искупалась в горном источнике.

Дженнери улыбнулась и, зевая, подошла к окну.

— Я уже две недели так сладко не спала. Сама не знаю, почему.

— Потому что здесь я, моя радость. Оберегаю твой сон, как старый верный пес.

— Может быть, — ответила девушка серьезно.

На мгновение воцарилось неловкое молчание. Оба не знали, что им теперь сказать.

Дженнери ополоснула заварной чайничек и потянулась за ложечкой. Бомбардир засмеялся.

— Воскресное утро... мое любимое время. Я любил поваляться в постели, пока на кухне жарится свининка.

— А кто для тебя готовил? — спросила Дженнери.

— Разумеется, моя тетка! — он сстроил обиженную мину. — За кого ты меня принимаешь? За типа, который приглашает в дом случайных подружек?

— Как мило, что ты употребил множественное число! — явственно заметила девушка. — Это свидетельство твоего необычайного такта.

Бомбардир обнял ее за талию и привлек к себе, чувствуя сквозь ткань халата тепло обнаженного тела.

— Я совсем одичал за эти годы в каталажке.

— Но, но! Здесь тебе не обломится. — Она слегка отодвинулась и погрозила ему пальцем. Потом прижала ладонь к его губам. — Ох, и глупый же ты, Бомбардир!

Не выпуская ее из объятий, Дойль наклонил голову так, что его лоб коснулся ее лба. У него сдавило горло.

— Не доводи меня, девчонка!

Дженни мягко взяла его за подбородок и поцеловала. После минутного колебания Бомбардир отстранился, хотя продолжал держать руки на ее плечах. То, что он сказал, стало неожиданностью даже для него самого.

— Нет. Я не могу позволить, чтобы ты впуталась в эту историю. А потому выпью чай, что-нибудь проглотчу и исчезну. А вы с бабушкой просто забудете о моем существовании.

Дженни фыркнула.

— Это уж мне решать, впутываться или нет. Садись лучше к огню да, будь добр, помолчи.

Он усился в кресло и смотрел, как она заваривает чай.

— А что твоя бабушка?

— Она проспит до полудня. Людям в ее возрасте нужно много времени для отдыха.

Когда Бомбардир взял у нее чашку, Дженни проговорила:

— А может быть, лучше сдаться, Бомбардир? Все равно тебе некуда бежать. И чем больше это затягивается, тем хуже.

Дойль покачал головой.

— Тогда я потеряю все льготы, что означает еще два с половиной года отсидки.

— А ты уверен, что их потеряешь?

— Не знаю. В таких делах многое зависит от случая. Я уже сидел бы в камере, если бы прошлой ночью обстоятельства сложились по-другому.

— Что ты хочешь сказать?

Бомбардир рассказал ей о том, что произошло на квартире у Дорин. Когда он закончил, Дженни вздохнула.

— И что мне с тобой делать?

Он усмехнулся.

— У меня есть одно интересное предложение. Два с половиной года — чертовски долгий срок.

Девушка окунула его критическим взглядом и скривилась.

— Знаешь, раньше я об этом как-то не подумала, но теперь вижу, что тебе не мешает помыться. Ванная наверху, прямо у лестницы, и горячей воды у нас вдоволь. Отправляйся туда, а я пока приготовлю завтрак.

— Ладно, ладно, — улыбнулся Бомбардир, когда Дженни потянула его за руку и подтолкнула к двери.

Однако едва он очутился в ванной, как улыбка сошла с его лица. Два с половиной года! При одной мысли об этом его проняла холодная дрожь. Ах, если бы этот чертов охранник не вздумал отправиться в буфет, а ему не взбрело в голову потискать медсестру! Но такова уж наша жизнь. Одно сплошное: "Ах, если бы..."

Бомбардир заканчивал одеваться, когда Дженни постучала в дверь.

— Как будешь готов, приходи в мою комнату. Это рядом с ванной. Я достала для тебя чистую одежду.

Когда он вошел, девушка стояла у кровати, склонившись над разложенными на ней брюками и свитером.

— Это вещи моего отца. Мне кажется, размер подходящий.

Но Бомбардир покачал головой.

— Нет. Если полиция меня схватит, они начнут допытываться, откуда это у меня.

Дженни растерялась,

— Об этом я не подумала...

— Вот видишь. А я должен выглядеть в точности, как вчера вечером, до того, как сюда попал. Иначе встанет вопрос, где я был и кто мне помог.

Бомбардир обвел глазами комнату — и вдруг улыбнулся.

— Ты должна задергивать шторы, детка. Вчера, когда я сидел в мастерской, я все видел. А это было незабываемое зрелище. — Он вздохнул. — Интересно, сколько раз я буду вспоминать его за эти проклятые два с половиной года?

— Бомбардир...

Когда он повернулся, у него перехватило дыхание. Дженни по-прежнему стояла у кровати. Только теперь она была абсолютно нагая, а халат лежал на полу у ее ног. Волосы темной волной спадали девушке на грудь, касаясь упругих сосков. На губах играла мягкая улыбка.

Он пошел к ней, шатаясь, как пьяный, и, уже не владея собой, стиснул в объятиях.

Дженни прижала к себе его голову, так что в ноздри ему ударил запах ее духов. Она гладила его и шептала:

— Все хорошо, Бомбардир... Все хорошо...

Они не знали, сколько прошло времени, когда вдруг зазвонил телефон.

Дженни вздрогнула.

— Я узнаю, что там... — она выскользнула из его объятий и набросила халат.

Как только девушка исчезла за дверью, Бомбардир встал и начал одеваться. Он уже застегивал ремень, когда дверь опять открылась. На пороге стояла Дженни — белая, как полотно. Ее лицо было искажено страхом. Впервые за все время Дойль увидел ее по-настоящему испуганной.

— Кто звонил? Что случилось?

— Мужчина... — выдавила она с трудом. — Он сказал, чтобы ты немедленно уходил, потому что с минуты на минуту здесь будет полиция.

— Господи Иисусе! — выдохнул Бомбардир. — Какой еще мужчина?

— Не знаю... — Ее голос прервался. — Ох, Бомбардир! Что же нам теперь делать? Он обнял ее за плечи.

— Прежде всего, не паниковать. Запомни: ты не имеешь к этому никакого отношения. Я все беру на себя.

Дойль натянул свитер. Дженни коснулась его локтя.

— Лучше сдайся им, Бомбардир.

— Всему свое время, солнышко. Сначала я должен забраться как можно дальше отсюда, чтобы легавые не смогли связать меня с тобой или твоей бабушкой.

Дженни закусила губу. Минуту она молча всматривалась в его лицо; затем подшла к туалетному столику, взяла сумочку исыпала оттуда пригоршню монет и банкноту в три фунта, которые, вопреки его протестам, сунула Бомбардиру.

— Это на случай, если ты все же решишь бежать. Я больше не стану тебя отговаривать. — Она достала из шкафа старый непромокаемый плащ. — Возьми, это тебе тоже пригодится. И скорее уходи.

Бомбардир надел плащ и вышел в коридор, но Дженни потянула его за руку.

— Не сюда. Я знаю лучшую дорогу.

Они миновали несколько закрытых комнат и по узкой лесенке поднялись на чердак, где остановились перед массивной дверью, запертой изнутри и окованной железом для защиты от взломщиков.

Дженни отодвинула засовы, и дверь распахнулась настежь под порывом ветра, открыв им вид на островерхую крышу, протянувшуюся между двух высоких башенок. С третьей стороны она была огорожена балюстрадой, а стена дома отвесно уходила вниз.

— Отсюда можно перебраться на крышу слесарной мастерской. При твоих талантах это сущая мелочь. Я и сама в детстве это не раз проделывала. А там есть выход на соседнюю улицу.

Через распахнутую дверь на них обрушивались потоки дождя, но Бомбардир, как зачарованный, смотрел на девушку, не в состоянии двинуться с места. Внезапно Дженин резким толчком выпихнула его наружу.

— Да убираися же, наконец, ты, глупый осел! — крикнула она и захлопнула дверь.

Бомбардир остался один. Еще никогда он не чувствовал себя до такой степени отрезанным от окружающего мира. Будто все ценное, что было в его жизни, осталось за этой железной дверью. И он ничего не мог с этим поделать. Абсолютно ничего.

16

Когда Бруно Фолкнер выбрался из такси, Ника Миллера нигде не было видно. Это удивило скульптора, но отнюдь не огорчило. Насвистывая, он вошел в дом и поднялся в свою квартиру.

Огонь в камине почти догорел. Фолкнер снял мокрый плащ, присел на корточки и начал осторожно раздувать пламя.

И тут в дверь позвонили.

Однако вместо Ника на пороге стояли Джоан Хартманн и Джек Морган.

— Вот так сюрприз! Чему обязан?

Морган нахмурился.

— Не паясничай, Бруно. Сегодня ночью у нас побывал сержант Миллер, и то, что мы от него услышали, было совсем неприятно.

Фолкнер помог Джоан снять плащ.

— Да что ты, Джек! Я и так дрожу от страха. А, судя по твоим словам, перспектива у меня еще более мрачная.

Джоан обхватила его за плечи и развернула к себе.

— Ты хоть раз в жизни можешь обойтись без своих дурацких шуточек, Бруно? Позложение очень серьезное. Какого черта нужно было приводить сюда эту девушку?

— Значит, тебе уже доложили?

— Миллер сказал нам. Но мы хотели бы услышать объяснения от тебя лично, — вмешался Джек Морган. — В конце концов, Бруно, я твой адвокат. А ситуация скверная.

В это мгновение в дверь опять позвонили. Повисла напряженная тишина. Фолкнер усмехнулся.

— Простите, но я вынужден вас покинуть. Кое-кого жду, и, должно быть, это он.

Ник не удивился, застав в квартире Фолкнера Джоан Хартманн и Джека Моргана. Их присутствие даже было ему на руку.

Снимая промокший плащ, он с улыбкой обратился к Джоан:

— Мне кажется, за все время нашего знакомства мы не встречались так часто, как за последние двадцать четыре часа.

— А что, есть причина, по которой меня здесь не должно быть? — спросила она холодно. — Я вам мешаю?

— Господи, ну, конечно же, нет! Просто обнаружились некоторые неточности, которые я хотел бы прояснить с господином Фолкнером. Но это не займет больше пяти минут.

— Насколько мне известно, вы уже задали ему достаточно вопросов, — вмешался Джек Морган. — А теперь собираетесь задавать еще. И я считаю, что как адвокат имею право знать, в чем дело.

— Вы говорите это, как его официальный защитник?

— Да.

— Тогда заверяю вас, что господин Фолкнер абсолютно не нуждается в защите, — солгал Ник. — Речь идет всего лишь о помощи следствию. Ведь он не единственный, кто в это замешан.

— Рад слышать.

— Сделай одолжение, заткнись, Джек, — оборвал его Фолкнер. — А вы, сержант, если имеете мне что-то сказать, так говорите. Чем быстрее мы покончим с этой проклятой историей, тем скорее я смогу вернуться к работе.

— Вы правы. — Ник подошел к скульптурной группе. — Видите ли, у нас, до некоторой степени, сходные проблемы. Я поясню. Пять недель назад вы начали работать над своей композицией, создав первую скульптуру. А мы обнаружили первый труп.

Фолкнер усмехнулся.

— Здесь есть небольшое различие. У вас уже пять трупов, а у меня пока только четыре скульптуры.

— Однако вы собирались добавить к ним пятую?

— Да, и потому заплатил Грэйс Паккард за позирование. Но из этого ничего не вышло. Так что, хорошо это или плохо, но композиция будет вручена заказчику в том виде, в каком находится сейчас.

— Ясно. Если вы не против, у меня еще два вопроса. Или, может быть, вы предпочтете, чтобы я задал их без свидетелей?

— У меня нет никаких тайн.

— Ну что ж, воля ваша. Я хотел бы еще раз вкратце проанализировать ситуацию. Итак, вы утверждаете, что господин Морган заехал за вами около восьми часов вечера?

— Да.

— И чем вы тогда были заняты?

— Спал. Я работал над четвертой скульптурой почти тридцать часов без перерыва. А когда закончил, отключил телефон и лег спать.

— И вас разбудил приход господина Моргана?

— Да.

— А потом вы вдвоем отправились в бар "Королевский Герб", где встретили Грэйс Паккард? Вы абсолютно уверены, что не встречались с ней раньше?

— На что ты намекаешь? — со злостью спросила Джоан.

— Ты не обязан отвечать на этот вопрос, Бруно. — Это был уже Джек Морган.

— Почему? Мне нечего скрывать. Можете справиться у хозяина бара, Гарри Мидуса. Я расспрашивал его о девушке. Если вам любопытно, я предполагал, что она проститутка. Не ждал ничего интересного от предстоящей вечеринки — вот и решил ее немного оживить.

— А выходя из бара, встретили ее парня? — уточнил Ник.

— Да. Он набросился на меня, так что пришлось уложить его на лопатки.

— И весьма результативно, если верить тому, что говорит хозяин бара. Что вы использовали? Дзюдо?

— Айкидо.

— Я слышал, что на вечеринке вышла еще какая-то стычка с господином Марлоу? Фолкнер пожал плечами.

— Я бы так не назвал. Фрэнк не из задиристых. Слабоват и трусоват.

— А вы?

— Куда ты, черт возьми, клонишь? — Джоан встала рядом с Фолкнером.

— Никуда. Я просто пытаюсь докопаться до сути.

Вперед выступил Джек Морган.

— А мне так не кажется. Бруно, ты не должен этого позволять.

— Но я хочу, — усмехнулся Фолкнер. — Мне это даже начинает нравиться. Ладно, сержант, я не контролирую своих эмоций, являю собой тип агрессивного эгоиста и впадаю в бешенство, если меня раздразнят. Даже сидел из-за этого в тюрьме. Но то была обычная мужская разборка, а не какая-нибудь паскудная выходка извращенца.

— Понимаю, — кивнул Ник. — Значит, вы привели к себе девушку исключительно ради того, чтобы она вам позировала, и ни для чего больше?

— Вам известно, когда она сюда пришла и когда ушла. Ни на что другое просто не было времени.

— Вы помните, о чем с ней говорили?

— На разговоры времени тоже не было. Я попросил ее раздеться и подняться на подиум. Как только она встала среди скульптур, я увидел, что из этого ничего не выйдет. Поэтому велел ей одеться и дал за труды банкноту в десять фунтов.

— В ее сумочке денег не было.

— Она сунула их за подвязку. Сказала, что это самое надежное место.

— При ней не обнаружено никаких банкнот, хотя тело тщательно обыскали.

— Значит, деньги взял убийца, — пожал плечами Фолкнер.

Ник решил пока не говорить, что Грэйс перед смертью имела с кем-то половые сошения.

— Речь не идет об изнасиловании. Откуда, в таком случае, убийца мог знать, где спрятаны деньги? — Повисла напряженная тишина. Ник выждал минуту, потом продолжил: — Вы абсолютно уверены, что между вами не было ссоры?

Фолкнер хрипло рассмеялся.

— Бога ради, сержант! Если вы думаете, будто я пришел в ярость, сломал ей шею ударом каратэ и вышвырнул труп на улицу, под дождь, потому что она не пожелала удовлетворить моих желаний, то вы ошибаетесь. Если бы я захотел с ней переспать, она бы наверняка согласилась, причем за плату гораздо меньшую, чем десять фунтов. Ее обычай цена куда ниже.

— Насколько мне известно, тело нашли на углу Доб Корт, сержант, — вмешался Джек Морган. — Абсурдно предполагать, что господин Фолкнер убил девушку у себя в мастерской, стащил вниз по лестнице и потом волок еще через несколько кварталов. От вас ускользнул тот факт, что у него нет автомобиля.

— Точно, — усмехнулся Фолкнер. — В прошлом году меня лишили прав — за вождение в нетрезвом виде.

— Однако после ухода девушки вы тоже вышли, — заметил Ник.

Фолкнер не пытался этого отрицать.

— Да. Я спустился в бар за сигаретами. И даже перекинулся парой слов с дежурным полисменом.

Ник кивнул.

— Он сообщил нам об этом. А пять или десять минут спустя обнаружил тело Грэйс Паккард. Ага, чуть не забыл! Вы оставили на стойке перчатки мисс Хартманн. Хозяин просил их вам передать.

Ник вынул из кармана украшенные стразиками перчатки и протянул Джоан, которая вскрикнула от удивления.

— Но это не мои!

— Это перчатки Грэйс Паккард, — ответил Фолкнер. — Я обронил их, когда искал мелочь, чтобы расплатиться за сигареты, о чем вам, сержант, прекрасно известно.

— Да, владелец бара это подтвердил. Только есть одна мелочь. Вы сказали ему, что перчатки принадлежат мисс Хартманн.

Джоан закусила губу. Однако Фолкнер ничуть не смущился.

— Сэм знает о моих отношениях с Джоан, поскольку мы с ней у него часто бывали. Не мог же я сказать ему, что ношу при себе вещь, которая принадлежит другой женщине? А, впрочем, я уже говорил вам, что это его не касается.

Джоан вздохнула.

— Звучит убедительно.

Ник пристально на нее посмотрел.

— Ты так думаешь?

На ее лице появилось удивление.

— Я тебя не понимаю.

Тут вмешался Джек Морган, все это время внимательно прислушивавшийся к разговору.

— Минутку! Дело здесь не только в перчатках, правда?

— Возможно, — уклончиво ответил Ник.

Впервые было похоже, что Фолкнер начинает терять терпение. Он отбросил притворно-небрежный тон и сказал резко:

— Послушайте, сержант, давайте сыграем в открытую. Вы считаете, что Грэйс Паккард — очередная жертва Дождевого Любовника?

Ник покачал головой.

— Все на то указывает.

— Тогда делу конец — быстро проговорил Морган. — Ведь вы же не станете утверждать, что господин Фолкнер убил и остальных четырех.

Скульптор усмехнулся.

— Начнем с того, что я не мог совершить предпоследнего убийства.

— И вы можете это доказать?

— Элементарно. Еще два дня назад в моей композиции было всего три фигуры. Теперь их четыре. Я работал и с четверга не выходил из квартиры, так что не имел физической возможности кого-то убить.

— Но вы до сих пор не ответили на мой вопрос, сержант, — напомнил Джек Морган. — Эти перчатки... вы имели в виду еще что-то?

— Видите ли, когда дело касается подобных преступлений, есть детали, о которых не упоминают в прессе. Иногда потому, что они слишком отвратительны, но куда чаще из-за того, что это может затруднить полиции ведение следствия. — Ник понимал, что вступает на скользкий путь, который запросто может привести к катастрофе. Если он допустит роковую ошибку, пощады не будет. И Мэллори первым потребует его крови. Однако он зашел уже слишком далеко, чтобы теперь отступать. — Убийцы-маньяки — заложники собственного безумия. Они не только принуждены убивать снова и снова, но не могут отойти от выработавшегося шаблона, как нельзя перестать дышать. И в конце концов именно это их губит.

— Верно! — воскликнул Фолкнер. — Например, Джек Потрошитель всегда избирал своей жертвой проститутку и удалял ей один из внутренних органов. Бостонский Душитель сперва насиловал свои жертвы, а потом удавливал с помощью нейлонового чулка. А как обстоит дело с Дождевым Любовником?

— Если речь идет о выборе жертвы, то здесь не просматривается особой закономерности. Самой старшей из убитых было около пятидесяти лет, а Грэйс Паккард была самой младшей. Это не убийства, совершенные на сексуальной почве, потому что

отсутствуют следы каких-либо извращений. Все чисто и гладко, а шейные позвонки жертвы всегда сломаны ударом, нанесенным сзади. Этот человек знает, что делает.

— Мне жаль вас разочаровывать, сержант, однако не нужно быть мастером каратэ, чтобы сломать женщине шею. Для этого достаточно и сравнительно слабого удара.

— Возможно. Но у Дождевого Любовника есть и еще одна особенность. А именно: каждый раз он забирает в качестве сувенира какую-нибудь мелочь, принадлежавшую жертве.

— С своеобразное *memento mori*? — усмехнулся Фолкнер. — Это и в самом деле любопытно.

— А что это за вещи? — спросил Джек Морган.

— В первом случае сумочка, во втором — косынка, затем — нейлоновый чулок и, наконец — туфелька.

— А у Грэйс Паккард — перчатки, — уточнил Фолкнер. — Но, позвольте, сержант! Если в предыдущих случаях я удовольствовался одной туфелькой и одним чулком, зачем бы вдруг теперь мне понадобились обе перчатки? Это не укладывается в схему.

— Дельное замечание, — согласился Ник.

— Есть и еще кое-что, — быстро вмешалась Джоан. — Куда исчезла десятифунтовая банкнота? Таким образом, в твоей логической цепочке уже два слабых звена.

— К сожалению, о существовании этой банкноты мы знаем исключительно со слов господина Фолкнера.

Опять повисла напряженная тишина. Фолкнер нахмурился, Морган не знал, что сказать, а Джоан выглядела испуганной.

Ник решил, что настала подходящая минута. Он улыбнулся.

— Простите, но я должен отлучиться. Нужно позвонить в управление и справиться, как идут дела.

Фолкнер указал ему на телефон.

— Прошу.

Однако Ник покачал головой.

— Спасибо, но я предпочитаю сделать это по радио из автомобиля. Вернусь через пять минут. Думаю, нам всем не помешает небольшой перерыв. — И он вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

Первым нарушил молчание Фолкнер. Он рассмеялся — неестественно и глухо.

— Что ж, история действительно скверная, не так ли?

17

Гарольд Филипс вспотел, от висящего в воздухе табачного дыма у него болели глаза, да и вообще было не по себе. Только что у него состоялся весьма неприятный разговор с инспектором Мэллори. И теперь парень украдкой поглядывал на дежурного полицейского, с каменным лицом стоявшего в дверях.

Гарольд облизнул пересохшие губы.

— Долго еще?

— Это зависит от инспектора.

Через минуту дверь распахнулась, и вошел Мэллори, а следом за ним — Брэди.

Мэллори посмотрел на Гарольда, улыбнулся и сел за стол. Он раскрыл папку и принял бегло просматривать бумаги, одновременно набивая трубку табаком. В комнате повисла тишина, нарушаемая только мерным тиканьем часов да отдаленными раскатами грома.

— Похоже, будет гроза, — заметил Гарольд.

И тут Мэллори поднял голову. От его добродушия не осталось и следа, темные глаза полыхали гневом. Он резко произнес:

— А вы, оказывается, лжец, молодой человек. И понапрасну отняли у меня уйму времени.

Контраст между этой жесткостью и прежней любезностью был так силен, что Гарольд невольно втянул голову в плечи.

— Не понимаю, о чём вы, — пробормотал он. — Я рассказал все, что знаю.

— Лучше скажи правду, сынок, — вмешался обеспокоенный и огорченный Брэди. — Не наживай себе неприятностей.

— Но я и так сказал правду! — взвизгнул Гарольд. — Чего вы еще хотите? Мой головы? Я протестую! Требую адвоката!

Однако Мэллори оставил без внимания его истерические выкрики.

— Ты сказал, что не знаешь фамилии человека, с которым повздорил в баре "Королевский Герб". Того, с кем ушла Грэйс.

— Так оно и есть.

— А вот хозяин бара утверждает обратное. Он говорит, что когда ты вернулся за дармовой выпивкой, эта фамилия уже была тебе известна. И ты пришел лишь за тем, чтобы выведать его адрес. Но он не попался на твою уловку.

— Ложь! — крикнул Гарольд. — Он все врет!

Брэди покачал головой.

— Господин Мидоус готов повторить свои показания под присягой в суде.

Между тем Мэллори продолжал:

— Ты сказал нам, что пришел домой в половине десятого, отнес матери чай и лег спать. Так?

— Если не верите, спросите у нее. Пусть она вам сама скажет.

— Твоя мать — тяжело больная женщина, ее мучают жестокие боли. Вчера она приняла большую дозу лекарства, чем было предписано врачом. Три капсулы, вместо положенных двух. Поэтому маловероятно, чтобы ты мог разбудить ее в указанное время.

— Вы этого не докажете! — завопил Гарольд.

— Пожалуй, — согласился Мэллори. — Но твое положение все равно не станет легче.

— Это почему? В суде нужны доказательства, неопровергимые улики.

— Если ты настаиваешь, хорошо. Вот ты сказал, что не видел Грэйс Паккард после того, как ушел из "Королевского Герба", побродил немного по улицам, выпил кофе в привокзальном буфете и вернулся домой.

— Да.

— Но ты кое-что забыл, приятель.

— Не понимаю, о чём вы.

— Ты имел с кем-то половье сношения.

У Гарольда отвисла челюсть. Он попытался изобразить возмущение.

— Да что вы такое говорите!

— На твоем месте, парень, я бы перестал запираться. Ты хотел неопровергимых доказательств, и у нас они есть. Твои брюки — те, что были на тебе вчера вечером, — подвергли в нашей лаборатории различным химическим тестам. Правда, основного заключения пока еще нет. Но предварительная экспертиза показала, что вчера ты был с женщиной.

— Возможно, тебе не сказали об этом, сынок, — вмешался Брэди, — но вскрытие выявило, что Грэйс Паккард перед самой смертью с кем-то трахалась.

— Это незаконно! Вы на меня давите! — Гарольд вытянул вперед руку, словно защищаясь. — Хорошо, я скажу правду. Вчера вечером я действительно был с женщиной.

— Кто такая? — холодно спросил Мэллори.

— Не знаю. Она подцепила меня в переулке у вокзала.

— Проститутка?

— Да. Из тех, что берут по тридцать шиллингов. Мы сделали это по быстрому, прямо под стеной.

— Как ее зовут? Где найти?

— Господь с вами! Я даже лица ее не разглядел.

— Будем надеяться, что она не наградила тебя какой-нибудь болячкой, — угрюмо заметил Брэди. — А почему ты не сказал об этом раньше?

Гарольд уже успел оправиться от пережитого страха и вернуть часть прежней самоуверенности. Он ухмыльнулся.

— Ну, вы же понимаете, о таком не принято говорить...

В это мгновение вошел дежурный полицейский и шепнул что-то на ухо Мэллори. Старший инспектор встал и кивнул Брэди.

— Миллер звонит, — сказал он, когда они вышли в коридор.

— А как быть с Гарольдом, господин инспектор?

— Дадим ему пару минут передышки.

Мэллори говорил с Ником из своего кабинета.

— Где вы находитесь, сержант?

— В телефонной будке рядом с домом Фолкнера. Сейчас он у себя в квартире вместе с адвокатом и невестой.

— Вы уже с ним говорили?

— Да. И теперь подумал, что не повредит небольшой перерыв. Наша беседа достигла интересной стадии. Вы были правы насчет этих перчаток, господин инспектор. Он даже не пытался отрицать, что они у него были. И объяснил тот факт, что согнал хозяину бара, именно так, как вы и предполагали.

Мэллори не скрывал своего удовлетворения.

— Вот видите, сержант. Я же говорил, что вы только понапрасну теряете время.

— Гарольд Филипс признался?

— Пока нет. Но петля затягивается. Я уверен, что убийца — он. И сейчас больше, чем когда-либо.

— Но он не Дождевой Любовник?

— Боюсь, что эта история не имеет к нему никакого отношения.

— Есть еще кое-что, господин инспектор, — сказал Ник. — Если вы помните, Фолкнер утверждал, что заплатил девушке десять фунтов.

— Ну и что?

— Он действительно заплатил. Одной купюрой. И Грэйс Паккард сунула ее за подвязку, намекнув, что это самое надежное место.

— Так. — Мэллори почувствовал, что у него перехватило дыхание. — Послушайте, сержант, вы должны немедленно приехать в управление.

— А что с Фолкнером, господин инспектор?

— К черту Фолкнера, парень! Езжай сюда — и быстро. Это приказ.

Мэллори бросил трубку и подошел к Брэди, который ждал его, прислонясь к стене.

— У Миллера для нас подарочек. Фолкнер утверждал, что заплатил девушке за позирование десять фунтов. Так вот, теперь он сказал Миллеру, что это была одна купюра. Интересно, как наш приятель ею распорядился...

- Я всегда знал, что сержант на верном пути... — начал Брэди.
— Бога ради, Джек! И вы туда же! С меня хватит одного Миллера.
— Все в порядке, господин старший инспектор, — ответил Брэди. — Думаю, он ее уничтожил, если имел хоть немного мозгов.
— Сомневаюсь, — скривился Мэллори. — Вы можете вообразить Гарольда Филипса, уничтожающего банкноту в десять фунтов? Да ни за что! Скорее, он ее где-нибудь спрятал.

В это мгновение из лифта в конце коридора вышел Генри Уэйд с переброшенными через руку брюками Гарольда.

- Чем порадуете? — спросил Мэллори.
— Увы, ничем. Гарольд Филипс имел половые сношения с женщиной. Но это все, что мы можем утверждать.

— И только?

Уэйд покачал головой.

— К сожалению, на ткани нет никаких пятен, которые можно было бы хоть как-то связать с убийством Грэйс Паккард. А ведь вас интересовало именно это. Правда, примерно в сорока процентах случаев можно установить группу крови на основании анализа семенной жидкости. Но для этого нужно большое количество спермы, причем свежей. Мне очень жаль, господин старший инспектор.

Мэллори вздохнул.

— Хорошо. Сделаем так. Мы вернемся в комнату предварительных допросов, и я прошу вас, Уэйд, молча стоять с брюками, переброшенными через руку. А вы, Брэди, сохраняйте серьезный вид. Это все.

— Но что вы собираетесь делать, господин инспектор?

— Блескать, — Мэллори усмехнулся. — И надеюсь переиграть Гарольда Филипса.

18

Ник повесил трубку и вышел из телефонной будки под проливной дождь. Мэллори выразился яснее ясного. Он должен немедленно прервать допрос Фолкнера и вернуться в полицейское управление, хотя уверен, что Мэллори ошибается. Однако приказ есть приказ, и его неисполнение будет иметь самые фатальные последствия. Делать нечего. Ник вздохнул и побрел к своему "мини-куперу". Он уже достал из кармана ключи... Как вдруг прямо у него над головой раздался звон бьющегося стекла, и градом посыпались осколки. Из окна квартиры Фолкнера вылетел стул и, опиав эффектную дугу, рухнул на мостовую.

После ухода Ника в мастерской воцарилось молчание. Первым его нарушил Фолкнер, который подошел к бару и налил себе двойную порцию джина.

— Я уже чувствую, как веревка щекочет мне шею. И, надо сказать, ощущение чертовски неприятное.

— Прекрати, Бруно! — вспыхнула Джоан. — Это совсем не смешно.

Фолкнер застыл, не донеся до рта бокал.

— Неужели ты принимаешь этот бред всерьез?

— А как я должна его принимать?

Скульптор повернулся к Моргану.

— Ну, а ты?

— К сожалению, Бруно, положение действительно скверное.

— Невероятно! — Фолкнер залпом осушил бокал и вышел из-за стойки бара. — Как давно мы с тобой знакомы, Джек? Лет пятнадцать или даже больше? Сделай одолжение, скажи, когда ты впервые начал подозревать во мне преступные наклонности?

— Бруно, зачем ты привел сюда эту несчастную девушку? — спросила Джоан. — Зачем?

Фолкнер перевел взгляд с нее на Моргана — и обратно. Фиглярская усмешка исчезла с его лица.

— Господи, да вы действительно в это поверили!

— Не будь смешным, Бруно.

Джоан повернулась к нему спиной, но он схватил ее за плечи и развернул к себе.

— Ты боишься допустить эту мысль до своего сознания. Но я читаю ее в твоих глазах!

— Бруно, мне больно!

Фолкнер отпустил ее и подошел к Моргану.

— Джек...

— Ты не можешь себя контролировать, Бруно, и я знаю это лучше, чем кто-либо другой. Когда ты сломал челюсть Пирсону, нам пришлось оттаскивать тебя от него вчетвером.

— Спасибо на добром слове!

— Бруно, посмотри правде в глаза. Миллер располагает достаточным количеством фактов, чтобы отправить тебя за решетку. Пока это лишь косвенные улики, но в суде они будут выглядеть очень скверно.

Фолкнер передернул плечами.

— Это твое личное мнение.

— Согласен. Но давай взглянем на дело так, как прокурор представит его присяжным. Прежде всего, твоя вспыльчивость и склонность к агрессии. Когда ты сидел в Уэндвортской тюрьме, врачи пришли к заключению, что тебе необходима помощь психиатра. Ты отказался от лечения. Уже одного этого достаточно.

— Продолжай. Это просто захватывающе.

— Посреди ночи ты приводишь к себе в мастерскую проститутку и платишь ей десять фунтов за три минуты позирования.

— Чистая правда.

— Я верю в это, потому что хорошо тебя знаю. Но нужно быть совершенным идиотом, чтобы вообразить, будто в Англии найдутся присяжные, которые проглотят такую сказочку!

— Значит, вы не оставляете мне никакой надежды, господин адвокат?

— Подожди, я еще не закончил. После ухода Грэйс Паккард ты тоже выходишь. Ты покупаешь сигареты в баре на Риджент Плэйс, а несколько минут спустя ее убивают в каких-нибудь ста шагах оттуда. И у тебя в кармане ее перчатки. Ты понимаешь, какие выводы из этого сделает прокурор?

— А как насчет пропавших десяти фунтов? Зачем мне лгать?

— Для отвода глаз. Чтобы запутать следствие, бросив тень на другого.

— И ты в это веришь?

— Присяжные поверят.

Фолкнер опять подошел к бару, взял бутылку и налил себе еще джина.

— Логично, Джек. Однако в твоей версии есть, по меньшей мере, два слабых пункта. Ты делаешь особый упор на тот факт, что у меня при себе были перчатки Грэйс Паккард. Но ты забыл, что они были у меня до убийства. И в любом случае, эти пер-

чатки являются важной уликой лишь тогда, если мы примем, что девушка стала жертвой Дождевого Любовника.

Морган кивнул.

— Вот видишь: Значит, если Дождевой Любовник — это я, я должен был убить и остальных, что еще нужно доказать. Возьмем хотя бы ту женщину, которая была убита два дня назад. Последние двое суток я работал почти без перерыва и даже не выходил из мастерской.

— Но труп найден всего в паре кварталов отсюда. Ты мог выйти из дома через черный ход и вернуться в течение часа, никем не замеченный. Так утверждал бы прокурор.

Фолкнер усмехнулся.

— А ты не забыл, Джек, что именно ты сообщил мне об этом убийстве, причем до того, как информация о нем просочилась в прессу? Это было сразу же после твоего прихода. Я одевался у себя в спальне, а ты стоял на том самом месте, где стоишь сейчас.

— Это правда, — согласился Морган. — Тогда я еще взял газету и увидел, что она за пятницу... — Внезапно он напрягся и побледнел. — Да, это был вечерний выпуск, пятница, двадцать третья. Последний номер. — Морган посмотрел на Фолкнера. — Но ведь ты не выписываешь газет, Бруно.

— Ну и что?

— Как же к тебе попала эта газета, если ты два дня не выходил из дома?

Джоан вскрикнула, а Фолкнер впервые за все время казался смущенным и сбитым с толку. Он поднес руку ко лбу, точно пытался собраться с мыслями.

— Сейчас припомню... Я устал... у меня разболелась голова. Дождь стучал по стеклу... — он говорил, будто сам с собой. — Я подумал, что от свежего воздуха мне станет легче. К тому же у меня закончились сигареты. Ну вот, я и вышел.

— А газета?

— Я купил ее у какого-то старика на углу Элбани-стрит.

— Это рядом с Джубили Парк.

Опять повисла напряженная тишина, только где-то в отдалении зловеще и глухо зарокотал гром.

Фолкнер покачал головой.

— Ты должна мне верить, Джоан, слышишь? Ты должна мне верить!

Молодая женщина повернулась к Моргану:

— Уведи меня отсюда, Джек! Прошу тебя...

Лицо Фолкнера исказилось от ярости.

— Я был бы идиотом, если бы позволил тебе сейчас уйти.

Он грубо схватил ее за руку. Джоан вырвалась и, потеряв равновесие, задела этюдник. Листы с набросками разлетелись по комнате, и один из них упал к ногам Джоан. Это был последний эскиз — группа из четырех статуй с дорисованной пятой.

Джоан попятилась. В глазах у нее было отвращение и ужас. Морган поднял рисунок и протянул его Фолкнеру.

— Как ты это объяснишь?

Вместо ответа скульптор оттолкнул его в сторону и схватил Джоан за плечи.

— Выслушай меня! Просто выслушай! Это все, о чем я прошу.

Джоан в панике влепила ему пощечину.

— Оставь ее, Бруно!

Джек попытался их разнять. И тут на Фолкнера накатило. Он зарычал и ударили Моргана, который упал боком на стойку бара.

Джоан бросилась к двери, но открыть ее не успела. Фолкнер настиг ее в два прыжка и схватил за воротник плаща.

— Ты не уйдешь, сука! Потому что я тебя убью!

Его руки стиснули ее шею. Джоан, хрипя, упала на колени. Через мгновение все было бы кончено, но подоспевший Морган рванул Фолкнера за волосы. Скульптор взвыл от боли и выпустил свою жертву. Прежде чем он опомнился, Морган схватил со стойки кувшин с холодной водой и плеснул ему в лицо. Фолкнер застыл, ловя ртом воздух. Морган, пошатываясь, подошел к Джоан и помог ей подняться.

— Ты в порядке?

Она кивнула. Тогда он повернулся к Фолкнеру.

— Значит, это было так? Ты так ее убил?

Мгновение Фолкнер смотрел на них пустыми глазами. Потом расхохотался.

— Ладно! Ведь вы именно это хотели услышать, правда? Так получайте — и можете кричать на всех перекрестках!

Он схватил стул, поднял его над головой и обрушил на оконную раму.

Дверь Нику открыл Джек Морган. Джоан рыдала в кресле у камина. Фолкнер стоял возле бара с бутылкой в руке.

— Что случилось? — спросил Ник.

Морган облизнул пересохшие губы. Было видно, что ему тяжело говорить.

— Валяй, Джек! — Фолкнер посмотрел на них со своей обычной усмешкой. — Понимаете, сержант, дело в том, что мы с Джеком вместе ходили в школу, знаете, такую старомодную, с принципами. И теперь мой чувствительный друг мучается от перспективы стать доносчиком.

— Бога ради, Бруно!

— Было бы из-за чего. — Фолкнер подошел к Нику и протянул ему руки. — Я сознаюсь в убийстве Грэйс Паккард. Можете взять меня под стражу, сержант. За поимку столь опасного преступника вас повысят в чине.

Ник спросил:

— Вы отдаете себе отчет в серьезности того, что сейчас сказали?

— Перед вашим приходом он признался мисс Хартманн и мне, — вмешался Джек Морган. Он повернулся к Фолкнеру. — Не говори больше ничего, Бруно, в этом нет необходимости.

— В таком случае, я вынужден доставить вас в полицейское управление. — Ник вынул из кармана наручники и защелкнул их на запястьях у Фолкнера.

Тот скривился.

— Это доставляет вам удовольствие, правда?

— Не вижу повода лить слезы, — сухо ответил Ник, беря его под локоть.

— Если хочешь, я поеду с тобой, — предложил Морган.

Фолкнер улыбнулся и мгновение казался совсем другим человеком — тем, кем он мог стать, если бы его жизнь сложилась иначе.

— Спасибо, Джек. Настоящие друзья познаются в беде.

— А не лучше ли вам остаться с мисс Хартманн? — спросил Ник.

Джоан подняла покрасневшие от слез глаза.

— Не стоит обо мне тревожиться. Я справлюсь сама.

— Тогда хотя бы возьми мою машину. — Морган положил ключи на стойку бара.

— Ты ничего не скажешь мне, дорогая? — спросил Фолкнер.

Джоан отвернулась, ее плечи вздрогивали. Фолкнер опять рассмеялся.

Ник подтолкнул его к выходу, от души жалея, что не может дать мерзавцу хорошего пинка. Морган закрыл дверь, из-за которой доносились отчаянные рыдания Джоан.

19

В комнате для допросов было тихо. Стоящий у двери дежурный полицейский с равнодушным видом ковырял в носу. За окном опять послышались раскаты грозы — на сей раз ближе и громче.

В это мгновение дверь открылась. Мэллори молча прошел к окну и застыл, взглядываясь в дождь. Инспектор Уэйд занял место в конце стола и терпеливо ждал со сложенными и переброшенными через руку брюками.

Гарольд почувствовал, как у него стиснуло горло. Он нервным жестом дернул воротничок рубашки и умоляюще посмотрел на Брэди, закрывшего дверь за дежурным полицейским, который незаметно вышел в коридор. Вид у ирландца был хмуry и озабоченный. Их взгляды встретились всего на минуту, после чего Брэди отвел глаза.

— Что ты сделал с десятью фунтами? — не поворачиваясь, спросил Мэллори.

— С десятью фунтами... — пролепетал Гарольд. — С какими? Вы о чем? Мэллори посмотрел на него.

— С теми самыми, которые были у девушки за подвязкой. Куда ты их девал?

— Я в жизни не держал в руках таких денег!

Мэллори будто не слышал его.

— Будь поумнее, ты бы уничтожил банкноту. Но на умника ты не похож. Где ты мог разменять ее в такое позднее время? В баре? Или, может быть, в привокзальном буфете? Ты говорил, что был там.

Гарольд съежился.

— Чего вы от меня хотите?

Мэллори снял телефонную трубку.

— Это старший инспектор Мэллори из Скотланд-Ярда. Я хотел бы немедленно связаться с администратором буфета при Центральном вокзале. Меня интересует, не разменивал ли кто-нибудь вчера вечером десятифунтовую банкноту. Да, десятифунтовую.

Гарольд вскинул голову. Глаза его лихорадочно блестели. К нему вернулась прежняя задиристость.

— Вы только даром теряете время. В субботний вечер через их руки могло пройти полдюжины десятифунтовых банкнот, о чем вам отлично известно. Это не доказательство.

— Увидим.

Гарольд выпрямился на стуле и скжали кулаки.

— С меня довольно! Если вы официально предъявляете мне обвинение, я требую адвоката. Если нет, я больше не останусь здесь ни минуты.

— Сделай одолжение, продли этот срок до пяти минут, — усмехнулся Мэллори. Гарольд уставился на него непонимающим взглядом.

— Чего вы добиваетесь?

— Я жду парня из лаборатории, который должен вот-вот подойти. Мы хотим взять у тебя кровь для анализа.

— Кровь? Зачем?

Мэллори кивнул Уэйду. Тот положил брюки на стол.

— В лаборатории твои брюки подвергли различным тестам, которые показали, что вчера вечером ты был с женщиной.

— Но я же в этом признался!

— Вскрытие тела Грэйс Паккард выявило, что непосредственно перед смертью она имела с кем-то половые сношения.

— Это был не я.

— Это легко проверить. Достаточно несложного анализа. — С этой минуты Мэллори начал блефовать. — Не знаю, известно это тебе или нет, но по сперме можно установить группу крови.

— Ну и что?

— Во время вскрытия тела Грэйс Паккард была взята проба семени мужчины, с которым она имела сношения. В данную минуту в лаборатории проводится анализ этой пробы, а она характеризуется определенной группой крови. Сейчас сюда придет сотрудник лаборатории, чтобы взять у тебя кровь. Через несколько минут мы установим, какая группа у тебя. А может быть, ты сам это знаешь?

Гарольд смотрел на Мэллори дикими глазами. Внезапно он почувствовал, что воздух в комнате сделался тяжелым, и ему нечем дышать. Он начал трясти головой, все быстрее и быстрее, попробовал встать, но покачнулся и рухнул на стол, молотя по нему кулаками, как ребенок в истерическом припадке.

— Сука! Проклятая шлюха! Она не должна была надо мной смеяться!

Гарольд расплакался, а Мэллори стоял, опершись руками о стол, и смотрел на него сверху вниз.

И тут в дверь постучали. Дежурный полицейский вручил Брэди листок бумаги. Тот передал его Мэллори, который прочел записку с ничего не выражавшим лицом, потом смял ее и швырнул в корзинку.

Это было сообщение от доктора Даса. Миссис Филипс спокойно умерла во сне четверть часа назад. И слава Богу!

— В общем, сержант, все так, как я и говорил.

Ник набрал в легкие воздуха.

— А есть какая-нибудь возможность, что произошла ошибка?

— Это исключено. Филипс признался в убийстве. Из его показаний следует, что он какое-то время ждал возле дома Фолкнера, пока не увидел их обоих. Когда Грэйс Паккард вышла, он последовал за ней. Так они добрались до Доб Корт, где объяснились и, очевидно, как-то помирились, поскольку она согласилась иметь с ним сношения и отдала десять фунтов.

— А что случилось потом?

— Это одному Богу известно, а мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Вероятно, между ними опять вспыхнула ссора, на сей раз из-за Фолкнера и его денег. Филипс утверждает, что после того, как Фолкнэр так его униzel, он не мог допустить, чтобы Грэйс с ним переспала. А деньги были явным доказательством того, что это имело место.

— И потому он ее убил?

— Должно быть, девушка стала над ним насмехаться. Тогда он вышел из себя и начал ее бить. Разумеется, он не хотел ее убивать. Такие, как он, никогда этого не хотят. Кишка тонка.

— И вы думаете, что присяжные ему поверят?

Мэллори усмехнулся.

— С его-то репутацией? Да никогда в жизни!

В это мгновение зазвонил телефон. Инспектор снял трубку, минуту внимательно слушал; потом опять опустил трубку на рычаг.

— Ну вот, имеем еще один гвоздь в крышку его гроба. Администратор привокзального буфета нашел официантку, которая разменяла вчера десятифунтовую банкноту. Скорее всего, она опознает Филипса, поскольку он их постоянный клиент. К тому же она утверждает, что он был у них в без четверти одиннадцать.

— Боже, какой идиот! — не сдержался Ник.

— Все они такие. И в этом наше счастье.

— Но тогда я не понимаю, зачем Фолкнеру понадобилось ломать комедию.

— Так давайте его сюда, и попытаемся это выяснить.

Мэллори усился поудобнее и начал набивать трубку, а Ник открыл дверь и привгласил войти ожидающих в коридоре Моргана и Фолкнера.

Фолкнер выглядел как человек, у которого в жизни нет никаких проблем. Он со скучающим видом стоял посреди кабинета, слегка покачиваясь на каблуках и небрежно сунув руки в карманы элегантного плаща.

Мэллори закончил набивать трубку, щелкнул зажигалкой и лишь тогда поднял голову.

— Господин Фолкнер. Здесь у меня документ, подписанный Гарольдом Филипсом. Он признался в убийстве Грэйс Паккард. Что вы можете сказать по этому поводу?

Скульптор пожал плечами.

Вперед выступил Джек Морган.

— Это правда, господин инспектор?

— Стопроцентная. Нам удалось разыскать банкноту, которую ваш клиент дал девушке. Прежде чем пойти домой, молодой Филипс разменял ее в привокзальном буфете.

Морган побагровел.

— Что ты вытворяешь, Бруно? Какого черта ты сказал нам, что убил Грэйс Паккард?

— Разве я это говорил? — Фолкнер с сомнением покачал головой. — Насколько мне помнится, все было наоборот. Это ты назвал меня убийцей. Видите ли, господин инспектор, — обратился он к Мэллори, — мой друг, как всякий юрист, склонен верить в непогрешимость своей аргументации. Поэтому, когда он пришел к выводу, что я и есть то самое шило, которого в мешке не утаишь, ему не оставалось ничего иного, как найти тому доказательство.

— Выходит, ты сыграл с нами одну из своих дурацких шуточек! — Морган в ярости трахнул его за плечи. — Хоть понимаешь, до чего ты довел Джоан?

Фолкнер выглядел невозмутимым.

— У нее был выбор. Джоан могла поверить мне, однако предпочла твою версию. Я уверен, что с тобой она будет счастлива. Я могу идти, господин инспектор?

— И даже должны, — ответил Мэллори.

В дверях скульптор обернулся и посмотрел на Ника. Его губы кривила обычная ироническая усмешка.

— Сожалею, сержант, но, похоже, ваше продвижение по службе откладывается. Что ж, возможно, в следующий раз вам повезет больше.

После его ухода настало неловкое молчание. Морган простоял минуту, бездумно глядя в пространство. Потом, не говоря ни слова, повернулся и выбежал из кабинета.

Ник вынул из кармана бумажник, достал из него купюру в один фунт и положил на стол перед Мэллори.

— Я ошибся, — сказал он просто.

— Я не в претензии. Бруно Фолкнер действительно крайне неуравновешенный и опасный человек, который, к сожалению, пока остается на свободе.

— И все же я был не прав.

— Не берите себе в голову. — Мэллори встал и потянулся за плащом. — Если знаете какой-нибудь подходящий бар, открытый в воскресенье после полудня, приглашаю вас на запоздалый ланч. Прокутим эти незаслуженно полученные деньги.

Когда они вырулили с паркинга, ливень усилился. Ник знал неплохой и не очень дорогой итальянский ресторанчик, который недавно открылся в одном из северных кварталов. Они миновали здание больницы и углубились в тесный лабиринт уочек, направляясь ко вновь застроенной Иннер Ринг-стрит.

Залив дождем город был пуст. Дворники едва справлялись с работой, не успевая смахивать воду с лобового стекла. Ехали молча. Впрочем, Ник, подавленный тем, что произошло, все равно был не в состоянии ни о чем думать и вел машину, как автомат.

Они свернули в очередную улицу. И тут Мэллори вдруг схватил его за плечо.

— А это еще что такое?

Ник инстинктивно нажал на тормоз. Посреди мостовой валялся мотоцикл, возле которого сцепились двое мужчин. Один из них был патрульным в черном шлеме и тяжелом непромокаемом плаще. Второй мужчина был в одной рубашке и брюках. Босиком.

Изловчившись, он сбил патрульного с ног и, вскочив на его мотоцикл, с ревом помчался вдоль улицы.

Ник крутанул руль и развернул машину поперек проезжей части, пытаясь преградить дорогу беглецу. Тот резко свернул в сторону. Мотоцикл занесло, и он оставил вмятину на дверце "мини-купера". Перед Ником мелькнуло искаженное гримасой лицо. Бомбардир Дойль! Ну, уж этого он не упустит! Он рванул машину с места, вылетев на тротуар, едва не врезался в старомодный газовый фонарь и ринулся в погоню.

А в это самое время Джек Морган подъехал к дому Фолкнера. На его стук открыла Джоан Хартманн. Она была очень бледна, с опухшими от слез глазами, однако вполне владела собой. Через руку у нее было переброшено несколько платьев.

— Это ты, Джек... А я вот собираю вещи.

Морган кивнул. Для него не было тайной, что Джоан время от времени оставалась здесь на ночь. Он медленно проговорил:

— Бруно не убивал Грейс Паккард.

Она повернулась.

— Что?..

— Когда мы приехали, полицейские как раз допрашивали ее парня. Он во всем признался. И это подкреплено доказательствами.

— Но ведь Бруно сказал... — у нее сорвался голос.

Морган осторожно обнял ее за плечи.

— Я знаю. Но это неправда. Он просто хотел над нами поиздеваться. Похоже, вся эта история его забавляла.

Джоан прошептала:

— Он никогда не переменится...

Морган покачал головой.

- Боюсь, что нет.
— А где он сейчас?
— Вышел за минуту до меня. И я видел, что он пошел пешком, несмотря на дождь.
— Тогда нам нужно торопиться. Я только соберу вещи.
— Ты не хочешь с ним увидеться?
— Ни за что на свете.

Это было сказано тоном, не терпящим возражений. Стоя в дверях спальни, Морган смотрел, как Джоан раскладывает на постели свои платья и еще какие-то мелочи, вынутые из ящика туалетного столика.

Потом она подошла к стенному шкафу. Одно из отделений было по самый верх набито чемоданами. Джоан попыталась вытащить какой-нибудь из них, но безрезультатно.

— Давай лучше я, — предложил Морган. Он взял нижний чемодан за ручку и потянул на себя. — Однако он не пустой. Здесь что-то есть.

Он положил чемодан на кровать, отпер замочки и откинулся крышку...

Джоан Хартманн вскрикнула от ужаса.

Внутри была черная лаковая сумочка, шелковая косынка, нейлоновый чулок и туфелька на высоком каблуке.

20

Когда Ник Миллер исчез за оградой парка, промокший и закоченевший Бомбардир выбрался из кустов рододендрона. Он пошел в направлении, противоположном тому, где скрылся Ник, и скоро был у другого выхода. Здесь стояло несколько автоматов с сигаретами. Бомбардир достал пару нужных монет — подарок Дженн — и опустил их в щель. Получив пачку сигарет и коробок спичек, он решительно зашагал к выходу из парка.

Тесный лабиринт улочек привел его к стройке в нескольких кварталах от больницы. По другую сторону невысокой стены мутный поток катил свои воды к темному туннелю городской канализации.

Дойль снял непромокаемый плащ, снял свитер, ботинки, носки и бросил их в сточный желоб. Потом вывернул карманы. Три однофункциональные банкноты, трепеща на ветру, полетели вниз вместе с кучкой мелочи. Бомбардир оставил себе только одну монету в шесть пенсов.

В конце улочки стояла телефонная будка. От волнения у него так дрожали руки, что он едва просунул деньги в щель.

- Дженн? Это Бомбардир.
— Слава Богу! — в ее голосе послышалось облегчение. — Ты где?
— Недалеко от больницы. Я решил сдаться. И хочу, чтобы ты об этом знала.
— Ох, Бомбардир!
— А что полиция? — перебил он ее.
— Никто не появился.
— То есть как? — Бомбардир почувствовал холодок между лопаток, но прежде, чем успел что-нибудь сказать, заговорила Дженн.
— Подожди минутку. Кажется, кто-то вошел во двор...

Внезапно ее голос оборвался.

Идиот! Проклятый идиот! Как же он не сообразил раньше? Только один человек мог знать о том, что он был в доме Кроузеров. И это, наверняка, тот, кто напал на Дженн.

Бомбардир выскочил из телефонной будки и помчался вниз по улице. Он свернул за угол и пробежал несколько метров по тротуару, когда увидел припаркованный у обочины мотоцикл. Рядом стоял полицейский и записывал что-то в блокнот.

Прежде чем он опомнился, налетевший сбоку Бомбардир повалил его на землю и, завладев мотоциклом, нажал на газ.

Он слишком резко рванул с места, так что съехал с обочины на одном заднем колесе. И тут заметил движущуюся наперевес машину. Она развернулась поперек проезжей части, блокируя дорогу. Бомбардиру удалось избежать столкновения, хотя мотоцикл все-таки задел дверцу автомобиля, а из булыжной мостовой полетели искры. Мгновение, показавшееся ему вечностью, Дойль смотрел в глаза Нику. Потом помчался дальше.

В серой пелене дождя даже с небольшого расстояния было нелегко различить черты мужчины, который вошел во двор. Дженнин подумала, что это Огден, и не встревожилась, даже когда прервался разговор. Но в следующую минуту девушка разглядела у него в руках обрезок телефонного провода, а когда он подошел ближе, кровь застыла у нее в жилах. Дженнин узнала мужчину, который напал на нее накануне вечером, и в мозгу у нее вспыхнула жуткая догадка. Теперь ей стало ясно, что и странный телефонный звонок и угроза, что приедет полиция, которая так и не появилась, понадобились, чтобы удалить единственного человека, который мог бы ее защитить.

— Ох, Бомбардир!.. — слова застряли у нее в горле. Дженнин отпрянула от окна и выбежала в коридор.

Входная дверь была заперта. Но вот ручка медленно повернулась... И тут Дженнин вспомнила, что бабушка, по своей воскресной привычке, еще лежит в постели. Что бы ни случилось, она должна быть в безопасности!

Закутанная в шаль миссис Кроузер полулежала, опираясь на подушки, и читала газету. Она с удивлением посмотрела на внучку.

— Как ты себя чувствуешь, бабушка?

— Хорошо, детка. А что стряслось?

— Ничего. Просто я хочу, чтобы ты какое-то время не выходила из своей комнаты.

В это мгновение снизу донесся грохот. Дженнин быстро захлопнула дверь бабушкиной комнаты и, несмотря на протестующие крики старой женщины, заперла ее на ключ.

Шум прекратился. Но когда она спускалась по лестнице, из столовой послышался звон разбитого стекла. Заглянув внутрь, девушка увидела, что мужчина схватил деревянный рубель для белья и колотит им по оконной раме. Дженнин заперла столовую снаружи и отступила обратно на лестницу.

Ее план был прост. Мужчина, наверняка, постараится выбить дверь, что не займет у него много времени. Тогда она сделает так, чтобы он ее заметил, а потом поднимется на чердак. Если ей удастся перебраться на крышу слесарной мастерской и спуститься по пожарной лесенке на соседнюю улицу, она будет спасена. И, в любом случае, отвлечет его внимание от бабушки...

В следующую минуту дверь рухнула от мощного толчка — и в проеме вырос Джедвой Любовник. Мгновение он разглядывал девушку, потом принял расстегивать плащ. Сбросив его на пол, он поставил ногу на первую ступеньку. На площадке лестницы стоял старый продавленный стул. Дженнин схватила его и швырнула в мужчину. Однако он увернулся, и стул, не попав в цель, ударился о стену.

Дождевой Любовник зарычал. Он рубанул ладонью по деревянным перилам, которые переломились пополам.

Дженни повернулась и бросилась бежать вверх по лестнице. Дождевой Любовник кинулся следом. У чердачной двери девушка замешкалась, пытаясь отпереть замок. Когда это ей наконец удалось, убийца был уже почти рядом.

Дженни сбросила туфли и начала карабкаться на гребень крыши, но ее ноги в одних чулках скользили по мокрой черепице. На полпути она сорвалась и съехала вниз. Девушка предприняла еще одну отчаянную попытку. И тут появился Дождевой Любовник.

Дженни застыла, парализованная ужасом, и осталась лежать, растянувшись на крыше. Как муха, прилипшая к мухоловке. Стоявший внизу страшный человек отлично это понимал. Он посмотрел на свою жертву, издал короткий смешок и, не спеша, двинулся к ней.

И тут из чердачной двери молнией вылетел Бомбардир. Дождевой Любовник повернулся к нему, описал пирамиду, как балерина, и ударом ноги отбросил противника назад. Бомбардир потерял равновесие и, перевалившись через край балюстрады, рухнул вниз.

С тех пор, как Бомбардир выбежал из телефонной будки и угнал мотоцикл, прошло около пяти минут. Он затормозил перед домом Кроузеров как раз в то мгновение, когда из-за угла выехал автомобиль Ника.

Первым в погоню ринулся Мэллори, на ходу распахнувший дверцу машины. Он был охвачен возбуждением, какого уже давно не испытывал. Совсем как в старые добрые времена, когда он, еще молодой стажер, дежурил при лондонских доках. Тогда редкая ночь обходилась без потасовки, а в субботу вообще могло случиться все, что угодно. И теперь он словнобросил с себя груз всех этих лет.

Мэллори нырнул в окно столовой следом за Бомбардиром и выбежал за ним в коридор, споткнувшись по дороге о выбитую дверь.

На лестнице он почувствовал одышку и сухость во рту, однако ничто на свете не смогло бы его остановить.

Инспектор был на площадке второго этажа, когда Бомбардир выскоцил в чердачную дверь. Секунду спустя оттуда послышался пронзительный женский крик.

Когда Мэллори, в свою очередь, выбрался на крышу, Дождевой Любовник, схватив Дженини за щиколотку, пытался стащить ее вниз. Мэллори сразу узнал нападавшего и в течение одной секунды связал между собой факты, которых раньше упрямо не хотел замечать. Девушка опять закричала, и он бросился на помощь.

Когда-то Джордж Мэллори неплохо играл в регби, а также был чемпионом в среднем и тяжелом весе. Он рванул Дождевого Любовника за руку и нанес ему подрезающий удар справа. В свое время это был его коронный прием, благодаря которому двадцать семь лет назад он и завоевал титул чемпиона. Но теперь, к сожалению, ему не удалось достигнуть цели. Дождевой Любовник прикрылся и сам ударили Мэллори локтем под дых. Потом ребром правой ладони он нанес инспектору страшный удар по левой руке, которая треснула, как сухая ветка. Мэллори со стоном рухнул на крышу. Тогда Дождевой Любовник ухватил его за шиворот и потащил к балюстраде.

Нику казалось, будто все это уже однажды происходило. Когда он выбегал через чердачную дверь, прямо у него над головой полыхнула молния, и раскатился удар грома. Потом послышался странный свистящий звук.

В долю секунды Ник увидел все: девушку в разорванном платье, истерически рыдающую на краю крыши, и мужчину с искаженным гримасой лицом, держащего Мэллори над пустотой.

Бруно Фолкнер! Ник издал торжествующий вопль. Разом спало напряжение, которое накапливалось в нем в течение последних двадцати четырех часов. Значит, все это время он был на верном пути!

Ник метнулся вперед, подпрыгнул и нанес Фолкнеру матэ-тобигери — один из самых жестоких ударов в караэ. У скульптора изо рта хлынула кровь, он покачнулся и выпустил Мэллори. Но тут Ник поскользнулся на мокрой черепице и упал на своего шефа.

Прежде чем ему удалось подняться, Фолкнер схватил его за горло. Ник извернулся и ткнул противника кулаком в лицо. Тот инстинктивно запрокинул голову, а Ник попытался ударить его по шее. Фолкнер опять подался назад. Ник воспользовался этим для новой атаки. Однако допустил ошибку: удар, который свалил бы с ног обычного мужчину, только привел Фолкнера в ярость. Ник еще не успел выпрямиться, когда скульптор налетел на него, как ураган. Послышался хруст ломающихся ребер, и Ник упал на колени.

Фолкнер отступил на шаг и пнул его ногой в живот. Ник рухнул ничком. Следующий удар, наверняка, проломил бы ему череп, но подоспевшая Дженнин Кроузер вцепилась в руку Фолкнера. Скульптор стряхнул ее с себя, как назойливую муху, и двинулся на Ника.

И тогда у него за спиной появился Бомбардир.

Его, казалось бы, неминуемое падение с крыши было приостановлено благодаря старой, сохранившейся еще с викторианских времен водосточной трубе, в два раза более прочной, чем нынешние. Бомбардир повис, ухватившись за край желоба. У него был выбор: спрыгнуть с девятиметровой высоты на вымощенный бульжником двор или попытаться вскарабкаться под проливным дождем по скользкой остроконечной крыше. Несмотря на рискованность этого предприятия, Дойль предпочел последнее. Он перелез через балюстраду как раз в то мгновение, когда Фолкнер отшвырнул от себя Дженнин и замахнулся на Ника.

Подкравшись сзади, Бомбардир нанес ему два удара по почкам. Фолкнер заревел от боли и согнулся пополам. Когда он выпрямился и повернулся, Бомбардир, перепрыгнув через лежащего Ника, угодил его ударом под ребра, за которым последовал другой, столь же молниеносный, в челюсть. За свою боксерскую карьеру он победно завершил таким образом не меньше дюжины поединков.

Фолкнер покачнулся, однако устоял.

— Ах ты, сукин сын! — заорал Бомбардир. — Иди сюда, я тебя прикончу!

Тем временем Нику удалось подняться на колени, и он склонился над Мэллори, которого с другой стороны поддерживала Дженнин Кроузер. Инспектор поблагодарил их слабым кивком, поскольку не мог говорить. Его лицо было искажено гримасой боли. Ник прижал к груди скрещенные руки и откашлялся, сплевывая кровь.

Подобравшись, как тигр перед прыжком, Бомбардир бросился на Фолкнера. Скульптор был уже основательно измотан, и Дойль понимал, что ему нельзя давать передышки. Левой рукой он ударил его в незащищенный рот, распухший и кровоточащий после ударов Ника, а правой — под глаз. Фолкнер взмыл, мотая головой.

— Держись от него подальше! — крикнул Ник. — Не подходи так близко!

Но Бомбардир, опьяненный схваткой, позволил Фолкнеру ударить его справа в челюсть, добиваясь, чтобы противник выпрямился и придинулся ближе. Тогда можно будет нанести ему удар против сердца и закончить бой. И это оказалось роковой

ошибкой, поскольку Фолкнер повернулся и ударил его локтем в спину, сбив с ног. Бомбардир покатился по крыше и рухнул на балюстраду, которая проломилась под тяжестью его тела. Оглушенный, он повис, пытаясь подтянуться, но Фолкнер ринулся на него, как движущийся на полной скорости экспресс, и столкнул вниз. Бомбардир дважды перекувырнулся в воздухе, ударился о водосточную трубу и упал на бульварники.

Фолкнер повернулся. Его вид был страшен. Глаза горели, из уголков рта на воротник стекала кровь. Окинув взглядом трех беспомощных людей, всецело находящихся в его власти, он выдернул из сломанного ограждения железный прут и двинулся на них.

И тут в чердачной двери появилась бабушка Кроузер. На ней была ночной рубашка, а к груди она прижимала обрезанную двустволку. Занятый своими жертвами, Фолкнер ее даже не заметил. Зарычав, как зверь, он занес над головой прут...

И тогда старая женщина всадила в него заряд из обоих стволов.

21

Было около девяти часов вечера, когда Ник Миллер и Дженини Кроузер подошли к палате, где лежал Бомбардир Дойль.

Ник чувствовал себя вконец измотанным и разбитым. Ему было трудно двигаться из-за тую перебинтованных ребер, от обезболивающих уколов в голове стоял туман. Но так как Мэллори временно вышел из строя, на данный момент он оказался единственным человеком, который мог исполнить то, что надлежало сделать.

Увидев Ника, дежуривший у дверей полицейский встал со стула.

— Поужаживай несколько минут за мисс Кроузер, Гарри. А я хотел бы перекинуться парой слов с Бомбардиром.

Полицейский кивнул. Ник открыл дверь и вошел в палату. За ширмой, опираясь на подушки, лежал Бомбардир. Нос у него был перебит четвертый раз в жизни, а сломанная в трех местах нога висела на вытяжке.

У его кровати сидел Джек Брэди, перечитывавший какие-то записи. Он поднял голову навстречу Нику.

— Наш приятель утверждает, что вчера он силой вломился в дом Кроузеров, а девушка и ее бабушка были взяты им в заложницы.

— Неужели? — Ник с сомнением посмотрел на Дойля. — Ты не умеешь лгать, Бомбардир. Мисс Кроузер уже дала показания, и они расходятся с твоими. Она говорит, что ты спас ее во дворе от Фолкнера. И в благодарность они с бабушкой решили оказать тебе ответную услугу. Мисс Кроузер даже считает, что это может быть аргументом для защиты в суде.

— А как считаете вы? — тихо спросил Бомбардир.

— Я не думаю, что дело дойдет до суда, так что мое мнение не имеет значения. Но как человек скажу: там, на крыше, ты спас нас, рискуя жизнью.

Бомбардир отвернулся к стене.

— Не стоит благодарности! — буркнул он. — А теперь проваливайте! Я хочу спать.

— Не сейчас. К тебе посетитель.

— Дженини?.. Я не желаю ее видеть.

— Но она ждет уже несколько часов.

— Какого черта? Ведь все кончено — и точка. Я могу забыть о досрочном освобождении. Возвращаюсь в каталажку на два с половиной года плюс тот срок, кото-

рый судья припаяет за мои проделки на свободе. А впридачу ко всему, я до конца моих дней буду хромать, как старый дед.

— Вот и хорошо! — не без злорадства ухмыльнулся Брэди. — Не будешь больше лазить по карнозам, голубчик!

— Сделай все-таки одолжение, поговори с девушкой, — попросил Ник. — А мы с Джеком подождем в коридоре.

— Если вы так настаиваете! — буркнул Бомбардир.

Ник и Брэди вышли из палаты, а минуту спустя из-за ширмы появилась Дженни. Лицо у нее было очень бледное, а на лбу большой синяк, но даже в таком виде она показалась ему самой прекрасной женщиной на свете. У Бомбардира опять стиснуло горло. Навалились боль и усталость. Ему вдруг захотелось, чтобы Дженни подошла к нему и поцеловала, прижала к себе, погладила по волосам...

И то, на что он решился, потребовало большего мужества, чем схватка с Фолкнером.

Он улыбнулся.

— Вот так сюрприз!

— Я еле дождалась. Сначала меня вообще не хотели пускать. Бабушка передает тебе привет и наилучшие пожелания.

— Как она? — Бомбардир не мог удержаться от того, чтобы задать этот вопрос. — Мне сказали, это она его прикончила. Должно быть, для старушки это был шок. Она, верно, лежит в постели?

— Только не моя бабушка! Ты ее не знаешь. Когда он стал ломиться в дом, я так перепугалась, что заперла ее в спальне. И напрочь забыла о ружье, которое она держит в шкафу. А она разнесла из него замок и выбралась.

— Насколько я понял, это было как раз вовремя — иначе...

Настала пауза. Потом Дженни спросила обеспокоенно:

— Что-нибудь не так, Бомбардир?

— С чего ты взяла?

— У тебя сердитый вид.

— В самом деле? Тебе показалось. Просто, когда ты пришла, я собирался вздрогнуть.

— Ты чего-то не договариваешься, Бомбардир.

— А что говорить? — бросил он со злостью. — Все и так ясней ясного. Я лежу тут спеленутый и беспомощный, как младенец. Через какой-нибудь месяц меня запихнут в большой черный фургон и отправят назад в каталажку. Разве ты не этого добивалась? Так что можешь быть довольна.

Дженни побледнела.

— Мне казалось, ты сам этого хотел, когда сказал, что решил сдаться.

— А откуда, черт возьми, тебе знать, чего я хотел?

— Мы были с тобой так близки, как только могут быть мужчина и женщина...

Он расхохотался, грубо и развязно.

— Ох, перестань! Еще ни одной бабе не удалось поймать меня на это. А то, что мы были с тобой под одеялом, вовсе не означает, что ты можешь продать историю моей жизни в воскресную газету. Конечно, я получил удовольствие. В постели ты — девочка высший класс. Но сейчас у меня в голове другие заботы.

Дженни отшатнулась, словно ее ударили. Потом повернулась и бросилась к двери.

Бомбардир закрыл глаза. "Ты поступил правильно, — сказал он себе. — Сделал все, как надо". Но не испытал никакого удовлетворения. Напротив, почувствовал себя еще более одиноким и потерянным, чем раньше.

Дженни с плачем выбежала из палаты. Ник догнал ее, обхватил за плечи и прижал к стене.

— Эй! Что случилось?

— Он показал мне, что я ничего для него не значу. Это все. А теперь пустите! Ник вздохнул.

— Забавно, какими глупыми бывают иногда умные люди. Ну, подумай немного, Дженни. Когда он уходил от тебя, на нем были ботинки, непромокаемый плащ, а в кармане деньги. Твои деньги. Зачем он тебе позвонил?

— Чтобы сказать, что решил сдаться.

— А почему он опять оказался босиком? Почему избавился от одежды, которую ты ему дала? Почему примчался назад, когда узнал, что тебе грозит опасность?

Дженни широко раскрыла глаза. Но потом покачала головой.

— Он поступил мерзко. Это было хуже, чем если бы он меня ударили.

— Зато добился того, чего хотел. Как ты не можешь понять? Его поведение — наилучшее доказательство, что ты ему дорога. — Ник взял ее под руку. — Ну-ка, пойдем. Сейчас ты сама убедишься. Только сиди тихо — и ни звука.

Бомбардир услышал, как скрипнула дверь. Потом раздались тихие шаги. Он открыл глаза и увидел Ника.

— Ну, что еще, сержант?

— Мои поздравления, приятель. Я имею в виду девчонку. Ты классно ее уложил. А, впрочем, с такой дурехой только ленивый бы не справился...

Бомбардир рванулся, пытаясь добраться до Ника.

— Заткнись, сукин сын! Она стоит десятка таких, как ты. Ты не достоин чистить ей туфли!

— И ты тоже.

— Да. Но только между нами есть разница, потому что, в отличие от тебя, я это понимаю. А теперь убирайся! Я спать хочу!

Бомбардир отвернулся к стене, а Ник, прихрамывая, вышел. Хлопнула дверь, и настала тишина. Бомбардир ничего больше не слышал, но за ширмой ему почудилось какое-то смутное шевеление. Внезапно он почувствовал запах духов, повернулся и увидел склонившуюся над ним Дженни.

— Ох, Бомбардир! — сказала она. — Ну и что мне с тобой делать?

Ник сел на стул рядом с кроватью Мэллори, чтобы отчитаться о последних событиях. Благодаря своему положению, старший инспектор получил в частном крыле больницы отдельную палату. В углу, на столике, уже стояли цветы. А через час к нему должна была приехать жена.

— Значит, ты оставил их вдвоем?

Ник кивнул.

— Думаю, на этот раз он не сбежит.

— А что с ногой? Очень скверно?

— Врачи говорят, что, вероятно, он навсегда останется хромым. Однако могло быть и хуже.

— Во всяком случае, по крышам ему больше не лазить, — подытожил Мэллори.

— Есть обстоятельство, из-за которого эта травма может оказаться для него благословением, — заметил Ник.

Мэллори покачал головой.

— Принимая во внимание его прошлые подвиги, боюсь, что нет, сержант. Кто однажды ступил на скользкую дорожку, будет идти по ней до конца. А Дойль настоя-

щий виртуоз своего дела. Способный, изобретательный и с недюжинным интеллектом. И, попомните мои слова, он найдет себе какое-нибудь столь же сомнительное занятие.

В его словах была доля истины, однако Ник не собирался сдаваться без боя.

— Но если бы он не сбежал из больницы, Дженни Кроузер стала бы пятой жертвой Фолкнера, а мы не продвинулись ни на шаг вперед. И потом, вы должны признать, что без его помощи нам бы скверно пришлось на крыше.

— Именно так рассудит общественное мнение и пресса, — вздохнул Мэллори. — Так что можете не вбивать мне этого столь усердно в голову. И, возможно, вас заинтересует тот факт, что я уже подал ходатайство в пользу Дойля, засвидетельствовав, что он заслуживает всяческого снисхождения.

Подавленность слетела с Ника, как увядший лист с дерева.

— А что это может означать? Амнистию?

Мэллори рассмеялся.

— Нет, конечно. Но, если повезет, его освободят через десять месяцев, как и должны были, если бы он не сбежал.

— Совсем неплохо, господин инспектор!

— Наоборот. Плохо — и даже очень. Потому что он опять примется за старое. Вот увидите.

— А я готов побиться об заклад на все свои деньги, что Дженни Кроузер удастся вернуть его на путь истинный. — Ник встал. — Однако мне пора. Вам нужен отды.

— Вам тоже, сержант.

Ник был уже на пороге, когда Мэллори его окликнул.

— Да, господин инспектор?

— Это насчет нашего предыдущего пари. Я был прав в том, что касается Филиппса. Как я и говорил, это он убил Грэйс Паккард. Но, принимая во внимание остальное, я решил вернуть вам ставку. И без дискуссий.

Мэллори здоровой рукой выключил свет, а Ник вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

Спустившись лифтом в холл, он увидел Джека Брэди, который беседовал с медсестрой из ночной смены. Женщина всплеснула руками.

— Господи, сержант, вы ужасно выглядите! Вам немедленно нужно в постель.

Ник улыбнулся и поцеловал ее в щеку.

— Я должен расценивать это как намек?

Брэди взял его под локоть.

— Пойдем, Ник.

— Куда?

— В ближайший бар. Тебе не повредит хорошая порция виски, а потом я отвезу тебя домой.

— Спасибо, старина. Ты — настоящий друг, и пусть Бог вознаградит тебя за твою доброту.

Они вышли на крыльцо. Дождь кончился. Ник полной грудью вдохнул свежий, влажный воздух.

— Ты заметил, Джек, что зло никогда не медлит, собираясь нанести удар, и не дает нам отсрочки? Так что ад в настоящем, а не в будущем.

Брэди кивнул.

— Вот потому-то хороший полицейский и должен быть всегда начеку.

Они посмотрели друг на друга и рука об руку спустились с крыльца.

Перевод с английского Екатерины Кудриной.

Как в кино - не будет

Глава седьмая. Раз детектив, два детектива

Конечно, с появлением у нас в квартире Никиты жить стало если не лучше, то уж, по крайней мере, веселее. Все-таки жилище наше теперь чуть меньше походило на склеп или на филиал психбольницы.

Ко всему прочему, с легкой руки того же Никиты я пристрастилась к детективам. Он сам мне их и приносил: прочтет — и отдает. А читал он, в основном, именно детективы, причем в невероятных количествах. Где только доставал? И в какой-то момент у меня, наверное, количество перешло в качество: я вдруг поняла, что все рассказы Никиты о его собственной жизни — это капелька факта, щедро разбавленная талантливо сваренным компотом из нескольких историй. Написанных и опубликованных разными людьми и в разное время.

А собственная жизнь Никиты получалась — в его изложении! — чрезвычайно яркой, интересной и насыщенной невероятным количеством приключений. Со стрельбой, драками, гонками на машинах и роковыми красавицами, желавшими во что бы то ни стало заманить его в свои сети. Брачные, разумеется. Но, насколько я могла судить, удалось это пока только двум: его первой жене, которая, судя по рассказам, красотой отнюдь не ослепляла, и Ирине — женщине, безусловно, интересной, но даже в моих пристрастных глазах подруги детства — не красавицы.

Но о личной жизни Никиты чуть позже, тем более что я потом невольно оказалась в самом центре ее событий. А детективы произвели на меня еще и вот какое воздействие: я стала подмечать загадочное и странное едва ли не во всем. В том числе и в поступках моих соседей. А в первую очередь задумалась над одним совпадением: через какое-то время после самоубийства Елены Николаевны было объявлено о погашении всех облигаций внутреннего займа чуть ли не до прошлого года включительно. И получилось так, что за кипу казавшихся бросовыми бумажек Никита получил в общей сложности около трех тысяч рублей. Что в ценах 1990 года было значительной суммой.

О чем сам же Никита с милой непосредственностью всем и доложил. Лидия Эдуардовна чужие деньги считать не любила, поэтому отнеслась к сообщению равнодушно. Ирка обрадовалась — денег вечно не хватало. А я задумалась.

Показалось мне или действительно так было, что в ночь, когда произошла трагедия, Елена Николаевна была в своей комнате не одна? Кто-то, похоже, приходил к ней, причем знакомый. Чужих она боялась панически. А с этим "кем-то" чуть слышно шепталась, вроде бы передвигала какие-то вещи, но провожать не вышла. Конечно, мне все могло и почудиться: стена между нашими комнатами была хоть и треснувшая, но все-таки капитальная. Хотя... слух у меня за годы вынужденного сидения взаперти стал, как у кошки.

Масла в огонь нечаянно подлила Лидия Эдуардовна, которая как-то сказала мне, когда мы вместе пили чай:

— Не пойму я Никиту Сергеевича. Солидный человек, дает понять, что работает в секретном учреждении. А по мелочам — врет. Я тут увидела у него портсигар — не из дорогих, но и не безвкусца: карельской березы с инкрустацией. И уголок один со щербинкой.

— Купил у кого-нибудь? — предположила я.

— Да нет. Это портсигар мужа Лены Шацкой, единственная его вещь, которая у нее сохранилась. Она же после ареста отреклась от него, все продала или выбросила. А портсигар сохранился. Потом, когда она уже совсем не в себе была, она с этой деревяшкой разговаривала, Вите называла. То есть именем мужа...

Окончание. Начало в № 5.

иллюстрации **Льва Рябинина**

— Наверное, она его Никите подарила.

— То-то и оно, что он мне сказал: "Фамильная вещица, еще моему деду принадлежала". Врет. А зачем?

Действительно — зачем? Тем более что я своими ушами слышала, что ни дед, ни отец Никиты не пили и не курили, а он вот — неизвестно, в кого пошел. Зачем некурящему — портсигар? И почему не признаться, что никакая это не фамильная вещица, а очередной подарок покойной Елены Николаевны?

Кстати, в ее комнате Никита устроил себе что-то вроде кабинета, где проводил "деловые встречи" и иногда работал. Ирка по-прежнему трудилась в издательстве и приходила домой только к вечеру. А на деловых встречах очень мало говорили о делах в моем понимании. Все больше "сделать", "толкнуть", "наварить", "дать на лапу". О трещине в стене между комнатами никто, кроме меня, не знал, поэтому разговоры велись в полный голос.

Впрочем, я не совсем справедлива к Никите. Благодаря ему, у меня появились две вещи, очень украсившие жизнь: телефонный аппарат в комнате и импортная инвалидная коляска — очень легкая, с почти бесшумным ходом и умеющая чуть ли не подниматься по лестнице. Этого я пока не пробовала — страшно было.

Продуктами меня теперь снабжал Никита и делал это, что называется, "по первому классу". Правда, не за мои прекрасные глаза и не из сострадания, а за то, что выполняла обязанности его секретаря. В основном, на телефоне, но иногда приходилось перепечатывать кое-какие бумаги. Довольно, кстати, скучные. Договор, субдоговор, протокол о намерениях и всякая прочая абракадабра, вошедшая в нашу жизнь вместе с перестройкой и рыночными отношениями. Меня, правда, эти рыночные отношения мало касались. Разве что в случае с коляской.

Как мне объяснили, такую коляску у нас раньше купить было абсолютно нереально. Стоила она дорого, но дело даже не в этом, а в том, что уж если они к нам и попадали, то только по спецзаказам. И распределялись строго среди своих, привилегированных убогих. Инвалиду местного масштаба, вроде меня, не светило абсолютно ничего.

А рынок есть рынок. Никита взял у меня кольцо с бриллиантиком, которое мне досталось "по наследству" от Марии Степановны, а спустя какое-то время притащил коляску. Одно продал, другое купил. И спасибо ему огромное, и нечего придиরаться к странностям поведения. У каждого барона свои фантазии.

Вон Лидию Эдуардовну почти силком заставил переселиться из ее клетушки в бывшую комнату Лоскутовых. И мебель туда собрал — все приличное, что еще оставалось в квартире. Так что в нашем житье-бытье стали появляться какие-то даже черточки семейного уклада. Во всяком случае, это мало походило на обычную коммуналку.

В освободившейся же комнатенке устроили "телефонную". Поставили туда столик, кресло и пепельницу. Закрой дверь и болтай, сколько угодно, никому никто не мешает. Удобно! С моим же аппаратом получилась некоторая накладка.

То есть работал он вполне нормально. Но если я, например, поднимала трубку в своей комнате, а Никита, Ира или Лидия Эдуардовна подходили говорить в "телефонную", то я слышала все от слова до слова. При том что трубка у меня уже была положена. Такой вот странный телефон-репродуктор. Но об этом я не сказала никому. По целому ряду причин. Главная же была — нежелание огорчать Ирку.

Дело в том, что Никите звонило множество людей. В основном, женщины. Большая часть разговоров была невинно-деловая. Однако некоторые... То, что отвечал Никита своему абоненту, не всегда соответствовало тому, что говорил этот самый абонент.

Например, вечером приятный женский голос просит Никиту Сергеевича. Он подходит, я "отключаюсь". И слышу:

— Ника, "мой" уехал до утра, я свободна. Приедешь?

— К сожалению, мой друг, завален работой, сижу сейчас с автором, и сидеть нам не меньше трех суток. Так что с вашим предложением придется подождать до более удобного случая.

— Но Ника, ты же обещал...

— К сожалению, обстоятельства успели перемениться. Я вам позвоню, когда что-то прояснится.

Никакой автор у Никиты не сидит, я точно знаю. Он валяется на диване, читает газеты и поддерживает видимость разговора с Иркой. Минут через пятнадцать — еще один звонок, еще один приятный женский голос:

— Никита, я могла бы освободиться через полчаса...

— Да? Ну что ж, примерно этого я и ждал. Встретимся...

— У меня есть ключи от квартиры брата.

— Встретимся там через час.

После его ухода Ира заходила ко мне и жаловалась:

— И опять, наверное, на всю ночь. Ну что за проклятая работа! Собирались вечер провести спокойно, вдвоем — опять эти его агенты. Зла не хватает, ей-богу! Скорей бы уж в отставку уходил.

— Да уж... — неопределенно мямлила я. — Работа... Но ведь кому-то надо...

— Он просто безотказный, поэтому на него все и валят!

— Ну, не расстраивайся. Работает ведь человек, а не шедевры творит...

В общем, было довольно противно. И вмешиваться я не имела права: подруга любила своего мужа совершенно слепо. Доставала лекарства для его матери, высушивала бесконечные жалобы по телефону от первой жены, как тяжело одной воспитывать сына, ходила на цыпочках, если супруг работал за письменным столом или спал после утомительных контактов с "агентами". Открыть ей глаза? Сама не маленькая, поймет когда-нибудь.

Да и потом, положение у меня было дурацкое. Помимо своей воли, я оказалась как бы сообщницей Никиты. Уходя из дома днем, он давал мне детальные инструкции, кому, что и как отвечать по телефону. Если позвонит такая-то, сказать, что уехал на месяц в командировку. Снимать восстановление Армении после землетрясения. Если позвонит такой-то, то попросить перезвонить через неделю, потому что еще не все готово. Маме сказать, что монтирует передачу и сам позвонит, когда освободится. А если позвонит закадычный друг Слава, то дать такой-то номер телефона. Но больше — никому.

Этот самый Слава был, кстати, совершенно не похож на своего дружка. В отличие от Никиты, всегда несколько излишне эмоционального (чтобы не сказать — суетливого), Слава был замедленно-спокоен и немногословен. О себе говорить не любил. Как-то в ожидании Иры и Никиты он просидел у меня в комнате около часа. И очень мне понравился. От него исходило обаяние мужественности. Не накачанных бицепсов или физической притягательности, а чувство, так сказать, защиты и опоры. Каменной стены, за которую с восторгом спрячется любая женщина. Но говорили, в общем, ни о чем. О погоде, о политике, о детективах. Ничего личного.

Потом Слава стал приходить чаще. Иногда даже в отсутствие Никиты. Не ко мне, разумеется, — к Ирине. Помогал делать какие-то мелочи по дому: укрепить полку, починить протекающий кран в кухне, заменить перегоревшие пробки. Никита в этом плане был пустое место. Ни гвоздя забить, ни чашку склеить.

— Вот тебе какого мужа надо! — не удержалась я как-то. — Хозяйственный, спокойный, по командировкам не мотается, с агентами не контактирует. И собою хорош.

— Может, и надо, да не будет. Слава женат, у него сын, а слово "развод" в лексикон не входит. Нет для него такого понятия.

— Почему же он никогда с женой не приходит?

— Она была дружна с первой женой Никиты и меня принимать не желает. В общем, женская солидарность. И еще страх, что дурные примеры заразительны.

— Судя по тому, как часто Слава у вас бывает и сколько времени тут проводит, домой он не торопится.

— Никита говорит, у них все не так гладко.

— А что говорит Слава?

— Слава вообще ничего о себе не говорит. И о Никите тоже. Когда я попыталась спросить о какой-то ерунде, просто хотела понять причину некоторых поступков, он мне ничего не сказал. А ведь они дружат больше сорока лет. В одном роддоме родились в один и тот же месяц, в одном доме жили после войны, в эвакуации вместе были — не они, конечно, а их матери, — с августа сорок первого и до сорок третьего...

— Никита никогда не говорил, что был в эвакуации, — медленно проговорила я. Что-то мешало мне просто пропустить эту информацию.

— Да его же туда годовалым увезли, что он может помнить?

И тут я вспомнила:

"А моя мама потеряла колечко в октябре этого же года... Ночь, спешила в бомбоубежище, я у нее на руках годовалый..." Как могла мать Никиты потерять в октябре колечко в центре Москвы, если уже в конце августа эвакуировалась на Урал, в Златоуст? И эта просьба — не говорить Ире... Я затрясля головой.

— Что с тобой? — удивилась моя подруга.

— Нервный тик, не обращай внимания. Квартиру твоему супругу все еще обещают?

— А вот и нет, — рассмеялась Ирина. — Самое позднее через полгода передем. Стены уже стоят. Однокомнатная прелесть, двенадцатый этаж башни, до Останкино — рукой подать. Поживем там, пока не найдем хороший вариант обмена. Господи, как я мечтаю вырваться из этой развалихи!

И я оставила все невысказанное при себе. Не так много радости было в жизни Ирки, чтобы обращать ее внимание на какие-то несуразности в поведении супруга и лишать мечты всей жизни.

В конце года случилось сразу два события, причем оба радостные. Что для нашей квартиры нехарактерно. Во-первых, Никита действительно получил ордер на квартиру. А во-вторых, годовщина их свадьбы совпала с его юбилеем: полтинник. Оба события предполагалось отметить с размахом.

И меня, и Лидию Эдуардовну тоже пригласили. Однако моя радость была омрачена в общем-то пустяком. Когда почти все гости уже собрались, но еще не расселись, я услышала, как Никита тихонько сказал одному из приятелей:

— А вон там моя дальняя родственница, баронесса фон Кнорре. Настоящая, а не самозванка. Квартира большая — пусть живет, а то ведь совсем одинокая старуха...

"Мама дорогая! — мысленно ахнула я. — Да он просто пижон! Придумывает себя и потом убеждает остальных. Показушник..."

Слава, как всегда, пришел один. И не столько сидел за столом, сколько помогал Ирке на кухне. И потом, когда гости разошлись, помог убрать и вымыть посуду, навести порядок в комнатах. Ночевать домой вообще не пошел, ему постелили в "кабинете". Ничего себе, семейная жизнь!

А неделю спустя Ирка пришла ко мне среди ночи с совершенно перевернутым лицом и сказала, что они разводятся. Долго не хотела говорить, почему, но потом разрыдалась и призналась:

— Не могу я больше жить в этом вранье! Уехал на три дня "в командировку", а мне коллега говорит: "Видела твоего драгоценного в нашем доме: шел под ручку с одной актриской, этажом ниже живет". Он "вернулся", я, конечно, спросила: правда? Вертелся, крутился, потом, наверное, надоело, сказал: да, правда. Я и раньше догадывалась... Ну, я сказала: "Уезжай к себе, квартира есть". А он, а он...

У Ирины началась истерика. Я кое-как привела ее в чувство и узнала то, о чем могла бы догадаться. Потому что и так много знала.

Никита сказал, что никуда из этой квартиры уезжать не собирается. Что, если Ире приспичило разводиться и разбегаться — пусть едет в эту панельную хрущевку и живет там. А он, Никита, с места не сдвигается. Он и женился на ней по двум причинам: знал, что не будет хлопот с детьми и родственниками и что жить будет в центре, в настоящей квартире, а не собачьей конуре. Со временем здесь все его будет, ходы он уже ищет. И вообще у него нет денег на такие причуды, как переезды и покупка современной мебели. Пусть продаст жемчужное ожерелье, все равно, считай, краденое, на все хватит и еще на жизнь останется. С покупателем он поможет. А менять образ жизни не собирается: одной женщины ему мало, и он еще не старик. Впрочем, если Ира передумает, он не против: будут жить, как жили, а свою квартиру он отдаст сыну — мальчик уже подрос.

— Нет, я решила — уеду. Я ведь уже даже не жена — так, обслуга. Забыла, когда у нас последний раз что-то было. Он же так устает! И про контрразведку все наврал, "полковник". Он и в армии-то никогда не служил, здоровье не позволило. А когда я ему и это сказала, он мне очень спокойно заявил: "Не переношу истеричек. Одна мне уже пыталась испортить жизнь — пришлось уговорить повеситься. Да-да, я вину Елену Прекрасную убедил в том, что она должна покончить с собой, если не хочет, чтобы меня арестовали и расстреляли. Она послушалась, как миленькая. И не смотри на меня так: меня в это время в Москве не было. Официально. И нет ни следов, ни свидетелей".

Значит, мне не почудилось! Это был Никита. Лгун, воришко, убийца... И я осталась в полной зависимости от него, когда Ирина уехала. Может, он и подождет, пока девяностолетняя Лидия Эдуардовна сама отойдет в лучший мир. Но мне-то всего тридцать шесть! И ради осуществления мечты — получить всю квартиру, меня можно и "поторопить"... Проклятая квартира!

Глава восьмая. Скажи мне, кто твой друг

Тысяча девятьсот девяносто второй год ознаменовался для дома в Чистом переулке состоянием "повышенной тревожности". Никто ничего не знал, никто ничего не понимал. Новых жильцов в постепенно освобождавшиеся комнаты не подселяли, но и занимать эти комнаты никому официально не разрешали. Загадочное тогда еще явление "приватизация" тоже не имело к старому московскому дому никакого отношения — он этой самой приватизации не подлежал по причине "крайней ветхости и аварийного состояния". Хотя "аварийного состояния", как такового, не наблюдалось, дом просто требовал капитального ремонта. Как, впрочем, больше половины домов в Первопрестольной.

Никита предупредил меня и Лидию Эдуардовну, чтобы мы без него не предпринимали никаких шагов по изменению жилищных условий, даже если нам предложат по отдельному особняку каждой.

— В лучшем случае, получите по однокомнатной хрущобе у черта на куличках. В худшем — по комнате в коммуналке же, но тоже не в центре. И, в любом случае, вас обманут.

Лидия Эдуардовна иронически усмехнулась:

— Если бы мне предложили тот особняк, где я родилась, тогда, пожалуй, согласилась бы. Сейчас это становится модным — возвращать отобранные когда-то. К сожалению, на месте моего дома — цековские хоромы о двенадцати этажах.

Я промолчала. Для меня любой переезд представлялся трагедией. Одна я не выживу — избаловалась, а какие соседи попадутся, неизвестно. Оставалось только молиться, чтобы "баронесса" прожила подольше. При ней я, как ни странно, ощущала себя в относительной безопасности.

Ибо от того, что происходило в нашей квартире, мы обе были, мягко говоря, не в восторге. Подруги Никиты менялись чуть ли не еженедельно, причем критерий отбора был достаточно загадочен. Изысканную интеллектуалку-филолога сменила приемщица из районной прачечной, а среди бела дня, дыша духами и туманами, на пару часов заезжала роскошно одетая и увешанная драгоценностями дама со смутно знакомым по теле- и киноэкрану лицом. Телефон звонил практически круглосуточно, причем отличить деловые звонки от личных было невозможно. В общем, жизнь была ключом.

— Никита, — спросила я как-то своего беспокойного соседа, — скажи мне все-таки, зачем тебе столько женщин? Ты что, решил побить рекорд Казановы? Или это у тебя спорт такой?

Ответ оказался несколько неожиданным:

— Милая моя, рекорд Казановы я, как ты изволишь выражаться, "побил" давным-давно. У меня в жизни было уже больше тысячи женщин. И, надеюсь, будет еще несколько... десятков.

— Зачем столько?

Никита был в прекрасном настроении: то ли какая-то сделка удалась, то ли удалось без особых хлопот избавиться от очередной партнерши. И поэтому разговорчив больше, чем обычно.

— Видишь ли, девочка, для меня интересен сам факт победы. И чем неприступнее кажется женщина, тем слаще миг торжества. Дай мне двадцать четыре часа и возможность уединиться — и любая, понимаешь, любая будет моей. И никогда от меня не уйдет, если я сам этого не захочу...

— Значит, ты хотел избавиться от Иры?

— Скажем так: я ее не удерживал. Во многих отношениях она меня устраивала, но это ее навязчивое желание во что бы то ни стало уехать из прекрасной квартиры в центре, в общем-то, раздражало. А со временем я здесь устрою квартирку по европейским стандартам: со спальней, кабинетом, столовой, гостиной, спальней для гостей. Кухню сделаю, как картинку, ванную комнату переоборудую. Дворец!

— А мы с Лидией Эдуардовной?

Никита слегка замялся. Я поднажала:

— Ну, "баронесса", допустим, может не дожить до этого светлого будущего. Но я-то, скорее всего, доживу. И — что?

— Ну, ты же в какой-то степени мой секретарь... И есть комната в квартире... поменьше, чем эта твоя, конечно, но зато практически с отдельным выходом...

— Ты имеешь в виду бывшую комнату для прислуги? То есть нынешнюю кладовку?

— Но ты же будешь там только спать. А работать — в кабинете. В общем, мы же не сегодня этот вопрос будем решать. И вообще, сегодня у меня встреча... Я как раз

хотел тебя попросить. Мне нужно отбежать на пару часов, а должна позвонить одна женщина...

— Только одна? Что-то мало для одного дня.

— Не вредничай, пожалуйста. Может, их десяток позвонит, но одна из них обещала сегодня прийти ко мне в гости. Её зовут Наташей, Натальей Алексеевной. Скажи ей, что я с пяти вечера буду её ждать, что я все дела отложил...

— Даже по контрразведке? — съехидничала я.

— Я же сказал: все дела! А для остальных я на срочном задании, и раньше завтрашнего вечера меня не будет. Чтобы не трезвонили понапрасну.

— Двадцать четыре часа и возможность уединиться?

— Вот именно. Я ее целый месяц обхаживаю.

— Красавица?

— Увидишь. Её называют "Снежной королевой" или "миледи". За три года работы никому не позволила кончики пальцев поцеловать...

— Сладость неприступности?

— Ну ты же умница, Регина. Все понимаешь.

Никита убежал по своим делам, а я осталась отвечать на телефонные звонки и с длинным списком других поручений: найти в газете нужную статью, перепечатать на бело пару страниц, перевести свою "норму" для научного журнала.

Голос "Снежной королевы" "вычислила" как-то сразу. Надменный, но с оттенком паники, как если бы женщина делала что-то опасное, непривычное, но пыталась убедить самое себя, что все в порядке, просто деловой звонок знакомому человеку.

— Никиты Сергеевича сейчас нет дома, — вежливо ответила я. — А кто его спрашивает?

— Наталья Алексеевна, — оттенок паники в голосе стал яснее, но и надменность соответственно увеличилась.

— Он просил вам передать, что с пяти часов ждет вас и отложил все дела.

— С пяти?

— Что-нибудь не так? — спросила я, глянув на будильник. Было ровно четыре.

— Просто оказалась рядом и думала... В общем, еще позвоню.

— Лучше заходите и дождитесь здесь. Сегодня холодно?

— Да... Нет... Не знаю. Но это же неудобно!

— Неудобно болтаться час по улицам. Заходите, попьем чаю, побеседуем...

— А вы его...

— Нет, не жена, — рассмеялась я. — Соседка и секретарь по совместительству. Сами увидите.

Через минуту раздался звонок в дверь. "Она от подъезда, что ли, звонила?" — удивилась я и отправилась отпирать дверь. Но это оказалась не таинственная незнакомка, а Слава.

— Сам-то дома? — спросил он, поздоровавшись.

— И самого нет, и дама сейчас пожалует, так что заходи, поможешь вести светскую беседу.

— Лучше бы с тобой одной посидеть. Или вообще пойду, если у Никиты свидание. Помешаю.

— Да она, может, и не придет, какая-то пугливая.

Слава по-хозяйски направился на кухню, поставил чайник на плиту и стал готовить какую-то закуску. Очевидно, опять что-то произошло у него в семье, а в таких случаях он "просил политического убежища" у Никиты. И когда почти все было готово, в дверь робко позвонили.

— Сам открою, — поднялся Слава. — Отдыхай.

Но меня распирало от любопытства, и я выехала в коридор следом за Славой. Там стояла худенькая женщина, среднего роста, в черном пальто и черном же бархатном берете. Она смотрела на Славу с тем же смешанным выражением надменности и испуга, которые были и в ее голосе. А когда перевела взгляд на меня, то я ахнула:

— Наташа! Наташа Трегубова из девятого "А"! Ты меня не узнаешь?

— Регина? Господи, теперь узнала, конечно. Двадцать лет прошло... То-то мне номер телефона показался знакомым. Как же тесен мир!

— Ну, не зря, значит, я тебя пригласила зайти. Да, познакомьтесь: Наталья Алексеевна — Станислав... ха, Алексеевич!

— Нет уж, никаких отчеств! А то потом до скончания века так и будем церемонии разводить! — возмутился Слава. — Вы вместе с Региной в школе учились, Наташа, да? Снимайте пальто, проходите, мы как раз собирались чай пить. А то вы вся дрожите.

Наташу действительно била дрожь, но не от холода, а от волнения. Первый раз в жизни она по собственной воле ввязывалась в какой-то сомнительный роман. Хотя о собственной воле можно было говорить с большой натяжкой. Никита ворвался в ее жизнь, размеренную, отложенную, без особых страстей и горестей, как торпеда в бок пассажирского судна. Месяц назад ей, старшему преподавателю на кафедре истории одного из московских вузов, замужней женщине, матери четырнадцатилетней дочери, и в голову не могло прийти, что она будет после работы встречаться с мужчиной, старше ее на пятнадцать лет, ждать его звонков, непрестанно о нем думать. И бороться с собой не ежечасно — ежеминутно, чтобы не сорваться, не бросить все и не отправиться с ним... да куда угодно! Но месяц прошел в невинных прогулках, посиделках в кафе и невинных поцелуях в подъезде при расставании.

И вот "Снежная королева", похоже, растаяла. Муж повез дочку на весенние каникулы к друзьям в Ригу, сама же она освободиться на работе не могла. Но не смогла и умолчать о том, что осталась одна в Москве на десять дней. Пригласить Никиту к себе? Нет уж, достаточно она слышала анекдотов о том, как муж не вовремя возвращается домой из командировки. Пойти к нему в гости? Да, пожалуй, но только днем, только днем! На чашку чая. На час, не больше.

И вот не выдержала, примчалась раньше срока, позвонила, пришла. Теперь не он ее ждет, а она его, да еще оказалось, что соседка по квартире — знакомая школьных лет. Не близкая подруга, но гуляли в одной девчоночкой компании, ходили вместе на лыжах, бегали на коньках. И смотрит на нее Регина как-то странно: не то осуждающе, не то с сочувствием. И еще этот седой красавец, то ли друг ее, то ли родственник.

Зазвонил телефон, и я сняла трубку:

— Да? Ах, это ты... Звонила. Баранки гну, сколько раз просить тебя не нукать. Через полчаса? Прекрасно. Здесь Слава, будешь говорить? — И, повернувшись к Славе, сказала: — Пойди, возьми трубку там, в телефонной. Наташа, Никита Сергеевич будет через полчаса, ты, конечно, подождешь?

Наташа неуверенно кивнула, а Слава вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. Я подождала, прислушиваясь к звукам в трубке, потом аккуратно положила ее на рычаг.

Наташа открыла рот, чтобы о чем-то спросить, но тут из телефона отчетливо, хотя и тихо, донесся разговор двух друзей.

— Никита, я, похоже, приперся не вовремя, но могу и с Региной посидеть, не помешаю.

— Ты извини, Слава, но эту девушку я месяц обхаживал, причем пока почти на чистой платонике. Как-нибудь, со временем, познакомлю. Из таких ледышек получаются настоящие Мессалины, уж поверь моему опыту.

— Она, кстати, уже здесь, и мы познакомились. Мила, очень мила, и если бы не ты...

— Подожди, если хочешь, потом уступлю. Как обычно. Когда ты научишься сам с женщинами знакомиться?

— У тебя это лучше получается. Значит, мне можно оставаться?

— С Региной — безусловно. А я сегодня...

— Все понял, приезжай.

В комнате у меня Наташа словно оцепенела.

— Если ты скажешь, что здесь слышно каждое слово, произнесенное по телефону там, мне будет плохо, — быстрым шепотом произнесла я. — Но мой тебе совет — уноси ноги. Или настройся на то, что тебя ждет захватывающее, но короткое — поняла, короткое! — приключение. Тогда оставайся и поступай, как считаешь нужным. А я... я, как видишь, слишком завишу от своего соседа, чтобы портить с ним отношения.

— Я ничего не поняла, — жалобно проговорила Наташа. — Ледышка, Мессалина, кого-то кому-то уступят, кто-то с кем-то познакомится. О чем они говорили?

“О тебе, дуреха!” — хотела я сказать, но передумала. Ну, спасу эту наивную до не-приличия женщину, та убежит и больше не вернется. Или... или Никита, уязвленный нечаянной неудачей, убедит ее в кристальной чистоте своих намерений и... все равно добьется своего, только позже. В любом случае она непременно расскажет ему о том, что в моей комнате слышно каждое слово, произнесенное по телефону на другом конце квартиры. Предсказать свою судьбу в этом случае — легче легкого. Нет уж! Пусть решают свои проблемы сами — взрослые, здоровые люди, у которых ноги ходят нормально, и поэтому они ходят по одиноким мужикам и ищут приключений на свою голову. А я, запертая в четырех стенах мрачного, запущенного дома, буду наблюдать за всем этим со стороны — как по телевизору.

— Я не слышала ничего, Наташа, извини, задумалась. Наверное, обсуждали очередной сценарий Никиты Сергеевича. Только прошу тебя, не говори о телефоне ничего, иначе затеют менять аппарат, а у меня нет таких денег, да и растянется все на полгода, как минимум: Никита страшно занят, а больше этим никто заниматься не будет.

— Раз ты просишь, конечно, не скажу, — уже спокойнее отозвалась Наташа. — А этот Слава, значит, друг Никиты? Очень интересный мужчина.

— Да уж точно интереснее, чем мой сосед!

— Он тебе нравится? Слава, я имею в виду.

— Наташа, посмотри на меня, — усмехнулась я. — Даже если мне кто-то и нравится, лучше держать это при себе и не смешить людей. Я же калека, подружка, ты что, не видишь?

Наташа, которая была вся в своих переживаниях, страшно смущилась, залепетала что-то о душевной красоте и духовной близости, поняла, что говорит ерунду, и совсем смешалась. Тут вернулся Слава.

— Ну, милые дамы, сейчас придет наш гостеприимный хозяин. Регина, тебе придется сегодня поскушать в моем обществе: Никита мне объяснил, что им с Наташей нужно обсудить массу деловых вопросов...

— Я, правда, собиралась вечером на танцы, — недобро хохотнула я, — но раз ты сегодня одинок и заброшен, так и быть, посижу дома, поскучу, как ты говоришь, с тобой. Главное, чтобы тебе со мной было не слишком тоскливо...

Никита ворвался в квартиру, как вихрь, нагруженный свертками и пакетами. Они со Славой в четыре руки мгновенно соорудили импровизированный банкет ("За знакомство, Наташенька, за ваш первый приход сюда, за праздник, который вы нам подарили"), открыли шампанское и за час уболтали "прекрасных дам" до полуобморока. А потом Никита увлек Наташу в свою комнату, что-то нашептывая ей на ухо. Та лишь один раз беспомощно оглянулась на меня, но Никита пресек эту робкую попытку замедлить естественный ход событий:

— Все нас поймут и простят, Наташенька, мы же с вами первый раз можем спокойно посидеть и поговорить вдвоем. Здесь только свои, все всё понимают...

Оставшись наедине со Славой, я разрыдалась.

— Да что с тобой? — опешил он. — Болит что-нибудь? Нервы разгулялись?

— Нет! Просто я поступила как последняя дрянь и не предупредила Наташку, во что она лезет.

— А во что, собственно, она лезет? — искренне изумился Слава. — Не девочка, слава Богу, замужняя женщина. Надеюсь, предохраняться она умеет, а все остальное...

— Я думала, ты другой, Слава. А ты...

— А что я? Детей ем? Малолетних совращаю?

— Ты же женат!

— Более того, не собираюсь разводиться. Ну и что дальше?

— Ничего. Еще одной иллюзии меньше, вот и все. В общем, все, как в пословице: "Скажи мне, кто твой друг, и я тебе скажу, кто ты". Я же видела, как ты смотрел на эту Наташу. Она тебе понравилась!

— И что в этом плохого? Как ты могла заметить, она понравилась не только мне. Но мы с Никитой женщины друг у друга не отбиваем.

— О, да, вы же друзья! Вы ими просто меняетесь. Смотри, не надорвись в этой гонке за лидером. Никита мне как-то рассказывал, что у него было больше тысячи женщин. А у тебя?

— А у меня меньше, — усмехнулся Слава, — И вот что я тебе скажу, малыш, не трави ты себе душу понапрасну. Честное слово, я к тебе отношусь гораздо лучше, чем ты думаешь. Просто...

— Просто я — урод и калека, да?

— Нет. Просто тебя нельзя обижать. И не плачь, прошу.

Слава подошел, приподнял мое лицо за подбородок и очень нежно поцеловал сначала в лоб, как ребенка. А потом — в губы.

Глава девятая. ◉ маленькой лжи и большом вранье

Слава, разумеется, нашел совершенно беспрогрызный ход: первый в моей, так сказать, второй жизни поцелуй (школьные романчики не в счет) потряс меня так, что я ослепла, оглохла и онемела. Ибо даже самой себе боялась признаться в том, что влюблена. По-видимому, я плохая актриса, если Слава прекрасно все понял.

Нет, он меня не пожалел и не делал над собой титанических усилий, чтобы поцеловать. Я ему нравилась, хотя верится в это, конечно, с трудом. И, как ни парадоксально все это звучит, если бы я была не калекой, а нормальной женщиной, у нас бы состоялся нормальный роман. А потом бы мы расстались. Никаких других вариантов не предусматривалось.

— Малыш, — сказал мне тогда Слава, — пойми, я не могу поступить с тобою, как с другими. Так же, как, например, не могу развестись. Напрасно ты сравниваешь меня с Никитой, мы совершенно разные. Мне с тобой уютно, спокойно,

легко. И не думай, что если бы мы стали любовниками, наши отношения улучшились бы.

— Ну, конечно! Со мною ты станешь дружить и отдыхать, а когда Никите надоест его... новая игрушка...

Слава рассмеялся.

— Слушай, нельзя быть такой ревнивой! Ну, пожалуйста, я Наташу никогда пальцем не трону, если именно это тебя так волнует. С Ириной же у меня были нормальные отношения, никогда я с ней не спал, даже не целовался. Кстати, мы до сих пор время от времени общаемся, именно потому, что... никогда особенно не сближались. Ты мне не веришь?

Тут как раз я ему верила. С Иркой мы довольно часто болтали по телефону, она рассказывала мне, что Слава у нее время от времени бывает, и что это ее одновременно успокаивает и волнует. Успокаивает потому, что можно просто сидеть и разговаривать обо всем и ничего из себя не изображать. А волнует потому, что каждый Славин приход напоминает ей про Никиту, а рана еще слишком свежая, болит... Так что Слава мне не врал, и это было приятно. Действительно, похожи с Никитой они были далеко не во всем.

— Что же теперь будет? — неожиданно для себя самой спросила я.

— Ничего не будет, все останется по-прежнему. Просто ты перестанешь забивать себе голову глупостями и не будешь такой ревнивой злouchкой. А я буду знать, что здесь мне рады и здесь я могу отдохнуть и успокоиться.

— У тебя так плохо с женой? — осторожно спросила я.

Слава нахмурился:

— Этую проблему я не обсуждаю даже с Никитой. Извини.

— Это ты меня извини. Но я спрашивала не о нас, а о Наташе...

— У меня с ней ничего не будет, наши с тобой добрые отношения для меня важнее мимолетного романчика. А что у нее будет с Никитой, ты, наверное, знаешь лучше меня. Месяц в лучшем случае, неземной жаркой страсти и очередная длительная и важная "командировка" в район Северного полюса.

Я тоже так думала, но время показало, что мы оба ошиблись. То есть неземная страсть продолжалась не месяц, а три недели, после чего Никита дал мне очередную инструкцию: для Наташи его нет вообще в Москве. Он в командировке, в Нагорном Карабахе, и если вернется живым и здоровым, то тут же ей позвонит. Но лгать на сей раз не пришлось: Наташа не звонила и не проверяла, а также не дежурила под окнами, как некоторые ее предшественницы. Чем, по-видимому, задела самолюбие Никиты, потому что ровно через месяц я услышала по своему телефону-транслятору такой диалог:

— Здравствуй, это я.

— Господи, ты вернулся? Откуда ты?

— От верблюда. Из дома, разумеется. Только что вернулся. Хочешь меня видеть?

— Буду через полчаса...

Я подкараулила Никиту в коридоре и сердито спросила:

— Предупредить о том, что вернулся из Карабаха, ты не мог? А если бы я случайно не оказалась в коридоре и не услышала твоего разговора? Как врать — так я, а как...

— Не заводись, подруга, — отмахнулся Никита. — Честно говоря, сам не понимаю, зачем мне понадобилось разогревать вчерашний суп. Ну, захотелось, каприз такой пришел...

"Каприз", однако, оказался затяжным. В тот день Наташа примчалась даже быстрее, чем через полчаса, и оставалась до позднего вечера. На следующий день вы-

яснилось, что Никита дал ей запасной ключ от двери, и уже в два часа она наводила порядок в его комнате, мыла полы и окна, что-то стирала, а к его возвращению подготовила ужин. И осталась ночевать.

Со мною и с Лидией Эдуардовной она разговаривала как-то униженно-подобострастно, точно боялась, что мы чем-то можем ей повредить. Практически она переселилась к Никите, хотя понятия не имею, что она при этом рассказывала своему законному мужу. Позже выяснилось — рассказала все. И даже подала на развод, поскольку ее обожаемый возлюбленный обещал на ней жениться.

— Неужели действительно женится? — спросила я Славу при его очередном появлении. — Ты-то должен знать.

— Если бы Никита женился на всех, кому он это обещал, то ни на что другое у него бы просто не хватило времени, — засмеялся в ответ Слава. — Но вполне может и жениться, с него станется. Ты в любом случае можешь быть спокойна: жена друга для меня особа священная и неприкосновенная.

Слава погладил меня по голове, а я прижалась щекой к его руке. Эти крохи для меня были важнее всех Никитиных любовных похождений вместе взятых.

Лидия Эдуардовна, однако, была настроена менее благодушно, чем я. Для нее вся эта история ровно ничего не значила. А Наташу, которая должна была заменить Ирину, признавать наша "баронесса" не желала. И даже не пыталась это скрыть, как ни уговаривала я ее сменить гнев на милость и стать чуть более приветливой.

— Лично против нее я ничего не имею, — неизменно отвечала мне Лидия Эдуардовна. — Но чует мое сердце, ничего хорошего из всей этой истории не выйдет. Ты, деточка, еще молодая и совершенно не знаешь жизни. А я предчувствую трагедию, поверь моему опыту. И не хочу больше ни к кому привязываться, потому что не хочу испытывать лишней боли. С меня ее хватит.

С моей точки зрения, старуха просто посильно мстила за Иру, а заодно сводила с Никитой и другие счеты. Как-то она случайно узнала, что он всем и каждому представляется ее как дальнюю родственницу по материнской линии, да еще живущую у него, то есть в лично его квартире. В этом случае привычное уже для нас постоянное вранье соседа переставало быть безобидным и больно ударяло по дворянской гордости старухи. И эта же гордость мешала ей объясниться напрямик с самозванным "родственником". Это было ниже ее достоинства.

К сожалению, открылось еще одно вранье Никиты, куда менее безобидное. Я имею в виду колечко с изумрудом, найденное давным-давно Лидией Эдуардовной и якобы потерянное материю Никиты во время ночной бомбейки Москвы. Беда Никиты состояла в том, что он не умел врать "прогнозированно", то есть с долгосрочной перспективой. Он и думать забыл о своей сказочке, когда на его день рождения приехала мать. А Лидия Эдуардовна, обещавшая не говорить о кольце Ирине, заговорила о нем с "законной хозяйкой". И по ее округлившимся глазам поняла, что сосед ее в свое время просто-напросто обманул, о чем и сказала ему сразу после ухода гостей.

Это был один из тех редких случаев, когда Никиту Сергеевича "ловили за руку" на вранье, и, не имея возможности выкрутиться, он становился не просто грубым — цинично грубым. Так было при его разрыве с Ириной, так произошло и в этот раз. Никита налился кровью и начал орать, что Лидии Эдуардовне кольцо нужно, как зайцу насморк, что нужды она ни в чем не испытывает, а если испытывает, то пусть скажет ему, и он даст, сколько нужно. А если ее волнует мысль о том, на какие деньги ее будут хоронить, то и в этом он ей с удовольствием поможет, пусть только намекнет.

Словом, вышел большой и грязный скандал, правда, только с одной стороны. Старая аристократка, конечно, в него не вступила и выслушала все в ледяном молчании. Потом повернулась, ушла к себе и заперлась на ключ. С тех пор ее общение

с Никитой стало сухо официальным, что злило его до чрезвычайности. А Слава, в общем-то осудив друга за не очень красивый поступок, не упускал случая подпустить шпильку:

— Значит, все-таки есть хоть одна женщина, на которую твои чары не действуют!

Никита, разумеется, заводился с полоборота и начинал ругаться, а я всякий раз с наслаждением добавляла (как только он начинал слегка остывать):

— Не одна, Славочка, а целых две. На меня Никитины пассы тоже не действуют.

Но если для нас это были игры, жестокие, конечно, но игры, то для Лидии Эдуардовны все было гораздо серьезнее. Как и много лет назад, когда у нее исчезла фамильная икона, украденная соседями, она буквально слегла. И все реже выходила из своей комнаты, даже со мной разговаривала явно через силу. И не было уже в квартире Семы Френкеля, который помог бы мне найти украденную вещь и вернуть ее хозяйке. Каюсь, тайком обыскала Никитины апартаменты. Но кольца, естественно, не нашла: то ли он его кому-то подарил, то ли, что более вероятно, давно продал.

А девяносто третий день рождения Лидии Эдуардовны запомнился мне надолго. По моей просьбе Слава купил ей от меня коробку конфет. И когда я утром, устав ждать ее выхода, постучала к ней в комнату и не услышала ответа, то, заподозрив неладное, толкнула дверь, к счастью, незапертую, и увидела, что старуха неподвижно лежит на кровати.

Лидия Эдуардовна была еще жива и жестом остановила меня, когда я рванулась вызывать "скорую". И жестом же подозвала меня поближе. Я подъехала к ней почти вплотную и разобрала чуть слышный шепот:

— Не надо никого звать, деточка, не продлевай моих мучений. Мне недолго осталось, да и пожила достаточно.

Я хотела возразить, но она снова сделала нетерпеливый жест:

— Никите придется выполнить свое обещание и похоронить меня за свой счет. У меня пропали бриллиантовые сережки. Те самые, помнишь?

Еще бы не помнить! Фамильные драгоценности Лоскутовых, похоже, приносили несчастье. Я посмотрела в глаза Лидии Эдуардовне, и мы поняли друг друга.

— Не поднимай шума, деточка. Я почти год их не доставала из шкатулки. А вчера вечером вдруг решила посмотреть...

Я взглянула на тумбочку около кровати. "Шкатулка", то есть жестяная коробка из-под печенья, стояла открытой. И в ней среди нищенских безделушек и документов лежала... пачка сnotворного.

— Не говори ему ничего. Намек поняла, но греха на душу не возьму. Умру своей смертью. Икону возьми себе. Все. Оставь меня.

Последняя фраза была сказана так твердо, что я машинально подчинилась. И только минут пятнадцать спустя до меня дошло, что надо что-то делать, а не потакать старческим причудам. Серьги я из Никиты выну, хватит с меня его фокусов, и все наладится. Я вернулась к "баронессе". Но опоздала: она уже не дышала. Ирина сказала бы: "Проклятая квартира!" Но при чем тут квартира?

Слава воспринял мой рассказ скептически.

— Старуха где-нибудь их потеряла и забыла. Или отдала кому-нибудь. Не станет Никита красть драгоценности у бабки. Не его стиль.

— А колечко?

— Колечко, согласись, он выманил, а не украл. Так что не переживай, малыш. В конце концов она же была очень старая. Отмучилась.

Конечно, он меня не убедил, но Никите я ничего не сказала. Мне вообще не хотелось с ним разговаривать. Ни его деятельное участие в организации похорон,

ни те немалые деньги, которые он за это заплатил, меня не смягчили. За такие серьги можно было похоронить десяток старушек, да еще осталось бы кое-что на жизнь.

Но и порывать отношения с соседом было страшно. Тогда я действительно оставалась совершенно одна. Я зависела от Никиты целиком и полностью, а если не от него, то от Наташи, которая, стремясь угодить своему возлюбленному, и продукты для меня покупала, и помогала справляться с другими бытовыми сложностями. На меня ей, естественно, было наплевать, но так велел Никита. А то, чего хотел ее драгоценный Никита, было законом и не подлежало даже обсуждению. Вторая женщина — милая, добрая, умная, заслуживающая гораздо большего — на моих глазах превратилась в покорную, влюбленную рабыню этого пижона. Я могла только поражаться: что они в нем находят?

А он делал все, что хотел. Например, строго-настрого запретил Наташе подходить к телефону. Звонить самой — пожалуйста, отвечать на звонки — ни в коем случае. Даже если его не было дома сутками, телефонную трубку могла снимать только я. И неудивительно, после полугода абсолютной идиллии начались неизбежные у Никиты штучки: мнимые командировки, работа по ночам и даже встречи с женщинами прямо у нас в квартире, когда Наташа была на работе. Меня просто распирало от возмущения — она терпела. Хотя разговора о женитьбе уже и не заходило. На что она надеялась, один Бог знает.

Все чаще, выбираясь поздним вечером на кухню за водой или чем-нибудь еще, я заставала одну и ту же картину: Наташа сидела за столом и раскладывала пасьянс. Один и тот же, до бесконечности, как автомат. И один и тот же вопрос был в ее глазах, когда она поворачивалась ко мне.

Я качала головой. Нет, он не звонил. И она возвращалась к своему механическому занятию. Почему в кухне? Потому что комната была слишком далеко от входной двери, и там она не слышала шагов на лестнице, звука ключа, поворачивающегося в замке. А здесь все было слышно.

Никита злился, заставая ее там ночью, устраивал скандалы — ничего не помогало. Тогда он запретил ей раскладывать на кухне пасьянсы. Нарушить запрет она, естественно, не могла, поэтому стала сидеть в темноте у входной двери и ждать его там. А услышав знакомые шаги, бежала в комнату, ложилась в постель и притворялась спящей. Чтобы все выглядело правдоподобно, в прихожей она сидела в одной ночной рубашке. Кончилось это, разумеется, воспалением легких и больницей. Навещал ее там время от времени отнюдь не Никита, а Слава, который Наташу искренне жалел. Я даже не ревновала.

Вернулась Наташа из больницы на два дня раньше, чем ожидалось. Непустить ее в квартиру я, естественно, не могла, хотя прекрасно знала, что лучше бы мне этого не делать: Никита был дома и, разумеется, не один. А по Славиной версии, за три дня до этого изложенной им Наташе, ее возлюбленный срочно уехал в командировку.

Я услышала только ее короткий, какой-то заячий вскрик. И тут же она, в чем пришла, не выпуская из рук сумки, пробежала мимо меня на лестницу. Спустилась на один пролет вниз, повернула обратно и снова вошла в квартиру. Но это уже была другая женщина, с совершенно безумным лицом. Она бросила сумку на пол, вбежала в кухню и тут же стремительно бросилась в спальню Никиты.

Я открыла рот, но не смогла издать ни звука. Мне стало безумно страшно, как тогда, когда Никита признался мне в своем косвенном участии в гибели Елены Николаевны. Я даже не могла заставить себя двинуться к той комнате, куда ворвалась Наташа, меня словно парализовало. И тут я услышала крик — не Наташи, а той девицы,

которая ночевала у Никиты. Она кричала страшно, даже не кричала — выла. А сам Никита выскочил из комнаты полуголый и бросился к телефону...

“Скорая” и милиция приехали почти одновременно по слишком хорошо знакомому адресу. В одну машину погрузили случайную подругу Никиты, которую Наташа ударила кухонным ножом в спину. Она была жива, но без сознания. Никита отделался легко — нож только скользнул ему по груди, оставив, правда, весьма болезненную царапину. Третий же удар ножом Наташа оставила для себя — и не промахнулась. Как потом прокомментировала это Ирина, которой я, разумеется, все рассказала по телефону: “В сердце попасть очень легко, если оно болит”. И, разумеется, добавила свое любимое определение нашей с ней когда-то общей квартиры. На этот раз мне почему-то не захотелось ей возражать.

После этого события Слава провел у нас трое суток, поскольку Никита был совершенно невменяем. До сих пор его забавы с женщинами проходили не только безнаказанно, но и бескровно. Но — “повадился кувшин по воду ходить, тут ему и голову сложить”, — сказала бы Лидия Эдуардовна, доживи она до этого времени. В эти бесконечные трое суток, сидя около Никиты, мы со Славой не один раз выражали надежду, что уж теперь-то его друг и мой сосед хоть немножко остынет и перестанет доводить число своих женщин до второй тысячи с такой безумной скоростью.

К сожалению, мы оба ошиблись и на этот раз. Потому что не догадывались о том, что нас ждет в ближайшем будущем.

Глава десятая. Превратности побега

В январе, сразу после рождественских праздников, в квартиру позвонили. Я была дома одна и потащилась отпирать дверь, проклиная Никиту за то, что он сделал из квартиры проходной двор. Но, справившись с замком, я решила, что ошиблась дверью. На лестничной площадке стояла такая дама, каких не бывало даже у великого знатока женщин Никиты. В собольей шубе, немыслимой красоты сапогах на высоком и тонком каблуке и с роскошной сумкой через плечо. У ног дамы стояли два чемодана, тоже не из дешевых, а за нею маячила мужская фигура. Как потом выяснилось — шофер.

— Здравствуй, Регина, — сказала дама, — ты совершенно не изменилась. Не узнаешь?

И тут я узнала свою бывшую соседку Верочку Сергееву, ставшую по безумно-благородительной прихоти Семена Френкеля его женой и уехавшей с ним и с его родителями из России. Но вместо прежней юной и чуть вульгарной красотки вернулась ухоженная, уверенная в себе молодая красавица. Пребывание в цивилизованных странах явно пошло ей на пользу.

— Надеюсь, мою комнату не заняли? — как ни в чем не бывало осведомилась она, жестом указав шоферу внести чемоданы. — Ни от подданства, ни от жилплощади я не отказывалась, так что решила обойтись без гостиницы. Ностальгия, наверное. Потянуло в этот сарай — и все тут.

Я, наконец, обрела дар речи.

— Вера, как ты изменилась! Я бы тебя первая ни за что не узнала. Как у нас говорится, богатая будешь. Впрочем...

Верочка довольно рассмеялась:

— Я и сейчас не жалуюсь. Комната-то действительно свободна?

— Нас в квартире вообще двое осталось — бывший муж Ирины да я. Так что можешь даже выбирать, где... поменьше грязи. Сказать “где почице” не могу: мой сосед уборку делает только по настроению и в жилых помещениях. Остальное...

Я махнула рукой. Впрочем, Вера все и так видела: пыльную лампочку без абажура в коридоре, затоптанный пол, захламленные углы. Она заглянула в свою комнату, где на потолке сохранились темные разводы от протечки, потом в комнату Френкелей, так и оставшуюся с проломанным полом. Увиденное ее мало устроило, зато комната Елены Николаевны, где Никита оборудовал себе что-то вроде кабинета и где обычно ночевал Слава, если задерживался допоздна, понравилась.

- Может, здесь?
- Тут живет Никита Сергеевич. У него две комнаты.
- Тогда — к бабе Маше. Там, помню, комната побольше.
- Там, кстати, стоит часть вашей мебели. Перетащили после потопа.

Вера посмотрела на не слишком шикарную обстановку и передернула плечами.

— Ладно, для начала сойдет, да собственно, и не имеет значения. Ты на сегодня свободен, — обратилась она к шоферу, — а завтра, часиков в одиннадцать, позвонишь мне сюда. Может быть, понадобишься. Запиши номер телефона.

Когда шофер ушел, Вера скинула наконец шубку и осталась в черном платье из тонкой шерсти. Таком простом, что даже мне, неискушенной, стало ясно: за такую простоту заплачены немалые деньги. А Вера раскрыла один из чемоданов и начала доставать оттуда какие-то вещи, переодеваться и одновременно задавать мне бесчисленные вопросы. Оно и понятно: за пять лет ее отсутствия в квартире, мягко говоря, многое переменилось.

— Ох, я тебя заболтала! — спохватилась она наконец. — Давай я поставлю чайник, попьем кофейку, перекусим, а потом буду дальше устраиваться. Жаль, что наши бабки не дожили, я ведь им кое-что привезла. Ну да ничего не поделаешь, все мы там будем. А вот это — тебе.

Она положила мне на колени большой пластиковый пакет. Конечно, я была похожа на бедную родственную, но прослезилась я не из-за восторга от заграничных сувениров. Просто после смерти мамы мне никто не делал никаких подарков.

— От Семена тебе привет. Мы с ним, правда, в разводе, но лучшие друзья. Второй муж — американец, но такой сволочью оказался — не лучше наших мужиков. Спасибо Семе — он тоже, кстати, в Штаты перебрался, — надумил меня перед свадьбой брачный контракт составить, как это там принято. А по нему я, в том случае, если развод пройдет не по моей вине, кое-что получала. Да и свое дело у меня там есть, небольшое, но... Называется "Магазин маленькой Веры". Скупаю и продаю всякие ювелирные изделия. Ну, это не интересно.

Я слушала и машинально рассматривала вещи из пакета. Таких я не то что в руках никогда не держала, даже по телевизору не видела. Красивое длинное платье-халат из какой-то мягкой, нежной материи, тонкое белье, крохотный кассетный магнитофон с приемником, какие-то флаконы, коробочки, сверточки. Толком я рассмотреть ничего не могла, слезы продолжали капать.

— Что с тобой? — испугалась Вера. — Я тебя чем-то расстроила?

— Ну что ты, это я от неожиданности, наверное. Не думала, что вы там обо мне помните.

— Это я от тети Ривы и от Семена научилась. Они вечно о ком-то беспокоятся, кто-то у них под опекой. И Софа, Семкина сестра, точь-в-точь такая же. Красивая, ей уже за пятьдесят, а больше сорока никогда в жизни не дашь, трое детей, куча внуков. И все равно своих забот мало, обязательно чужими делами надо заниматься. Со мной она несколько месяцев возилась, пока из арбатской "прости господи" человека сделала. Они с мужем оба врачи, причем такие, что к ним в клинику за деньги очередь чуть ли не на полгода. Жаль только, что Моисей Семенович быстро умер — всего полгода пожил, как человек... Магнитофон, кстати, тебе от Семки.

За чашкой кофе с импровизированной закуской Вера постепенно узнала от меня все, что случилось в нашей квартире за последнее время. Разумеется, некоторые особенно мрачные подробности я опустила, но и без того картина получалась невеселая. Правда, гибель Марии Степановны и самоубийство Елены Николаевны особого впечатления на Веру не произвели: они никогда не были в добрых отношениях. Но смерть Лидии Эдуардовны, история неудачного замужества Ирины и трагедия с Наташой привели в ярость.

— Ну, я ему устрою, этому красавцу, он у меня за все заплатит!

— Верочка, ради Бога, не надо! — взмолилась я. — Если он узнает, что я тебе рассказала...

— А ты мне ничего и не рассказывала. Ты ведь не знаешь, зачем я приехала. Я хочу купить этот дом. И не просто хочу, а куплю, в принципе, уже все решено и нужно только уладить формальности. Так что получит твой Никита вместо этой квартиры в лучшем случае двухкомнатную. И то, если доплатит и будет хорошо себя вести. А за Ирку я с ним рассчитаюсь, есть способы.

— Зачем тебе это старье? Если есть деньги, купи себе квартиру или особняк в Подмосковье.

— Милая, мне нужно не жилье покупать, а капитал вложить, причем не только мой. Эти развалины выпотрошим и сделаем отличную гостиницу. А еще тут будет магазин со всякими штучками из Америки. Поняла? Кстати, и Ирине можно будет помочь, если захочет заработать.

— Захочет, наверное, — машинально отозвалась я. — Ты лучше скажи, что же будет со мной?

— С собой? — словно бы растерялась Вера. — А что с тобой может быть? Я же тебе все написала...

— Я не получала никаких писем очень давно. У нас это бывает.

Вера всплеснула руками и за несколько минут пересказала мне содержание не дошедшего письма. Оказывается, Семен поднял волну на полстраны и добился того, что за счет какой-то благотворительной организации меня поместят в американскую клинику. Вера тоже поможет. Вероятность излечения достаточно высокая, но даже если ничего нельзя будет сделать — случайно запущенный! — то я останусь жить там, где инвалидная коляска никого не удивляет и не пугает и где инвалидов считают обычными людьми, а не "убогими".

— А если ты вылечишься, — закончила Вера, — и захочешь вернуться сюда, то квартирка у тебя будет, обещаю. И работу найду — хоть администратором в моем отеле. Только вот что я тебе скажу. Во-первых, перестань реветь, это глупо. А во-вторых, поклянись, что ничего никому не скажешь о моих планах. Да и о себе тоже.

— Хорошо, не скажу. Но почему?

— Ты мне так обрисовала своего соседа, что хочется обрадовать его по полной программе. Чтобы он меня на всю жизнь запомнил.

В этот момент в замке повернулся ключ, и появился сам Никита. Я выехала в коридор: конечно, он был не один. Но, к сожалению, не со Славой, а с дамой, которую тут же представил:

— Это Катя, прошу любить и жаловать.

Высокая, щедро накрашенная Катя небрежно кивнула мне и потянула воздух носиком:

— Дорогими духами пахнет.

И тут Никита заметил, что в кухне кто-то есть. Он вошел и самым натуральным образом осталбенел, увидев Веру. А та не спешила представляться, от души наслаждаясь произведенным эффектом.

— Здравствуй... те, — наконец выдавил из себя Никита. — Вы к кому?

Соотнести появление этой красавицы со мною он просто не мог.

— Я ни к кому, — мило улыбнулась Вера. — Я здесь жила когда-то, и вот вернулась домой. Так что я ваша старая новая соседка. Прошу любить и жаловать.

На лице Никиты так ясно отразилась готовность немедленно полюбить и всячески жаловать, что я сочла нужным вмешаться:

— Никита, ты забыл о своей гостье. А мы с Верой и без тебя разберемся, она у себя дома.

— Ах, ну да, конечно, — спохватился Никита. — Но мы, собственно, пришли просто посидеть, поболтать, чаю попить. А то на улице холодно. Может быть, составите компанию, милые дамы?

— Спасибо, как-нибудь в другой раз, — самым светским тоном ответила ему Вера. — Мы только что пили кофе, и потом нам с Региной так много нужно друг другу рассказать...

— Разумеется, разумеется, — заторопился исправить положение Никита. — Вам нужно отдохнуть с дороги, устроиться. Если что-то нужно, то я...

— Благодарю вас, у меня все есть, — тон Веры явно давал понять, что разговор закончен.

И Никита нехотя убрался из кухни, прихватив разобуженную Катю, которая начала опасаться, что вечер закончится совсем не так, как предполагалось еще пять минут назад.

Как выяснилось, не напрасно опасалась. Как только зазвонил телефон, Никита коршуном бросился к нему и после короткого разговора вернулся в комнату. Десять минут спустя он уже помогал Кате надеть дубленку и одевался сам.

— Регина! — крикнул он. — Будь добра, если мне будут звонить, то я буду только завтра, и неизвестно когда.

— Он вернется самое позднее через полчаса, — сказала я Вере. — Избавится от своей Дульциней и прибежит совершать вокруг тебя свои пассы.

— Тем хуже для него, — пожала плечами Вера. — Для начала он поможет мне вымыть в комнате полы и переставить мебель. Потом приготовит нам с тобой ужин. А я ему, так и быть, разрешу тоже поесть за компанию с нами. Моя комната запирается изнутри? Дивно.

Я хорошо изучила своего соседа. Двадцать восемь минут спустя он вернулся. А еще через десять минут я с тихим злорадством наблюдала, как Никита выполняет Верины программы.

Свою же партию Вера разыгрывала просто виртуозно. Чуть-чуть кокетства, но самого невинного, ни к чему не обязывающего. Откровенное равнодушие к авансам и комплиментам Никиты. Никакой информации ни о своем прошлом, ни о своей нынешней деятельности. Для чего она приехала в Москву и чем занимается целыми днями, до последней минуты оставалось для Никиты загадкой.

Мне было очень трудно удержаться и не рассказать обо всем Славе, когда тот после довольно долгого перерыва появился у нас в квартире. Но я прекрасно понимала: понятие дружбы перевесит все клятвы и все морально-этические соображения, и Слава все расскажет Никите. Так что сообщила только одно: Вера и ее друзья приглашают, меня, Регину, в Америку, чтобы попробовать вылечить и поставить на ноги.

— Но ведь это, наверное, страшно дорого? — засомневался Слава. — Они что, миллионеры, эти самые друзья?

— Нет, просто хотят мне помочь. Вера сказала, что через месяц я уже смогу уехать. Раньше не получится из-за паспорта.

— Эта твоя Вера — просто добрая фея какая-то. Значит, уедешь?

— У тебя есть другой вариант?

Слава покачал головой.

— Просто думаю, что скоро здесь никого не останется. Хорошо бы, конечно, чтобы Вера вышла замуж за Никиту. Он о такой женщине всю жизнь мечтал.

Я от души расхохоталась.

— Да она ему в дочери годится! И вообще, по-моему, наш Дон Жуан зря старается. Этот орешек ему не по зубам.

— На моей памяти не было случая, чтобы какая-то женщина отказалась Никите во взаимности. Разве что Лидия Эдуардовна.

А Вера, похоже, получала настоящее наслаждение от затяянной ею игры в кошки-мышки. Причем мышка не подозревала об этом и вела себя так, будто кошка — это как раз она. То есть, конечно, кот. Никита приглашал Веру в ресторан — она отвечала, что кабаки ей осточертели в Америке и она предпочитает домашнюю еду. Никита покупал продукты, готовил, мыл после ужина посуду, получал за это милое "спасибо", но не более того. Приносил цветы — Вера говорила, что от их запаха у нее болит голова, и оставляла дорогие букеты на кухне. От попыток перейти к менее патологическим отношениям уворачивалась блестательно, как бы не понимая, чего добивается потерявший голову пятидесятилетний мужик. Через три недели такой политики из Никиты можно было вить веревки.

Слава наблюдал за происходившим с сочувствием, но посоветовать мог только одно: сделать официальное предложение руки и сердца. Тем более, что для Никиты ничего нового и необычного в этом не было. По-видимому, он внял совету приятеля, да и влюбился не на шутку, потому что в один прекрасный вечер постучал в дверь Веры, и его, наконец, впустили. Разговор был недолгим, и после него Никита, сияя и прямо-таки ликуя и трубя, понесся за шампанским, каковое и было распито в тот же вечер.

Во время его недолгого отсутствия я спросила у Веры:

— Сделал предложение?

— Обязательно.

— А ты?

— А я не маленькая девочка. Сказала, что сначала нужно попробовать, подходим ли мы друг другу...

— И что теперь?

— Теперь наберись терпения. Уже скоро.

И действительно, несколько часов спустя, поздно вечером, Вера прокользнула в мою комнату, заходясь от тихого хохота. А отсмеявшись, заговорила:

— Запоминай, пригодится, когда вылечишься. Отличный способ дать любому мужику не только по мозгам, но и... В общем, мой потенциальный жених старался, как мог. Выложился до предела. Честно говоря, мне даже трудно было сдерживаться и притворяться, что я ничего не испытываю. Два часа это продолжалось. Наконец он рухнул без сил, а я его спрашивала: "Как, и это все?!" Абзац. Теперь он к женщине полгода близко не подойдет. Может, для разнообразия еще его друга соблазнить? И потом сказать Никите, что вот это класс...

— Не надо, — тихо сказала я, разом перестав смеяться.

Вера внимательно взглянула и кивнула головой.

— Не буду, поняла. Довольно и этого. Завтра завершаю свои дела, точнее, устраиваю банкет по случаю удачной покупки. Еще один сюрприз твоему соседу. А ты через неделю улетаешь — вот твой паспорт и билет. Начинай собираться.

Я схватила Вера за руку.

— Послушай, мне надо тебе что-то сказать. Точнее, показать или отдать, в общем, не знаю. Сама поймешь. Никита из комнаты не выйдет?

— До утра точно нет.

И тогда я покатила свою коляскую в кухню, а оттуда — в комнатку для прислуги, давно заваленную всяким хламом и заставленную пустыми бутылками. А там попросила отодрать от стены железный лист. Верно это удалось не без труда, но наконец усилия увенчались успехом, и из образовавшейся в стене дыры она вытащила большую жестянную банку, залитую воском.

Запершись в моей комнате, мы вскрыли жестянку, и оттуда на кровать посыпалась с мягким звоном золотые кружочки. Пять тысяч царских червонцев. Наследство бабы Фроси.

— Милая моя, — потрясенно проговорила Вера, — да ты миллионерша! Теперь можешь все оплатить сама — и лечение, и свою жизнь здесь, когда вернешься, или там, если останешься. Неужели у тебя не было никого, кому бы ты могла довериться, кто мог бы тебе помочь?

В ответ я только покачала головой.

Глава одиннадцатая. Как в кино... не будет

Приезд Веры внес в мою жизнь столько всего нового, что в первые дни я буквально потеряла голову. Мне все казалось, что это — сон, сказка, розыгрыш. Словом, что угодно, только не реальность. С какой стати ей хлопотать о давно оставленной в Москве соседке по коммунальной квартире? Любой нормальный человек попытался бы забыть все, связанное с нелегким прошлым, как кошмарный сон. И — на тебе!

В излечении, честно говоря, не очень верилось. Но вырваться на какое-то время из замкнутого пространства, увидеть людей, свет — в прямом и переносном смысле этого слова... Кто бы отказался от этого? Пожалуй, только тот, кто связан обязательствами перед родителями, детьми, близкими. У меня же не было никого, кроме... Славы. Но даже я понимала, насколько это несерьезно в плане будущего. Ирина? Дважды Вера отправляла меня на машине к ней в гости. Этих двух раз оказалось вполне достаточно, чтобы понять: мы отвыкли друг от друга. У Ирины была своя жизнь, работа, любимый...

Я же, наблюдая за Верой, задалась вопросом: что произошло с жестокой, циничной, озлобленной на весь мир девчонкой, которая уехала отсюда? Откуда эта деловая хватка, хорошие манеры, способность думать не только о своих, но и о чужих делах? В ответ на мой прямой вопрос Вера пожала плечами и задумалась. Потом сказала:

— Знаешь, наверное, это в основном пример "гадов-капиталистов". Там, конечно, своего дермана хватает, но они мне показали, что можно быть добрыми — не добренъяками, а именно добрыми! — и милосердными, не впадая при этом в слюнявую сентиментальность. И сочетать это с высоким профессионализмом, прекрасным знанием дела и всем прочим. Они не швыряют деньги на благотворительность вообще, как у нас — нищему в шапку. Просто, например, бесплатно лечат в какой-то клинике вполне определенное число бедных. На это существует специальный фонд. А для людей состоятельных — плата настоящая.

— А как с твоим кредо, что теперь все мужчины будут платить? — не удержалась я. Злая становлюсь, ядовитая. Возраст, наверное. Или комплекс калеки.

Вера, однако, не обиделась.

— А с моим кредо все по-прежнему. Только продаю совершенно другое. Там, в Америке, я поняла, что торговать собою можно только в двух случаях. Если больше

ничего не умеешь делать и если иначе можно умереть с голоду, другой работы нет. И еще спасибо Семену, он буквально заставил меня учиться. Сказал, что не даст развода, пока я не начну свободно говорить по-английски и не получу специальность. Вот я изучила гостиничное дело. А потом встретила своего второго мужа. Он, кстати, до сих пор считает, что отбил меня у Семена. Так что замуж я выходила очень романтично, через неделю после развода. Друзья Софы, юристы, составили мне брачный контракт.

— А почему вы развелись?

— По его глупости. Возможно, я была не очень хорошей женой: меня гораздо больше интересовала работа, чем дом. А он и женился-то на русской, потому что наши бабы, во-первых, влюбляются во все тамошние домашние чудеса и сидят дома, играют в стиральные машины, электроножи, супердуховки. А во-вторых: у нас же положено, чтобы женщина по дому делала все. А там, если муж отказывается, скажем, подстригать газон или оплачивать счета — он уже бездельник и ничем не помогает жене по дому.

— Твой муж не оплачивал счета?

— Нет, страшно злился, если я не ждала его дома с готовым ужином и шлепанцами. Как будто трудно достать из морозилки бифштекс и сунуть его в духовку! Нет, ужин должен быть в столовой, при парадной сервировке, со свечами. Каждый вечер! А мне было интереснее сидеть у него в магазине и учиться коммерции. Так что скандалили каждую неделю. А потом он перебрал лишнего и стукнул меня пару раз. Вот за эти два синяка я и получила почти миллион. Там такие порядки.

Ко всему прочему, Вера обладала фантастической энергией. Устраивая свои дела, она с той же методичностью и упорством занималась моими. Отвезла меня сфотографироваться для заграничного паспорта, купила несколько неброских, но модных нарядов ("Даже в инвалидной коляске необязательно выглядеть пугалом"), заставила постричься. Последнему, кстати, я отчаянно сопротивлялась. Перспектива ежедневно торчать у зеркала и делать прическу приводила меня в ужас.

Но Вера была непреклонна:

— Во-первых, тебе минимум полгода придется провести в клинике и большую часть этого времени — лежа. Зачем тебе косы? Конечно, там за тобой будут ухаживать и все такое, но если можно избежать каких-то хлопот... И потом, ты сразу помолошеешь. Твой "кукиш" на затылке делает тебя старухой.

— Кого мне обольщать? — огрызнулась я. — С прической или лысая — все равно калека.

Вера присела передо мной на корточки и заглянула мне в глаза.

— Тебе нужно начинать лечение не с операции, а с отношения к себе. Тебе только тридцать девять, и пятьдесят шансов из ста, что вторую половину жизни ты проведешь нормальным человеком. Учись им быть. Прямо сейчас, не дожидаясь, пока начнешь ходить.

— А если не начну?

— Представь себе, и в этом случае нужно за собой следить. Ты можешь выйти замуж и даже иметь детей, мне приходилось сталкиваться с подобным.

— Тоже за инвалида? Две коляски в одной квартире?

— Все, — подвела итог Вера. — Завтра повезу тебя в парикмахерскую. И как бы ты ни верещала, заставлю стать красивой женщиной. Если не получится — значит, и лечиться не нужно, потому что, извини, на тебя без слез не взглянешь.

Спорить с ней было невозможно. Да и соблазн, честно говоря, велик. Я ведь ни разу в жизни не была в парикмахерской. До того, как получила травму, мне там было просто нечего делать, а после — тем более.

В небольшом, но изысканном салоне красоты я пялилась на все, как дикарь из джунглей на современный западный город. Правда, долго таращиться мне не пришлось: меня положили на кушетку, густо намазали чем-то физиономию и велели тихо лежать с закрытыми глазами. А пока я лежала, что-то делали с руками и ногами. Точнее, не с ними, а с ногтями. Я мысленно сказала: "Черт с вами, делайте, что хотите", и попыталась думать о чем-нибудь постороннем.

Потом, слава Богу, первый этап закончился. Крем с лица стерли, посадили перед зеркалом и стали колдовать над головой. Тут уж глаза я закрыла по собственной инициативе.

Открыла я их, когда услышала голос Веры:

— Все, тренишка, разжмуривайся и посмотри, что получилось. Если не понравится, значит, у тебя вообще нет вкуса.

И я осмелилась взглянуть на свое отражение...

Конечно, чуда не произошло: из зеркала на меня не глянула двадцатилетняя блондинка с огромными голубыми глазами и точеным лицом. Но в какой-то степени чудо состоялось. Я увидела действительно молодую женщину, с коротко подстриженными пышными волосами, пепельно-русый цвет которых прекрасно сочетался с темно-карими глазами. Моими глазами, но без морщинок под ними. И лицо было мое, но новое. Как будто взяли старую, запылившуюся, давно немытую чашку и привели ее в порядок. Чашка-то осталась прежней, но выглядела по-другому. Новой.

Дома Вера заставила меня прослушать краткий курс пользования косметикой и на мне же продемонстрировала ее эффект. Подчернила ресницы, припудрила нос. И страшно довольная результатом, умчалась по своим делам.

В тот вечер Никита пришел домой довольно рано, и не с дамой, а со Славой. Это был как раз период активного ухаживания моего соседа за Верой. Славу же он привел, по-видимому, для моральной поддержки: один Никита никак не мог добиться даже микроскопического успеха.

Я все еще сидела перед зеркалом, когда Слава постучал ко мне. И не успела развернуться к двери — наши глаза встретились в зеркале. И обычно невозмутимый и даже флегматичный Слава буквально "уронил челюсть".

— Что ты с собой сделала? — хрипло спросил он.

Меня охватил страх. Я так и знала, что стану посмешищем в глазах окружающих: паралитик с модной прической и накрашенными губами. Слезы как-то сами полились из глаз, а это вообще был конец — Слава женских слез не выносил органически, о чем меня же неоднократно предупреждал. Кроме того, щипало глаза — я забыла о подкрашенных ресницах, и половина туши с них уже была на щеках.

— Подожди, подожди, прекрати реветь! В чем дело? Почему ты плачешь?

Слава, как ребенку, вытер мне щеки своим платком. Спасибо хоть высморкаться не заставил...

— Ну вот, так даже лучше, а то совсем незнакомая дама была. Что случилось, из-за чего слезы?

— Я себя изуродовала, да?

Слава изумленно выпартацился на меня и расхохотался.

— Дурочка ты, какая же ты, оказывается, дурочка! Изуродовала? Да я дар речи потерял, когда тебя увидел. Ты, оказывается, хорошенъкая...

— Шутишь? — не поверила я своим ушам. — Или издеваешься?

— Ни то, ни другое. Я же не сказал что ты — красавица, это было бы неправдой. Но хорошенъкая — безусловно. В тебя просто можно влюбиться...

— Вот именно, — с холодным достоинством проговорила я. — Что у женщины в голове, что у нее в душе — вас совершенно не интересует. Главное, чтобы была хорошенькая, а еще лучше — красивая.

— Ну, в голове у женщины редко бывает что-нибудь путное, тут ты меня не переубедишь. А в душе... Извини, но когда человек впервые знакомится с женщиной, он не может ей в душу заглянуть, он, представь себе, смотрит на лицо. А некоторые, ты уж извини, даже на фигуру. Безобразие, правда?

— Слава, ты что тут застрял? — заглянул в комнату Никита. На меня он даже не посмотрел — Веры дома не было, остальное его не занимало совершенно.

— Посмотри на это дитя, — предложил Слава. — Девушка переживает, считает, что ее изуродовали.

Никита глянул на меня и вытаращил глаза:

— Интересно, и где все это было до сих пор? Мой старший сын сказал бы: «Классная чувиха»!

Тут хлопнула входная дверь, и Никиту как ветром сдуло: пришла домой Вера. Слава вышел за ним, по-видимому, так было договорено. А я достала подаренную Верой тушь и поправила «фасад». Настроение было прекрасное.

Оно не ухудшилось и в последующие дни. Вера загрузила меня так, что мне некогда было думать. Удалось даже продать всю мою мебель, по дешевке, конечно, но и это было не лишним для меня. Помогла раздать одежду, которая мне уже не могла понадобиться, а просто выбросить — рука не поднималась. За всем этим приходили люди, смотрели, приценивались, что-то забирали сразу, что-то оставляли мне до отъезда. Кровать, например. Или мамин трельяж. А я собирала то, с чем ни в коем случае не хотела расставаться: фотографии, кое-какие безделушки, немного книг.

В один прекрасный день Вера вошла ко мне в комнату, держа руки за спиной.

— Угадай, что мне подарил наш великолепный Никита?

Я пожала плечами. Вера протянула мне на ладони небольшую новехонькую коробочку. А в ней были...

— Серьги Лидии Эдуардовны! — ахнула я.

— Я так и думала. Иначе не взяла бы. А теперь мы проделаем маленький фокус... — Вера быстро вынула у меня из ушей старенькие маминь еще сережки и вдела бриллиантовые. — Тихо, не возникай! — осадила она меня. — Это не его, правда? Он их не покупал, он их просто спер. Теперь они мои, раз он мне их подарил. А я хочу подарить их тебе, вот и все. Пусть у тебя будет память о старухе. Она же тебя любила, да и ты ее тоже.

Я уже говорила, что спорить с Верой бесполезно. А потом она жестоко подшутила над Никитой, безошибочно хлестнув по самому уязвимому месту: мужскому самолюбию, и ему уже было не до объяснений.

— Ну вот, — объявила незадолго до моего отъезда Вера, — практически весь дом уже отселен. Как только ты улетишь, перебираюсь в гостиницу и начинаю здесь реконструкцию. Твоя квартира будет на верхнем этаже, рядом с моей. Есть особые пожелания?

Я только махнула рукой. После того, как Вера заставила меня взять официально заверенный документ о том, что мною, Региной Степановной Белосельской, передана Vere Сергеевой-Метс внушительная сумма в долларах для вложения в дело, мне уже желать было нечего. Сокровище старого присяжного поверенного Лоскутова, которого я в глаза не видела, позволило мне перестать терзаться мыслью о том, что меня кто-то будет содержать из милости до конца

моих дней. И это ощущение независимости, пожалуй, значило для меня больше, чем изменения в моей внешности или даже перспектива стать полноценным человеком.

— А Никиту ты куда определила? — поинтересовалась я.

— Он получил однокомнатную квартиру... Нет, я гуманнее, чем ты думала: не в Бутово и не в Митино. Здесь, в центре, только вне Садового кольца. На другой его стороне и в обычной девятиэтажной башне. И думала я при этом не о нем, а о тебе.

— Обо мне?

— Да-да, именно о тебе. Знаю, что ты будешь переживать за своего возлюбленного.

— О ком ты? — фальшиво спросила я. Мне и так было ясно — о ком.

— Конечно, о твоем прекрасном Славе. Тем более, что я к нему никаких претензий не имею. Так вот, чтобы ему не приходилось мотаться к своему закадычному другу на другой конец Москвы... Нет, не делай вид, что тебе это безразлично. Ты же влюблена в Славу, это только слепой не увидит.

“И он сам”, — подумала я, но не стала произносить вслух. Может быть, так даже лучше. Пусть остается в блаженном неведении.

Я не видела Москву двадцать лет, и по дороге в аэропорт смотрела из машины на улицы родного города с любопытством иностранки. Вероятно, больше я их никогда не увижу. И от этого, разумеется, было грустно, но я помнила про подведенные ресницы и плакать воздержалась.

Таможню прошли мгновенно: у меня был один чемодан и дорожная сумка. Икона Лидии Эдуардовны я оставила Vere — на сохранение. Пусть она ждет меня дома, ведь если поправлюсь, я вернусь, я непременно вернусь в свой дом в Чистом переулке под защиту Николая-угодника.

Вера поцеловала меня на прощание, и через несколько минут я уже была за границей, куда провожающих не пускали. Самолета я не боялась, хотя летела первый раз в жизни. Пересилило любопытство, или я была, скорее всего, взвинчена до предела, и для других эмоций уже не было сил.

Два часа спустя, когда мои соседи по креслам мирно дремали, я вспомнила наше со Славой прощание. Оно было не слишком долгим, но... Но оно дало мне силы улечься и попытаться начать жить заново.

— Скажи мне, — попросила я, — если я вылечусь и вернусь сюда, мы будем с тобой иногда видеться?

— Конечно, будем, малыш. И видеться будем, и в театры ходить.

— А может быть, ты в меня тогда влюбишься? И у нас будет настоящий роман, как в кино?

— Как в кино не будет. У нас с тобой будет роман, как в жизни, настоящий. И я буду любить тебя вечно... пока не надоем.

— Нет, — решительно сказала я, приняв его тон и его условия игры. — Если уж у нас будет настоящий роман, то пусть все будет по-настоящему. Сначала бурная страсть, потом я начну устраивать тебе сцены ревности, и ты меня бросишь. Все, как в жизни.

— Малыш, ты прелесть, — засмеялся Слава. — Я все сделаю так, как ты захочешь. Только вылечись. — И он опять поцеловал меня в лоб, как ребенка, а потом — в губы. И, уже стоя в дверях, бросил напоследок: — Только вылечись. И возвращайся.

“Я вылечусь и вернусь, — думала я, глядя в иллюминатор на белоснежные облака внизу. — И даже если у нас с тобой не будет вообще никакого романа, я знаю, мы будем видеться, а я буду тебя любить. В конце концов у судьбы не бывает блатных вариантов. А я вылечусь и вернусь — к тебе”.

Большой журнал автомобилей

143-187 стр.

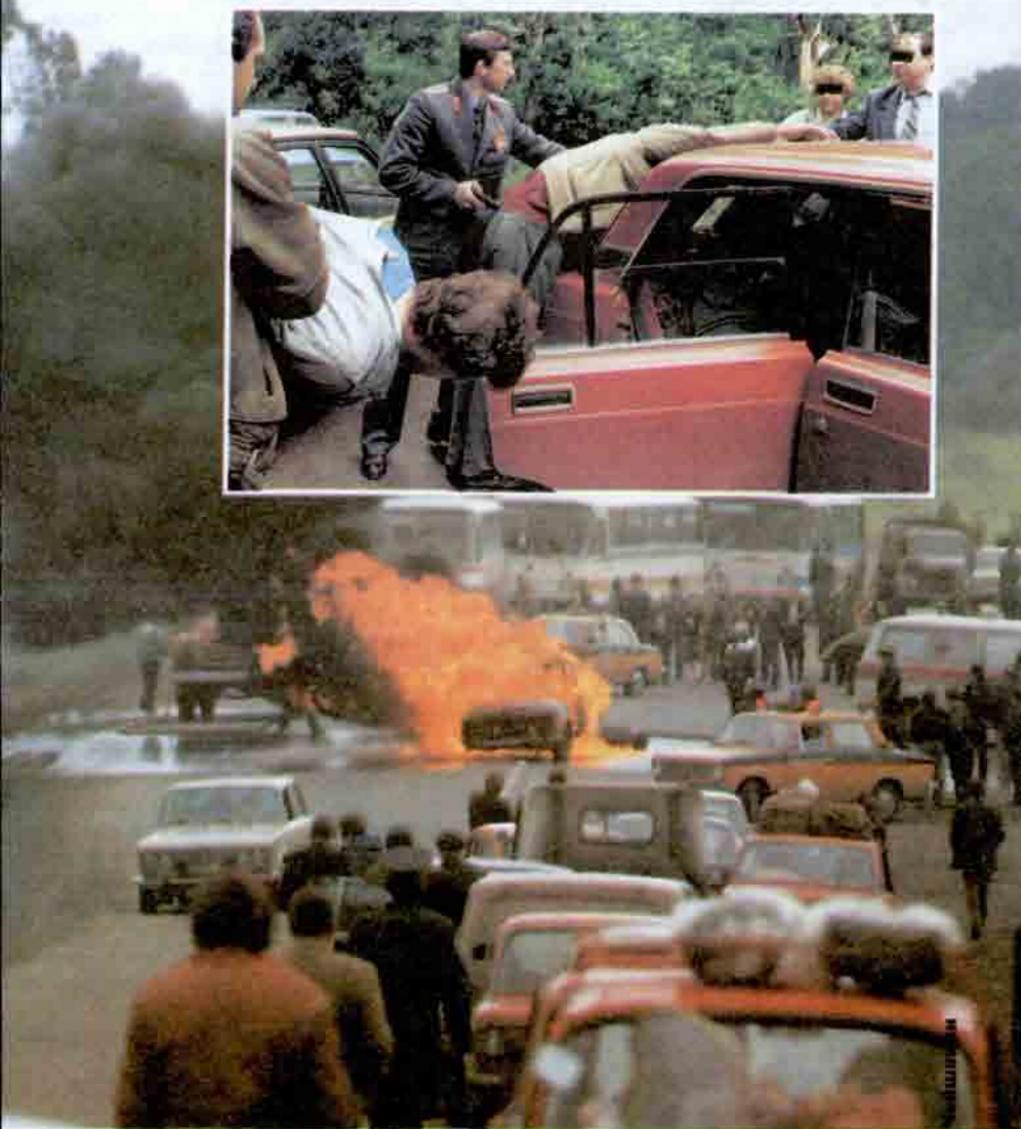
Проект
осуществляется
при поддержке
Федерального
агентства
по печати
и массовым
коммуникациям

Девушка в форме

Феминизм (а может и не он?) сделал свое дело. Сейчас практически нет различий между мужскими и женскими профессиями. Женщина запросто водит такси, управляет самолетом, занимается бизнесом наравне с сильным полом. А после сериала "Каменская" и победы в конкурсе "Мисс Вселенная" Оксаны Федоровой люди все

меньше удивляются милиционерам в юбке. Но мало кто задумывается о том, что эта профессия требует больших физических и духовных сил. "Молодой бульвар" встретился с девушкой, которая не боится никаких трудностей, курсанткой З курса факультета подготовки экспертов-криминалистов Университета МВД РФ, Натальей Ивановой.

— Наташа, почему ты выбрала именно Университет МВД?

— В наше время экономическое и юридическое образование нужно всем, чтобы знать свои права и не попасть в какую-нибудь неприятную ситуацию. Также хочу помогать людям и, если не защищать их в роли адвоката, то хотя бы давать юридиче-

ские советы. А почему решила идти в МВД? Окончив Университет, я выиграю вдвойне, так как не только буду юридически подкованной, но плюс к этому получу специальность. Да и форма меня всегда привлекала.

— Часто дети идут по стопам родителей. В твоем случае это так?

— Мои родители далеки от этой области. Но мой дядя — бывший следователь с большим опытом работы. Сейчас он подполковник милиции, начальник ОВД Моркинского района Республики Марий Эл. Он, наверно, тоже повлиял на мой выбор. Я бывала у него на работе, видела ее изнутри, даже выезжала на место происшествия. Дядя одобрил мое желание надеть погоны. Я отметила вместе с ним мой самый первый День милиции.

— Расскажи о своей специальности, пожалуйста.

— Я учусь на факультете подготовки экспертов-криминалистов. Моя будущая специальность — судебная экспертиза. В Университете МВД РФ этот факультет существует всего лишь пять лет. До этого экспертов-криминалистов готовили только в Высшей следственной школе МВД РФ в городе Волгограде. Это был единственный факультет во всей России. Так что таких специалистов не очень много и они достаточно востребованы. Работа не только интересная, но и очень ответственная. В руках эксперта — человеческая судьба, неверно сделанное заключение может привести к тому, что невиновный понесет наказание, а виновный останется на свободе.

— В чем заключается эта работа?

— Эксперт-криминалист может выступать в роли специалиста, который выезжает на место происшествия, ищет следы преступления или в роли собственно эксперта, давая только заключение. По окончании обучения мы получим допуски на производство традиционных криминалистических экспертиз, их всего 7 — экспертиза холодного оружия, баллистическая, портретная, почерковедческая, дактилоскопическая, трасологическая и техническая экспертиза документов.

— С какого курса у вас начинаются практические занятия?

— Уже в конце 2-го курса. Я попала в УВД СВАО в экспертно-криминалистический центр. Мы выезжали на место убийства, суицида и место кражи. Тогда я поняла, что эксперт должен обладать крепкими нервами, выдержкой и ни в коем случае не поддаваться эмоциям, потому что это может помешать выполнению работы. Впечатлительный человек не в состоянии сделать очень многое, к примеру, опо-

знать личность утопленника. Для этого нужно срезать кожу с кисти, размочить в специальном растворе, а потом надеть на свою руку как перчатку и снять отпечатки пальцев.

— Это посередине работы патолога-анатома будет!

— Получается, что да. Но со временем ко всему привыкаешь. Если почти каждый день на работе видишь похожие вещи, пусть даже страшные, то постепенно они перестают шокировать.

— Пока вы большей частью изучаете теорию, есть какие-нибудь особенности учебного процесса?

— Дело в том, что у нас теория тесно связана с практикой. Мы изучаем дисциплины, которые обязательно понадобятся в будущем — криминалистическую фотографию, почерк и почерковедческую экспертизу. Позже будет дактилоскопия и криминалистическая видеозапись. А вообще, думаю, что мы похожи на обычных студентов. Правда, иногда приходится идти в наряд или охранять общественный порядок во время какого-нибудь праздника или массового мероприятия.

— Дисциплина достаточно жесткая, сложно было привыкнуть?

— Сразу после сдачи вступительных экзаменов мы проходили курс молодого бойца. Сначала нам прочитали теорию, а потом начались испытания. Постоянные занятия физической подготовкой, сдача различных нормативов, строевая подготовка. Кошмар! Я так уставала! Многое не получалось или получалось комично. Маршировать на каблуках не так уж легко! Сейчас все стало проще. У нас есть огневая подготовка, нас обучают приемам задержания, и мне это нравится! На первокурсников смотрю с улыбкой, они "зеленые" еще, а ведь я такой была.

— Многие студенты в процессе обучения не чувствуют связи с профессией, даже если потом идут работать по специальности. У меня сложилось впечатление, что ты ощущаешь себя действующим сотрудником милиции, это так?

— Да, на самом деле так. С момента принятия присяги мы становимся полноправными сотрудниками милиции. Время обучения в Университете включается в выслугу лет

(стаж). Кроме того, людям на улице все равно, кто ты: еще курсант или уже нет, и они часто обращаются за помощью. Отказать ты не можешь, да и не имеешь права. Думаю, что форма действует не только на окружающих, но и на нас самих, наверное, иногда мы чувствуем себя взрослеем своих ровесников, обычных студентов. Многие курсанты награждаются нагрудными знаками "За верность долгу", "Отличник милиции", "За задержание преступников".

В прошлом году ребята из моей группы задержали преступника. Они возвращались домой из Университета, шли дворами, услышали крик. Увидели лежащего на земле мужчину и убегающего грабителя, который ударил по голове свою жертву и похитил крупную сумму денег. Они смогли догнать его и доставить в отделение. Потом пострадавший, который оказался преподавателем одного из московских вузов, пришел к нам в Университет благодарить своих спасителей.

— Как ты думаешь, почему у нас в народе, мягко говоря, недолюбливают милицию?

— Потому что многие живут стереотипами, что в милиции работают только взяточники. Это не так!!! Во всех структурах, во всех организациях есть свои недостатки. И не только у нас, но и в других странах. Везде есть порядочные люди и не очень. Но нельзя же всех мести под одну гребенку! Что бы люди делали без милиции?

— Встречала ли ты негативное отношение к себе со стороны окружающих, когда была в форме?

— Лично я, к счастью, нет (тыфу-тыфу). К девушкам и женщинам-милиционерам, на мой взгляд, относятся спокойнее. Но я знаю, что такое имеет место быть. У меня есть знакомый первокурсник. Так вот, он спокойно шел по улице, как вдруг на него напала группа подростков (3 или 4 человека). Они хотели избить его только потому, что он был в форме. Хорошо, что у него оказался с собой газовый баллончик. Он направил его на одного из ребят, а остальные разбежались сами. Этот курсант ничего плохого не сделал этим подросткам, но у них в головах засела мысль, что все менты плохие. Возможно, что они переняли эту идею у своих родителей.

— Нужно менять мнение таких людей!

— Безусловно. Я полностью с тобой согласна. Но все люди разные, и порой бывает трудно объяснить, что милиционеры — не какие-то там монстры. Я обычная девушка, но я собираюсь, более того, уже связала жизнь с милицией.

— Давай поговорим на самую что ни на есть девичью тему: об одежде, украшениях и косметике. Признайся, ведь иногда хочется прийти в Университет в обновке, а нельзя — форма?

— Да, иногда возникает такое желание, но я не переживаю, потому что знаю, что форма мне к лицу. Я себя в ней чувствую достаточно комфортно. А показать новую вещь однокурсникам можно, встретившись после занятий. В Университете, конечно же, существует ряд ограничений касательно внешнего вида. Прическа должна быть аккуратной, волосы желательно собирать и они должны быть одного оттенка, а не переливаться всеми цветами радуги. Нельзя красить ногти ярким лаком, носить много украшений. Чрезмерно высокие каблуки и укороченные юбки тоже не приветствуются. Но из этого положения можно выйти, если знаешь меру. Я бы никогда не стала ходить с фиолетово-зеленой шевелюрой или обвешиваться цепями — просто не мой стиль! Предпочитаю классические прически и стрижки, легкий макияж, средней величины каблуки и в обычной жизни, так что здесь особых проблем нет.

— Как ты проводишь свободное время?

— Его не очень много. Часто из Университета возвращаюсь поздно, только бы до кровати доползти. Но, когда все-таки выдается свободное время, то встречаюсь с друзьями. Люблю ходить в кино. Раньше занималась спортом, а сейчас не успеваю. С физическими нагрузками помогает Университет.

— А в Университете как-то продуман ваш досуг?

— Конечно! У нас есть команда КВН ("Будь в форме"). Сначала она называлась "Фактор смеха", потом состав несколько изменился, и решили поменять и название. Команда состоит не только из курсантов, но и офицеров. Участники команды — не только курсанты Московского Университета МВД

РФ, но и его филиалов (Смоленского, Брянского, Тульского и др.). Ребята играют в Премьер-лиге, на межвузовских турнирах. В Университете каждый год проводятся игры КВН между факультетами и между филиалами. Кроме того, у нас проходят смотры художественной самодеятельности, в которых любой желающий может показать себя: кто-то поет, кто-то танцует, кто-то показывает сценки. Победителям вручаются призы и грамоты. На праздники, такие как 23 Февраля и 8 Марта, у нас проходят концерты.

— Ты говорила, что любишь кино. Какой самый любимый фильм о милиции?

— Советское кино обожаю! Сейчас про милицию снимают огромное количество сериалов. Я, если честно, не сторонница этого "мыла", но есть два сериала, которые действительно мне по душе: "Менты" и "Участок". В "Ментах", конечно, есть надуманные и не совсем правдивые эпизоды, но, с другой стороны, обычному зрителю это не так уж важно. Главное, что правдиво показана будничная сторона жизни работников органов внутренних дел. То, что эти люди порой жертвуют своими семьями, отдавая себя работе. Подобные фильмы поднимают престиж, вызывают уважение к профессии. В "Участке" несколько иная специфика, деревенская. Способы и методы, которые используются при раскрытии преступлений, другие, но все остальное неизменно. Милиция служит благим целям.

— Что в тебе изменил Университет?

— Думаю, что закалилась не только физически, но и духовно, стала выносливее во всех смыслах. Стала серьезнее, ответственнее, одним словом — повзрослела.

— На твоем факультете много девушки?

— Да, иногда даже кажется, что больше, чем ребят!

— Как ты думаешь, с чем это связано, неужели всему виной феминизм?

— Мне кажется, что феминизм тут ни при чем. Девчонки, поступая в МВД, никому не собираются с пеной у рта доказывать, что они ничем не хуже мужчин в этой профессии. Просто их привлекает дело, вот и все. Это работа для сильных людей, пол которых не важен.

Беседовала Антонина БУДАНОВА.

Если вы когда-нибудь поступали в вуз, вспомните вступительные экзамены.

Незнакомое место, новые лица: суровые у преподавателей и робкие у абитуриентов... Книжки под мышкой, шпаргалки в карманах, дрожь в коленках... Игра в рулетку с билетом, судорожное припоминание чего-то, ощущение судьбоносности момента... И два варианта развязки этой истории: ты либо бегаешь в обнимку со студенческим билетом, либо снова стоишь на жизненном перепутье.

Тем, кто не поступил, явно не позавидуешь. Год потерян, знания — в трубу, перед родителями стыдно, за себя обидно. Будущее туманно и тревожно. Первая мысль — с моста да в речку. Но главное, чтоб такая мысль стала первой и последней. Надо брать ноги в руки и принимать какое-нибудь решение. Можно пойти торговаться и так неучем и остаться. Можно попытаться штурмовать непокорное учебное заведение на следующий год. Можно потрясти кошелек и учиться платно. И еще много разных "может"... Что лучше — судить не берусь, но речь пойдет о последнем варианте.

Контрактное обучение не каждому абитуриенту по плечу. Точнее, по карману не всем родителям. Вузы требуют нешуточные деньги от тех, кому не хватило нескольких баллов на экзаменах. Но родители часто решают, что такие жертвы все же лучше потерянного времени и неустроенности. И выкладывают кругленьку сумму, лишь бы сынок/дочка были при деле.

Для некоторых понятие "контрактник" приравнивается к понятию "раздолбай" или еще хуже — "недоумок". Вот, мол, своим умом поступить не смог, только за деньги способен учиться. Тогда как объяснить тот факт, что среди контрактников много отлич-

Людмила ГРИГОРЬЕВА

Отличный контракт

ников, и способностей у них не меньше, чем у иных бюджетников? Неужели процесс поступления не больше, чем лотерея, и совсем не выявляет действительные знания? Или у платников больше стимулов хорошо учиться? Попробуем разобраться в этом с помощью примеров из жизни реальных героев и развенчать-таки образ "контрактника-раздолбая-недоумка".

ЛЕНА

Забавно посмотреть на лица тех, кто узнает, что Лена учится на контракте. Казалось бы, на всем факультете не найти более прилежной и увлеченной студентки. Рефераты и курсовые всегда на пять с плюсом, читальный зал — ее второй дом, со всеми самыми зверскими преподами — на короткой ноге. И, по ее словам, это не просто зурбека, а настоящее удовольствие от учебы. Даже выходные она проводит в центре изучения японского языка.

А между тем эта идеальная студентка не добрала один балл на вступительных экзаменах, и ее сочинение оценили как "стандартное и неграмотное". Это обстоятельство ей до сих пор не понятно, ведь сейчас ее работы все преподаватели расхваливают в один голос.

— В школе я всегда училась отлично, привыкла быть лучшей, может быть, сложился комплекс отличницы. Я не сомневалась, что поступлю, даже запасной вариант не предусмотрела. Но от результатов экзаменов — шок. Как сейчас помню: мама увидела оценки раньше меня, расплакалась и крикнула мне: "Не подходи, не смотри сюда!" Потом стала обвинять меня в выборе сложного вуза и ругать папу за то, что он меня не переубедил. Тогда в нашей семье был очень трудный период, родите-

ли хотели разводиться. Пока мама билась в истерике, папа успокоил меня и сказал, что оплатит контракт. Благо, родители у меня небедные и смогли себе это позволить. Сначала я училась отлично, чтобы доказать себе и другим, что я на многое способна и ничуть не хуже бюджетников. Кстати, при мне несколько девушек, учащихся бесплатно, не смогли вспомнить больше трех падежей русского языка! Безумно обидно, когда такие "умники" поступают, а ты нет! Но сейчас я успокоилась и учусь старательно, потому что мне это нравится, и по-другому я не могу. Ботан всегда останется ботаном.

Получается, что многие контрактники, на самом деле, толковые ребята, просто на экзаменах им не повезло. Или, действительно, привычка быть всегда лучшим, так называемый "перфекционизм", заставляет днями и ночами корпеть над учебниками. Это не плохо, если только не зацикливаешься на этом. Потому что известны случаи, когда люди бегали по сто раз пересдавать с четверки на пятерку. А потом слегали в больницу с нервным перенапряжением.

ВИКА

"Я не могу себе позволить учиться плохо. Я в долгую, прежде всего перед моими родителями, которые платят бешеные деньги не за то, чтобы я прогуливала лекции", — говорит Вика.

В ее зачетке тоже одни пятерки. Всегда готова к семинарам, к учебе подходит творчески, все время придумывает что-нибудь интересное и оригинальное. При поступлении не добрала полбалла: у нее просто не было школьной медали. Сначала ругала себя за плохую подготовку, но узнав, что многие поступили по блату, поняла, что просто

"не попала под расчет". О контракте сначала даже и мысли не было: ее родители далеко не миллионеры, к тому же у них трое детей. Но они поддержали дочь и сами настояли на платном обучении.

— Я до сих пор не знаю, как они достали деньги на первый взнос. Много взяли в долг, до сих пор расплачиваются. Мама умудряется работать на трех работах, папа тоже трудится в невероятном объеме. А еще ведь младшие сестрёнки растут... При этом родные никогда меня не попрекают, не ноют: "Иди работай". Я восхищаюсь ими, мне стыдно, что я тяну из них деньги. Но работать пока не иду, нельзя запускать учебу. Чувствую свой долг, ответственность перед ними. Думаю, если бы на бюджете, могла бы учиться хуже — не пришлось бы ни перед кем отчитываться.

Как видно, желание оправдать родительские надежды тоже может стимулировать контрактников в учебе. Ведь если родные люди вкладывают в тебя много денег и

сил, говорить им про хвости просто бессовестно.

НАСТА

Настя тоже учится на контракте почти отлично и говорит, что для нее принципиально ни в чем не уступать тем якобы способным студентам, которые поступили якобы сами.

— Я знаю, как многие попали в наш вуз. Одни даже не скрывают, кому и сколько дали. У других — родственники в Думе, на телевидении или еще в каком-нибудь тепленьком местечке. Они баловни судьбы, им было все равно, где бездельничать, учиться пошли по указанию родителей. Особенно меня раздражают те, которых отчисляют, потом восстанавливают, а они опять не появляются на факультете. Им не нужна учеба, а ведь на их места только претендентов! И среди таких лентяев больше бюджетников!

Почти все контрактники недолюбливают бюджетников, забивающих на учебу. Это можно понять: тяжело видеть, как люди не ценят то, что им достается даром, в то время как

Александра ЗОТОВА

Как же нам

Как это несправедливо: из трех летних месяцев один из-за сессии просто вычеркивается — и это при нашем-то климате, когда по полгода не выглядывает солнце! Посему предлагаю: пусть "от сессии до сессии живется весело" только нервничающим зубрилам, а всем остальным настоятельно рекомендую искать повод для веселья во время экзаменов. Тем более, что смех вырабатывает гормон счастья — эндорфин, полезный как для студентов, так и для преподавателей.

"Повысим посещаемость и углубим знания"

Был у нас экзаменатор — молоденький аспирант. На его экзамене моя одногруппница Лена надела скромную блузку на молнии. Во время ответа экзаменатору она положила руку на грудь и удивилась — с чего это на блузке появилось такое глубокое декольте. Оказалось, что молния попросту... расползлась, открыв все прелести. Попытка незаметно застегнуть блузку не увенчалась

другие платят за это. К тому же Насте вдвойне обидно: ей не хватило одного балла, со своими ошибками в экзаменационном сочинении она не согласна. Ходила на апелляцию, но оценку ей не подняли. Считает, что был "зашал". Сейчас она умудряется совмещать учебу с работой, помогает родителям платить за контракт.

— Это мое решение, родители никогда не требовали, чтоб я работала. Но я хочу быть независимой и не сидеть у них на шее. Сама виновата в том, что не поступила, сама это и исправлю.

Такую самоотверженность проявляют многие, но не всем удается одновременно полноценно учиться и работать.

Интересно получается: пока некоторые бюджетники обращают хвостами и доброй лекции предпочитают худой обед в факультетской столовой, иные контрактники перечитывают полбилиотеки и идут на красный диплом. А ведь платники еще и лишены такого мощного стимула, как стипендия! Где логика?

Как тогда прикажете доверять поступлению, которое вроде бы должно выявлять знания? На деле часто получается, что результаты экзаменов зависят больше от везения и стечения обстоятельств. Но это вовсе не значит, что те, кто поступил своими силами, сплошь лентяи и тугодумы.

Конечно, кто-то может обвинить меня в предвзятости, согласна, что в "семье не без урода", и среди такими горячо любимых контрактников есть редкостные прохиндеи, но их подавляющее меньшинство. Просто-напросто им уже нечего добиваться в этой жизни, за них уже все сделали родители, родственники, знакомые, да и Бог еще знает кто. Поэтому и относятся они к учебе не более как к отрыванию "номера".

Мораль. Не стоит предвзято относиться к студентам только потому, что они учатся за деньги. Способности и знания могут быть у человека независимо от формы его обучения. Одним словом, контрактники тоже студенты!

Не веселиться!

успехом, и Лена, краснея, вылетела из аудитории. В результате: экзамен она сдала на "хор", блузка висит в шкафу (видимо, ждет следующего экзамена), а аспирант при виде Лены смущается.

Да, кстати. В конце экзамена, строго глядя на Лену, аспирант досадливо сказал: "Честно говоря, я ожидал от вас большего..." Будучи от природы деликатным человеком, она решила не уточнять, что он имел в виду...

Другая студентка решила соблазнить экзаменатора сознательно. Кто-то выше на-

градил ее сногшибательной фигурой и такой же ленью. Знать не знала она математики, и знать не желала. Поэтому на экзамен она явилась в специальной "униформе" с роскошным вырезом из серии "я буду углублять знания по математике" и мини-юбкой новой модели "я обещаю повысить свою успеваемость". Абсолютно уверенная в своих силах, студентка пошла отвечать самой последней. Оставшись тет-а-тет с экзаменатором, она оперлась руками о стол, потянулась к нему и томно произнесла:

— Я ничего не знаю и очень хочу... (длинная пауза) хотя бы "три"...

Оробевший педагог с трудом пришел в себя от такого натиска. Поставить "удовл" он согласился при условии, что "сногсшибательница" выучит хотя бы одну тему и расскажет ее на пересдаче. Закрыв сессию, девушка забрала документы из института и ушла в декретный отпуск. Остается надеяться, что на момент "экзамена" студентка была уже в положении.

Студенческие перлы

Экзаменатор: Где, по-вашему, в этой комнате находится модульный концентра-

— А как пишется "Цицерон"?

У студентки медленно сползла улыбка, и она озадаченно уставилась на экзаменатора.

— Ну... Си-си-рон...

Тишина.

— Се-си-рон...

Тишина.

— Це-се-рон?..

Проблема в том, что по-итальянски имя великого оратора пишется так — Marcus Tullius Cicero. На русский язык его имя переводится как "Цицерон". Видимо, девушка сдала скачанный реферат, даже не прочитав заголовок. А также не прочитав учебник, чужие конспекты и не послушав лекции. Но самое забавное, студентка так и не угадала

тор? — Длительная пауза. — А где здесь больше всего проводов? (Примечание: экзамен проходил в компьютерном классе, где все машины были соединены локальной сетью; модульный концентратор — это своего рода "командир" локальной сети.)

Она (озираясь): Да их тут везде хватает.

Экзаменатор (начинает свирепеть): У вас зрение хорошее?..

Она (искренне, как ребенок): Нет!

Экзаменатор (стоя на расстоянии вытянутой руки): Меня, я надеюсь, вы видите?

Она: Ну, вас я вижу!

Экзаменатор: А вон тот белый шкафчик с проводами вы видите?

Она (обрадовавшись): А! Так вот ты какой, северный олень!

Пересдача. Тема экзамена — ораторы Древней Греции. Девушка благополучно пересказала свежесписанные ответы. Преподавательница безразлично ее выслушала, полистала ее реферат, посвященный Цицерону, и, не глядя на студентку, задушевным голосом спросила:

руссское правописание имени. Экзаменатор снисходительно посмотрела на горе-студентку после ее десятиминутных гаданий ("Се-це-рон или Це-ци-рон?"):

— "Три", надеюсь, вас устроит?

Медицинское училище. Предмет — сестринское дело. Следующие перлы выдали разные студентки на одном экзамене:

— Старшая медсестра — это та медсестра, которая работает под врачом.

— Бактерии размножаются половым путем. (На самом деле, они размножаются делением.)

— Рвотные массы (извините, это медицина!) оставляют на пробу врачу. (В оригинале их оставляют на анализ врачу.)

Хоттабыч с нашего курса

Пример настоящей мужской дружбы. Два друга сдают экзамен. Для одного — это последний экзамен для закрытия сессии, для другого (он предпочитает, когда его зовут Барсуком) — последний шанс остаться в институте.

Экзамен. Все готовятся к ответу. Барску кидают "бомбу", но она не долетает до места назначения. Преподаватель, ясное дело, все замечает и вежливо просит адресата шпоры покинуть аудиторию вместе с зачеткой. Все, шанс упущен, прощай, родные стены! Тут неожиданно встает его сознательный друг и заявляет: "Извините, но эта шпаргалка предназначалась мне, она просто не долетела". Преподаватель, разумеется, не поверил, но упрямый студент настоял на своем. Итог: друга отправили на пересдачу, а Барсук остался-таки в институте — ему передали другую шпаргалку.

Этот случай произошел все с тем же Барсуком. К этой сессии он успел отрастить себе небольшую бородку, которой очень гордил-

ладателем "удачной" бороды, решил не рисковать и тоже обзавелся выдраным волоском. После этого экзамена бороду, вернее, ее остатки пришлось сбрить.

Халява, сэр!

Студент исправно посещал лекции, но по семейным обстоятельствам подготовиться самостоятельно к экзамену не успевал. И преподаватель по доброте душевной предложил помочь — все равно в качестве экзаменатора выступать будет не он. Лектор честно поработал со студентом — пришел в общежитие часа в четыре вечера и за пять минут до полуночи удалился. Ровно в пол-

ся. Очередной экзамен начался плохо: все отличники выходят с "неудами". Видя это, оставшиеся студенты наотрез отказываются заходить в аудиторию. Экзаменатор посидел минут десять в гордом одиночестве, потом вышел в коридор и высказал студентам все, что о них думает. После чего нашелся один студент, согласный на любую оценку. Но, уходя "в бой", он подошел к Барсuku, и... выдернул у него из бороды волосок. Пострадавшему он спокойно ответил: "На удачу". Через пять минут на глазах у всей группы (20-25 человек) парень выходит с пятеркой! Тут же заходит к экзаменатору еще один одногруппник — после прореживания бороды Барсuka, конечно. Выходит — с четверкой. Через несколько секунд все двадцать человек рванули к бедному бородатому Барсуку. Причем некоторые вырывали по два раза — ну, если с первого раза не получалось. Загадка, но факт: каждый, кто участвовал в эпилляции бороды, получил не ниже тройки! Сам Барсук, уже, видимо, почти безбородый, получил заслуженную кровью и потом "хор". Правда, несмотря на то, что сам являлся об-

ночью преподаватель идет мимо общаги. И в этот момент из ее окон появляются руки с зачетками и округу облетает нестройный хор студенческих голосов — "Халява, ловись! Ловись, халява!!!". У несчастного преподавателя в горле встал от обиды за свою профессию — вот ведь, только что, полдня потратил на студента, чтобы подготовить, а они, неблагодарные... В приступе злости он закричал: "Готовиться надо, заразы!!!". Переутомленные студенты сочли это знаком свыше и немедленно позакрывали окна.

Экзамен в техническом вузе. Отвечают без подготовки, экзаменатор сам задает три любые вопросы. Преподаватель, как выяснилось позже, принадлежал к обществу яхтсменов. Отвечающий студент ничего не знает ни о предмете, ни о хобби своего экзаменатора.

Экзаменатор внимательно смотрит на парня, задает вопрос:

— Молодой человек... мне почему-то знакомо ваше лицо... Вы не работали в стройотряде?

— Да нет, вроде бы.
— А где я мог тогда вас видеть?
Тут уже студент начинает активно копаться в памяти.
— Ну... я строил столовую в яхт-клубе.
— О! Точно! Ну, вот! На два вопроса вы уже ответили. Остался третий!

Эту историю лучше читать накануне экзамена, как сказку на ночь. В одном техническом вузе жил да был злобный-злобный преподаватель. Все предыдущие поколения несчастных студентов отчаявались сдать его предмет (политология) с первого раза. По несколько раз в год бедные закидывали невод с зачеткой на передачу, да приходил невод с морской тиной... Ой, то есть с "недумом". Вот и снова пришла сессионная пора. И был его экзамен накануне какого-то праздника. Когда вся группа уселась в аудитории, окинули их взглядом экзаменатор и молвил слово:

— Кто хочет "удовл"?

И подняли руки больше половины студентов, не поверивших в собственное счастье.

— Ну, складывайте зачетки на краешек стола, поплюйте через левое плечо, да идите в коридор. Да не тужите ни о чем, а как сдаст вся группа, так и у вас будет оценочка.

Вышли "троечники" из аудитории. Скорее сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Снова окинул взором преподаватель оставшихся технарей и, улыбнувшись хитро, молвил слово:

— Ну, кто хочет "хор"?

И подняли руки оробевшие студенты, сложили зачетки и вышли вон.

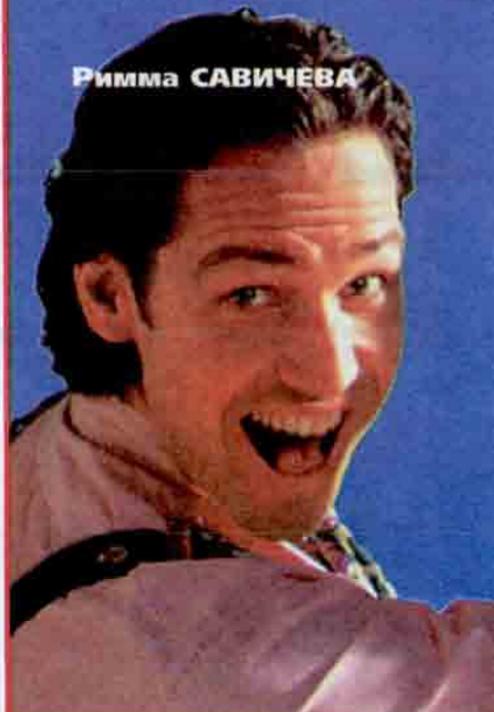
Осталось в кабинете всего два студента, не пожелавшие ни тройки, ни четверки.

— А вы, что? Аль уходить не хотите, аль на "пятерку" дерзть смеете?! Ладно, если у вас хватило смелости остаться здесь, значит, действительно все знаете на "отлично".

И поставил оставшимся трясущимся студентам их заслуженные пятерки.

Это, между прочим, совершенно реальный случай. Поэтому желаю всем сохранять чувство юмора во время сессии! Ни Пуха, как говорится, ни Пятачка!

Римма САВИЧЕВА

Будущее

Какое из этих двух высказываний вы примените к себе? Если первое, то вам можно позавидовать: вы уверенный в себе человек, если в вашей жизни случаются удачи и позитивные события, то, вероятно, вы ставите это в заслугу себе. Если же считаете, что хорошее событие — случайность, а неудачи — именно то, что должно было с вами произойти, то самооценка у вас занижена, и вы не верите в собственные силы.

"Подруга пригласила меня к себе на дачу отметить ее день рождения, — делится своими проблемами Оксана. — Естественно, кроме меня, она позвала и других своих товарищ, многие из которых были мне мало знакомы или не знакомы вовсе. На вечеринке, как мне казалось, все вели себя вполне раскованно, смеялись, разговаривали друг с другом. Я тоже старалась принимать участие в общем весельи, но постоянно нервничала и смущалась. Мне было страшно

"Я сам кузнец своего счастья и довольно независимый человек. В жизни все зависит только от меня, ведь люди обретают то уважение, которого заслуживают. Решения я принимаю быстро, без долгих сомнений, а чтобы воплотить в жизнь задуманное, у меня достаточно способностей и энергии. Я могу сказать, что в целом я контролирую свою судьбу".

"Во всем, что со мной случается, виноваты обстоятельства. Я отказываюсь от многое, поскольку обстоятельства сильнее меня. Часто мне кажется, что я утрачиваю контроль над событиями собственной жизни и плаву по течению. Власть в этом мире принадлежит нескольким людям, и я, простой человек, не в состоянии изменить этот порядок".

ЗАВИСИТ ОТ МЕНЯ!

оказаться вдруг в центре внимания, боялась сказать что-нибудь не то. На протяжении всего праздника преследовала мысль: "Что обо мне подумают другие?" К сожалению, со мной это случается не в первый раз... Да и друзей у меня не так уж много, а все из-за того, что я вхожу в какой-то ступор при новых знакомствах". Оксана не одна, кто сталкивается с подобными трудностями. В процессе подготовки этого материала я, к своему удивлению, обнаружила, что многие молодые люди страдают от чувства неуверенности. И не только девушки. Оказывается, сильная половина человечества тоже испытывает сомнения в собственных силах.

Иgorю 22 года, он — начальник отдела по работе с клиентами в кадровом агентстве. Глядя на этого смелого и целеустремленного человека, никогда бы не подумала, что он страдал от чувства нерешительности. Но это было. "Еще совсем недавно я совершил

но тушевался в новой обстановке. На защите диплома, когда меня слушал весь преподавательский состав кафедры, мной овладело такое чувство скованности, что я чуть ли не стал заикаться, хотя дипломную работу сделал на совесть. На публике не мог ответить на элементарные вопросы, выполнить самые простые задания. Все это создавало множество проблем, и когда пришло время устраиваться на работу, я решил, что, видимо, нужно менять что-то в себе, а иначе — не смогу ничего добиться в жизни". Игорю это удалось. "Я понял, в чем заключалась моя ошибка, — говорит мой собеседник. — Раньше я всегда спрашивал себя: "Как я выгляжу со стороны? Как меня воспринимают мои друзья, знакомые, партнеры?" Знаешь, я боялся показаться неполноценным, боялся критики со стороны начальства. Зато когда я осознал для себя мои проблемы, то стал внутренне настраивать себя на определенное

поведение: не зависеть от чужих мнений и верить в собственные силы".

И Оксана, и Игорь, столь откровенно поделившиеся своими проблемами, на самом деле выразили страхи многих молодых людей. Все мы — "социальные животные", ежедневно сталкиваемся со множеством людей, мы сравниваем себя с ними, думаем, какое впечатление произведем на других, переживаем по поводу того, как наши успехи и неудачи повлияют на мнение о нас. Неуверенность в себе возникает в результате негативных оценок, так называемого "нарушенного образа себя", когда собственные достижения недооцениваются в сравнении с другими: моя подруга красивее, чем я, мой друг водит машину лучше меня, в группе я хуже всех разбираюсь в компьютерах... список можно продолжить. В результате, выходит так, что не уверенному в своих силах человеку легче думать о себе хорошо в том случае, если его позитивно оценивают окружающие. Но в действительности, по мнению психологов, для всех нас важно не то, что другие люди на самом деле думают про нас, а наше собственное представление об их мнении. "Когда все стали обсуждать новый фильм, мне тоже хотелось поделиться своими впечатлениями, но, казалось, что если я скажу что-нибудь, ребята подумают, что я глупая и не разделяю моего мнения", — этого боялась Оксана, отчего ее активность на празднике оставляла желать лучшего.

Уверенность в себе — это не врожденное качество, а черта характера, которую можно и нужно выработать. Чтобы перед дверью начальника (экзаменатора) не подкашивались ноги, а при встрече новой девушки (парня) не пересыхало во рту, нужно понять, что "жизнь — театр". Играя каждый день какие-то социальные роли — студента, товарища, покупателя, соседа и т. д., примейтесь на себя роль уверенного человека. В конце концов вам это понравится, и вы станете придерживаться тех взглядов, о которых говорите, как это произошло с Игорем. Добавляет уверенности внешний вид. Никто не отменял пословицы "Встречают по одежке". Поэтому одеваться лучше согласно об-

стоятельствам. Наверняка на экзамене чувствуете себя смелее, если на вас деловой костюм, а не спортивная форма.

Итак, настроив себя на решительные действия, и одевшись соответствующе случаю, необходимо научиться уверенно общаться с людьми, а это значит спонтанно и подлинно выражать в своих словах все, что чувствуешь, называть вещи своими именами. В процессе подготовки материала я наблюдала за своими друзьями, знакомыми, просто встречающимися людьми. Оказывается, о том, насколько человек уверен в своих силах, можно судить по нескольким его репликам. "Извините, пожалуйста, что я вынуждена побеспокоить вас, — слышу я виноватый голос девушки, обращенный к продавщице (та увлеченно красит ногти на рабочем месте). — Не могли бы вы показать вон ту сумочку с верхней полки?" Видимо, покупательнице придется изрядно собраться с духом, чтобы отказаться от предложенного товара, если тот ей не подходит.

Неуверенные в себе люди в случае угрозы собственному достоинству зачастую реагируют на подобную опасность тем, что унижают других, нередко проявляя при этом жестокость. В университете во время окна между парами мы готовились к очередному семинару. "Сделай двадцать пятое упражнение, а я потом у тебя его перепишу", — попросила Надя у Оли. "А зачем тебе двадцать пятое? Ведь нам его не задавали", — дружески поинтересовалась Люда. "Разберусь без тебя, что мне надо, а что — нет!" — услышала в ответ девушка. Не самые вежливые слова, согласитесь. Люди, уверенные в своих достоинствах, не торопятся занимать оборонительную позицию, они не злятся на критику и не спешат выносить категоричные суждения.

Все желания, чувства, просьбы, претензии и требования человек, позитивно оценивающий себя, высказывает в открытой форме от первого лица. Вспомните, как часто вы говорите "Я хочу!", "Я прошу!", "Я требую!", вместо абстрактного местоимения мы? Уверенный в себе не прячется за неопределеными формулировками типа: "Извини, что

опоздал. Меня подвели часы: отстают на пятнадцать минут".

Судить о том, насколько человек верит в себя, можно также и по тому, как он принимает комплименты в свой адрес. "Марина, какие симпатичные у тебя босоножки! Они так здорово смотрятся с твоим платьем", — совершенно честно я поделилась своим мнением с подругой. "Ой, да это же просто старье, которое мне отдала моя двоюродная сестра. Ей они малы, а вот мне в самый раз". У Марины заниженная самооценка, поэтому она не в состоянии принять даже абсолютно искренний комплимент, просто потому, что не знает, как реагировать на него.

Зато мой знакомый Максим своим поведением показал образец для подражания. Конечно, уверенный человек должен отстаивать свои интересы и не прощать несправедливого поведения по отношению к себе. Через Интернет-магазин Максим сделал заказ на цифровой фотоаппарат. Мой друг — дизайнер, фотоаппарат был нужен ему для работы, поэтому, по его словам, к такой технике предъявляются иные требования, нежели к камерам, использующимися при бытовой съемке. "Я очень тщательно выбирал себе модель, — рассказывает Максим. — Мне нужна возможность делать короткие видеозаписи, художественные фотографии,

снимать пейзажи. Я учел все: от числа мегапикселов матрицы и глубины цвета до памяти фотоаппарата". Максим оформил заказ на сайте. На следующий день ему привезли долгожданную покупку. "На первый взгляд, все было замечательно, но при ближайшем рассмотрении технических параметров фотоаппарата оказалось, что это не совсем та модель, какую я заказывал. То, что привезли, тоже было неплохой вещью, но я-то хотел другое!" Мой друг позвонил в магазин и потребовал, чтобы ему заменили покупку. "Мне назвали адрес и предложили приехать, чтобы устранить, как они выразились, "досадное недоразумение". Я же, в свою очередь, предложил им приехать ко мне, ведь на то я и делал покупки в Интернет-магазине, чтобы не бегать по городу в поисках нужной вещи!" Максим добился своего и теперь делает профессиональные снимки фотоаппаратом, о котором мечтал.

От того, в какой мере мы чувствуем уверенность в своих силах, зависят наше настроение, успехи и неудачи. Вдумайтесь, все успешные люди верят в свои собственные силы и считают, что могут контролировать неудачи. Альфред Данизель-Брюне сказал: "Неудачники верят в удачу, люди удачливые верят в себя". Думайте, что вы можете многоного добиться, и это действительно получится!

Уверенность в себе (тест Райдаса)

Чтобы выяснить, на сколько вы оцениваете собственные силы, пройдите этот тест. В нем предложено 30 утверждений, описывающих различные типы поведения. Вам нужно примерить эти утверждения к себе и указать степень вашего согласия или несогласия в баллах:

- 5 — очень характерно для меня, описание очень верное.
- 4 — довольно характерно для меня, скорее да, чем нет.
- 3 — отчасти характерно, отчасти не характерно.
- 2 — довольно не характерно для меня, скорее нет, чем да.
- 1 — совсем не характерно для меня, описание не верно.

1. Большинство людей, по-видимому, агрессивнее и увереннее в себе, чем я.
2. Я не решаюсь назначать свидания и принимать приглашения на свидания из-за своей застенчивости.
3. Когда подаваемая еда в кафе меня не удовлетворяет, я жалуюсь на это официанту.
4. Я избегаю задевать чувства других людей, даже если меня оскорбили.

5. Если продавцу стоило значительных усилий показать мне товар, который не совсем мне подходит, я затрудняюсь сказать ему "нет".
6. Когда меня просят что-либо сделать, я обязательно выясняю, зачем это.
7. Предпочитаю использовать сильные аргументы и доводы.
8. Стараюсь быть в числе первых, как и большинство людей.
9. Честно говоря, люди часто используют меня в своих интересах.
10. Получаю удовольствие от общения с незнакомыми людьми.
11. Я часто не знаю, что лучше сказать привлекательной(-ому) женщине (мужчине).
12. Испытываю нерешительность, когда нужно позвонить по телефону в учреждение.
13. Я предпочту обратиться с письменной просьбой принять меня на работу или зачислить на учебу, чем пройти через собеседование.
14. Стесняюсь возвратить покупку.
15. Если близкий и уважаемый родственник раздражает меня, я скорее скрою свои чувства, чем проявлю раздражение.
16. Избегаю задавать вопросы из страха показаться глупым.
17. В споре иногда боюсь, что буду волноваться и дрожать.
18. Если известный и уважаемый лектор выскажет точку зрения, которую я считаю неверной, я заставлю аудиторию выслушать и свою точку зрения.
19. Избегаю спорить и торговаться о цене.
20. Сделав что-нибудь важное и стоящее, стараюсь, чтобы об этом узнали другие.
21. Я откровенен и искренен в своих чувствах.
22. Если кто-то сплетничает обо мне, я стремлюсь поговорить об этом.
23. Мне часто трудно ответить "нет".
24. Я склонен сдерживать проявления своих эмоций, а не устраивать сцены.
25. Я жалуюсь на плохое обслуживание и беспорядок.
26. Когда мне делают комплимент, не знаю, что сказать в ответ.
27. Если в театре или на лекции мне мешают разговорами, я делаю замечание.
28. Тот, кто пытается пролезть в очереди впереди меня, получит отпор.
29. Я всегда высказываю свое мнение.
30. Иногда мне абсолютно нечего сказать.

Подсчитаем баллы:

- 30.1.** Определите сумму баллов для вопросов под номерами 3, 6, 7, 8, 10, 18, 20, 21, 22, 25, 27, 28, 29.
- 30.2.** Определите сумму баллов для вопросов под номерами 1, 2, 4, 5, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 19, 23, 24, 26, 30.
- 30.3.** Прибавьте к первой сумме число 72 и вычтите вторую сумму.

У вас получились результаты

- 0 — 24:** очень не уверен в себе;
- 25 — 48:** скорее не уверен, чем уверен;
- 49 — 72:** среднее значение уверенности;
- 73 — 96:** уверен в себе;
- 97 — 120:** слишком самоуверен.

Свинья, которая ничего не знает

Сегодня я расскажу о военной тайне, хранить которую всем военнослужащим предписывает всемогущий Устав. Даже в характеристиках солдатам пишут: "Военную и государственную тайну хранить умеет". Что же это такое?

Давайте рассуждать логически и возьмем для этого обычную войсковую часть. Что именно в ней может составлять военную тайну?

Место дислокации части. Допустим, противник действительно не должен знать, где находится та или иная часть, особенно если занимается она чем-нибудь особо важным, например, разведкой или созданием новейшего химического оружия. Но сразу же хочу задать вопрос — а как это скрыть? Разве можно держать в секрете место, куда каждое утро топает с автобусной остановки огромная толпа народу в форме и без? То же самое повторяется вечером, да и вообще вокруг любой части постоянно бродят солдаты, офицеры, ездят машины с военной символикой, в общем, кипит жизнь. К тому же часть всегда находится на балансе местной ТЭЦ, службы водопровода, канализации, почты, да всего и не перечислишь.

Место дислокации запасных командных пунктов (ЗКП). А вот это скрыть вообще проблематично. Уже хотя бы потому, что на ЗКП обычно располагается подсобное хозяйство, которое точно так же состоит на балансе местного совхоза, ТЭЦ и прочего.

Род войск. Ну, хорошо, место скрыть не получится. Но можно сохранить в секрете, чем занимаются люди на территории объекта, бетонный забор которого разрисовывают последние пять поколений местных подростков. Как? Учитывая, что на воротах обычно висит красиво нарисованная эмблема, да еще и написано (для тупых), например: "Вну-

тренние войска РФ". Вы скажете: но ведь можно и не писать. А форма? Точно такая же эмблема красуется на рукаве любого военнослужащего данной части. И, даже если офицерам и прaporщикам строго-настрого запретить выходить в форме за КПП, что прикажете делать с солдатами? Тоже в "гражданке" их выпускать в увольнение? Да и вообще, информация имеет досадное свойство просачиваться.

Был со мной один случай. Искала я в чужом городе магазин стройматериалов и забрела в район, весь состоящий из бетонных заборов с колючей проволокой поверху. Ни одного указателя, ни одной таблички, сплошь секретные объекты. Что делать? Смотрю, топает навстречу бабушка, маленькая, худенькая, прямо божий одуванчик. Спрашиваю:

— Простите, где тут магазин стройматериалов?

Божий одуванчик смотрит на меня взглядом бывалого аборигена и отвечает без запинки:

— Значит так, дойдешь до конца вот этого забора, свернешь направо иди прямо до секретной школы ФСБ, потом за складом отправляющих веществ перейди железную дорогу, и увидишь высокое кирпичное здание — это десантники. Встань к нему спиной иди метров 300 до связистов, а вот от их КПП магазин уже видно.

На меня напал восторженный столбняк, а бабка поспешила уточнить:

— Только это не те связисты, у которых антенна, а другие, обычные, там еще шлагбаум сломан.

Будь я вражеским диверсантом, ничего другого мне бы и спрашивать не понадобилось!

Количество военнослужащих части. Ну, в каком-нибудь отдаленном гарнизоне это еще можно засекретить, но как быть с частями, стоящими в окружении жилых домов? Что делать командиру, если весь плац виден, как на ладони, а каждый утренний развод с песнями (особенно по выходным) наблюдает и слушает, тихо матерясь, население двух-трех многоэтажек?

Истинное наименование войсковой части. Любой военнослужащий знает, что увой-

ской части есть два наименования: истинное и условное. Например: "25 отдельный полк химической защиты" и "в/ч 22222" — это одно и то же. Истинное наименование считается секретным. Почему — не знаю, ведь выяснить его можно у любого "дембеля", выходящего за ворота части, достаточно отнять у него дембельский альбом: там на какой-нибудь странице непременно (да еще и красивыми буквами) написана вся нужная информация.

Да и само командование тоже маху дает. Однажды в передаче "Служу Советскому Союзу" (а ведь времена были строгие!) я услышала: "...Третья танковая бригада была создана..." — то есть, прозвучало истинное наименование. И что? Война началась?

Кстати, есть такой журнал "Деньги", так там в одном из номеров вообще была опубликована карта Москвы и области, испещренная значками войсковых частей и их истинными наименованиями.

Фамилии и должности офицеров части. Это тоже считается секретным. А то вдруг враги похитят какого-нибудь офицера из командования и начнут выпытывать у него, что за новейшие боеголовки состоят сейчас у нас на вооружении? А офицер им что ответит? Правильно: "Я-то откуда знаю, в интернете посмотрите!"

Да и потом, зачем разводить канитель с похищениями, если можно просто прийти в отдел кадров под видом устройства на службу, а заодно и прочесть на дверях кабинетов все нужные сведения?

Количество единиц боевой техники. Да разве это тайна? Была бы тайна, не устраивали бы учений с выездом в поле. Заодно не показывали бы телепередач о технических новинках, не писали бы статей в военные журналы, а над территориями всех частей повесили бы сплошняком маскировочную сетку, чтобы с воздуха не было видно.

Вы возразите: но не вся же боевая техника выезжает на учения! Правильно, не вся. Только исправная.

Даты испытаний, учений, выездов. Тут сразу вспоминаются советские годы. Мой отец служил на Новой земле, в районе полигона для испытаний ядерного оружия. Вы

удивитесь, но там тоже есть местное население, правда, обитает оно далеко, а в ту пору для "оленеводов" (как их называли ракетчики) вообще существовала закрытая стокилометровая зона, за въезд в которую можно было угодить за решетку. О начале очередных испытаний им, конечно же, никто ничего не сообщал, но, странное дело, "оленеводы" по каким-то приметам всегда точно знали: "Завтра будут взрывать", загодя прятали скот и на всякий случай отсылали детей к бабушкам. То ли машин в такие дни много курсировало, то ли местные жители ЗАС-переговоры перехватывали, то ли шаман им предсказывал — никто этого не знал.

Содержание секретных переговоров, телеграмм, приказов. Казалось бы, узнать все это легче легкого, достаточно спросить (напугать, подкупить, похитить — на выбор) военнослужащего с воинского телеграфа. Это ошибка. "Мелкие сошки" делают свою работу автоматически и в тексты, которые передают, совершенно не вникают. Я сама видела солдата, который набирал секретную телеграмму на полном автопилоте, ухитряясь при этом меланхолически дремать. А начальники тем более ничего не знают, поскольку занимаются руководящей работой и текстов не читают.

Можно, конечно, пойти другим путем: привернуть к стенке должностное лицо, которое по долгу службы вплотную работает с секретной документацией. Но могу вас разочаровать. Если даже он что-то и помнит "без бумажки", то, скорее всего, урывками и очень смутно. А зачем все это запоминать, если можно в любой момент достать необходимый документ из сейфа?

Вы скажете: хорошо, а если кто-то заставит офицера вынести бумагу за пределы части? Отвечаю: не заставит. И дело тут не в тайне, а в том, что за каждый документ офицер расписывался в журнале "секретки", а потому панически боится его потерять и не сдать вовремя. За это ведь и "тринадцатой" лишить могут!

День зарплаты. Хранить эту дату в секрете заставляет хотя бы банальный страх ограбления. Но и тут ничего скрыть невозможно, достаточно заглянуть в ближайший к ча-

сти продовольственный магазин. Стоит толпа военных с радостно горящими глазами и сдержаным шепотом: "Ух, сейчас я тут все куплю!" — значит, счастливый день настал, получку дали.

Продолжать этот список можно до бесконечности. Естественно, военная тайна существует, не зря же раньше в частях (и не только) висели строгие плакаты "Не болтай!" Но знают ее лишь очень узкие специалисты, которым по должности положено владеть какой-то информацией. Обычные же военнослужащие не знают ничего.

Мой старый знакомый по имени Андрей, который служил срочную в "почтовом ящике" в центре Москвы, рассказывал:

"Там секретность была — жуть. Пропускной режим, на каждой двери кодовый замок, сотрудники все в гражданском, половина телефонов — ЗАС, даже карты на стене kleenкой завешивали от посторонних глаз. И вот это самое "Не болтай!" чуть ли не на каждом шагу висело. Мой шеф часто говорил: "Андрюша, что знают двое, то знает свинья!", и я почему-то думал, что "свиньи" — это такие же, как я, солдаты-срочники. Правда, сам я никаких тайн не знал. Откуда? Моя задача была приносить начальнику чай и булочки из буфета, мыть пол, вытирать мусорку, резать миллиметровую бумагу для каких-то чертежей и выполнять другие мелкие поручения.

Но однажды мне вдруг дали ответственное задание: перепечатать на машинке длинный список непонятных аббревиатур с цифрами. Сижу, мучаюсь, и тут заходит неизвестный мужик и спрашивает: "Сынок, а ты что это делаешь?" Я злой был, второй раз уже страницу переделывать приходилось, и мужик меня просто взбесил своим любопытством. Я ему и ответил: "Инструкцию пишу по пользованию туалетной бумагой". Он засмеялся и ушел, а вечером шеф меня похвалил: "Молодец, Андрюха, хорошо ты его отшил. Это ж был проверяющий, как раз по режиму секретности". Вот тогда-то я и понял, кого он называл свиньей".

Еще один мой знакомый, который все два года службы просидел на так называемой "ядерной кнопке", говорил мне, что,

даже если бы его поймали вражеские шпионы, он все равно не смог бы выдать им никаких секретов. В его обязанности входило сидеть возле вечно молчащего телефона с гербом, вместо диска, считать мух на потолке, а при учебной тревоге снимать трубку и бодро докладывать в гробовую тишину: "Готовность один!" И все.

Да далеко ходить не надо — я сама, прослужив больше года в армии, так и не смогла понять, какая же военная тайна скрывается за забором нашей части. Никто мне ничего об этом не говорил, а мои собственные обязанности можно пересказывать хоть первому встречному, подумаешь — киномеханик! Хотя нет, один секрет у нас все-таки был, но, скорее, не военный, а общечеловеческий: почему бег на километр как часть итоговой проверки мы сдаем в начале зимы? Ведь неудобно же по льду в тапочках бегать...

С военной тайной часто сталкиваются люди абсолютно гражданские. Например, моя подруга Ирина, которая работает продавцом в военном магазине на территории большой части. Она рассказывала, что однажды им завезли коробку новых шевронов. На вид вполне обычные, но, если приглядеться, можно заметить, что Российский флаг на них изображен неправильно. Должно быть — белый, синий, красный. А у них — синий, белый, красный. Подруга, как человек добросовестный, стала предупреждать каждого покупателя: "Смотрите, шевроны бракованые". И почти все ей ответили: "Значит, так надо, девушка!" А командр части, с которым она поделилась своими сомнениями, добавил: "Может быть, это специально сделано, а вы сразу — "бракованые". Не понимаете!" Ира пожала плечами и перестала всех предупреждать. Может, и правда, так надо было. Может, таким способом в части решили скрыть национальную принадлежность войск? Ведь сине-бело-красный — это, если не ошибаюсь, флаг Югославии.

Часто ссылками на пресловутую военную тайну наши офицеры маскируют собственное незнание ситуации. И нельзя их в этом упрекать, офицеры тоже люди, и им свойственны ошибки. Есть даже такой анекдот:

"В честь к ракетчикам должна приехать проверка. Солдаты носятся, все моют, красят. Одному поручили покрасить новейшую ядерную ракету. Стремяки, как водится, нет. Подумал солдат, взял ведро с краской и подбросил вверх. Ведро сверху на ракету наделось, краска стекла — ракета покрашена.

Приехал генерал, ходит, смотрит. Видит: ракета, а на ней ведро. Спрашивает солдата: "Это еще что такое?!" Солдат не растерялся: "Это фотонный ускоритель, товарищ генерал". Тот тоже не растерялся: "Вижу, что фотонный ускоритель! Но почему он не покрашен?"

А еще был случай на Тихоокеанском флоте, когда наши моряки выловили в море странный буй без опознавательных знаков и, конечно, втащили его на борт. Вся команда собралась смотреть на диковинку. Так как буй издавал какие-то сигналы, капитан решил, что эту штуку подбросили нам американцы со своими вражескими целями, а потому связался с базой и приказал запереть находку в пустующем трюме. Только через месяц, уже в порту приписки, выяснилось, что буй установили наши российские китобои, чтобы специфическими сигналами приводить животных в определенные районы. Пришло извиняться и возвращать похищенное.

Конечно, в специальных подразделениях, на закрытых топографических базах, в частях разведки, ВДВ, на военных аэродромах и в прочих подобных местах настоящей секретности хоть отбавляй. Как ни старайся, многие вещи останутся для тебя за семью печатями. Но являются ли эти сведения настоящей военной тайной? Не знаю. Как сказал мне (в шутку, конечно) один офицер: "Да продал бы я все секреты, но никто почтенно не покупает".

Так что, дорогие товарищи, если вы задумали пойти в армию, чтобы узнать военную тайну, зря потратите время. Да и зачем это вам нужно? Лучше приходите туда за острыми ощущениями. Уж чего-чего, а этого море...

Например...

Нет. Об этом я расскажу в одном из следующих номеров.

0

братный отсчет

Наш сегодняшний разговор о самом доступном и удобном способе подключения к "мировой паутине". Для этого понадобится совсем немного: мобильный телефон с GPRS и DATA кабель, ну и, конечно же, любой сотовый оператор, в зависимости от предпочтений, главное, чтобы он предоставлял услугу "Мобильный GPRS Internet". Помимо кабеля, можно использовать и другие варианты подключения телефона к компьютеру — это может быть инфракрасный порт (медленный и не всегда видится компьютером), Bluetooth (перспективно, но телефоны с подобной функцией стоят недешево, при этом придется еще покупать USB Блютуз адаптер для компьютера).

Who is Mr. GPRS?

В июле 2001 года компания "Вымпелком", более известная как BeeLine начала предоставлять, тогда еще только в Москве, услугу GPRS, или как ее еще называют — пакетная передача данных. Компания оказалась своего рода пилигримом в этом нелег-

ком деле. МТС и Мегафон тоже начали предоставлять подобную услугу, но "кто первый встал — того и тапки"... Первым пользователям почастливилось в течение нескольких месяцев бесплатно опробовать новый способ соединения с Internet'ом.

С улучшением качества связи ввели абонентскую плату, но просмотр страничек и заработка любой информации оставалась все так же бесплатной. Ситуация изменилась в последние года полтора, когда GPRS по качеству перестал уступать модемному соединению с Сетью. Помимо абонентки ввели плату за количество принятой и переданной информации, то есть за мегабайт.

Несбывшиеся надежды и реализованные мечты

У BeeLine, Megafon и MTS были большие планы на возможность корпоративного использования пакетной передачи данных, но из-за малых скоростей, периодически повишающего сервера и частых перегрузок на базовых станциях от большого количества же-

лающих узнать прогноз погоды в Internet'е — поддерживать качество связи на достойном уровне стало невозможным. В итоге — взвинченные цены вплоть до полутора долларов за мегабайт пришлось уменьшить в несколько раз и сделать упор на "простых смертных". С этого момента GPRS можно считать "народным" способом работы и развлечения в интернете.

10 Мегабайт в час

Сложно объективно оценить реальную скорость того или иного оператора, учитывая количество влияющих факторов — от загруженности сети до погодных условий. Но если судить по тестам и отзывам постоянных пользователей, то сложится следующая картина:

BeeLine — прилично, стабильно, надежно, недорого, в результате — на нем висит большинство.

MTS — на уровне, но дороговато.

Megafon — лучший по скорости, цены разные (в зависимости от времени суток). Число пользователей растет, как грибы после дождя.

Есть и другие операторы, допустим, SkyLink — скорости будут выше, чем у всех вместе взятых, но подключение к самой Сети стоит недешево.

Нельзя судить о производительности по оператору, так как на практике все оказыва-

ется либо лучше, либо хуже ожидаемого. По опыту, средняя скорость GPRS, вне зависимости от провайдера, может быть от 0 до 20 килобайт в секунду, и этого вполне достаточно для просмотра сайтов. С такими показателями за несколько минут можно спокойно скачать файл мегабайтного размера, а то и больше. Из этого вывод — работать можно.

А, может, всё-таки модем?

Чем же пакетная передача данных лучше или хуже модемного соединения? Если пользоваться умеренно, допустим, проверить почту, посмотреть несколько сайтов, в общем, не больше часа в день, то затраты — меньше или почти одинаковые. К примеру, если вы любитель ICQ, то за 5 часов общения вы заплатите от 10 до 25 центов, а ваш собеседник на Dial Up'е будет при этом платить до 50 центов за каждый час.

Другое немаловажное отличие — соединение с Сетью через GPRS происходит практически мгновенно — максимум 10 секунд, а модем... Таким образом, подключение напоминает выделенную линию. Обрывы связи настолько редки, что об этом вообще можно и не говорить. Еще один плюс пакетной передачи данных — не нужен стационарный телефон или ввод сетевого кабеля в квартиру, что позволяет отнести этот тип связи к беспроводной.

Мобильники с функцией GPRS стоят от 2000 тысяч рублей до бесконечности. Цены же на DATA кабели варьируются в зависимости от модели сотового. Допустим для Motorola C350, C380, C650 — он обойдется от 38 до 150 рублей, а для остальных же агрегатов дешевле 400 рублей вообще ничего не найти.

Как потратить свои деньги

Вам решать, как удобней оплачивать интернет, и какой способ тарификации лучше — по часам или мегабайтам. Кстати, деньги за пользование GPRS списываются с того же счета, что звонки и SMS. Удобство налицо, так как есть места пополнения баланса любой суммой. Получается — кинул чуток деньжат и дальше сидишь в сети. А оплата модемного соединения происходит только по карточкам, и минимальный платеж составляет 3 доллара, что выливается в 100 рублей.

Важное примечание!

Чтобы затраты на Internet оказались действительно небольшими и сказанное выше не оказалось пустым звуком, лучше пользоваться соответствующими программами, которые позволяют уменьшить трафик. Всем известный Explorer советую вообще забыть и начать осваивать Opera 7,5 и выше, Mozilla

или что-нибудь в этом роде. Подобные обозреватели работают немного по другому принципу и, чуть что, не пытаются сразу лезть в Сеть. Второе, что необходимо сделать — найти неплохой Proxy, брендмаэр или просто программу по урезанию трафика, которую следует прописать в настройках обозревателя, иначе толку не будет.

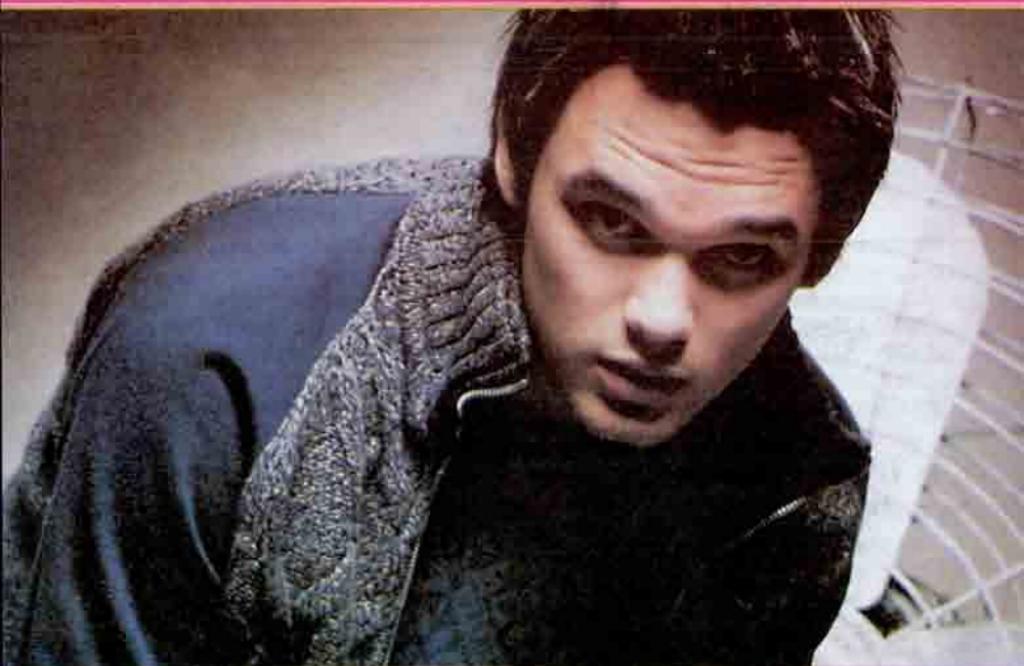
Почему это так важно — да потому, что на большинстве сайтов есть реклама, картинки, множество разных элементов, которые не видны и так далее и тому подобное — все это нужно убивать. Только так можно экономить и радоваться тому, что ваш сосед вторые сутки не может дозвониться до провайдера, а вы уже и реферат сделали, книжку прочитали, узнали курс валют, написали пару писем — и при деньгах остались.

Все хорошее кончается

Подведем итог и сделаем выводы. GPRS позволяет малыми средствами сделать себе полноценный интернет. Особенно этот способ хорош для тех, у кого дома нет телефона или тем, кто любит часто бывать на даче или в постоянных разъездах. При определенных условиях и умеренном использовании ресурсов мировой паутины вы ни в чем не проиграете. Просчитайте все за и против и претворите мечту в жизнь!

Просто КИР
podelak@rambler.ru

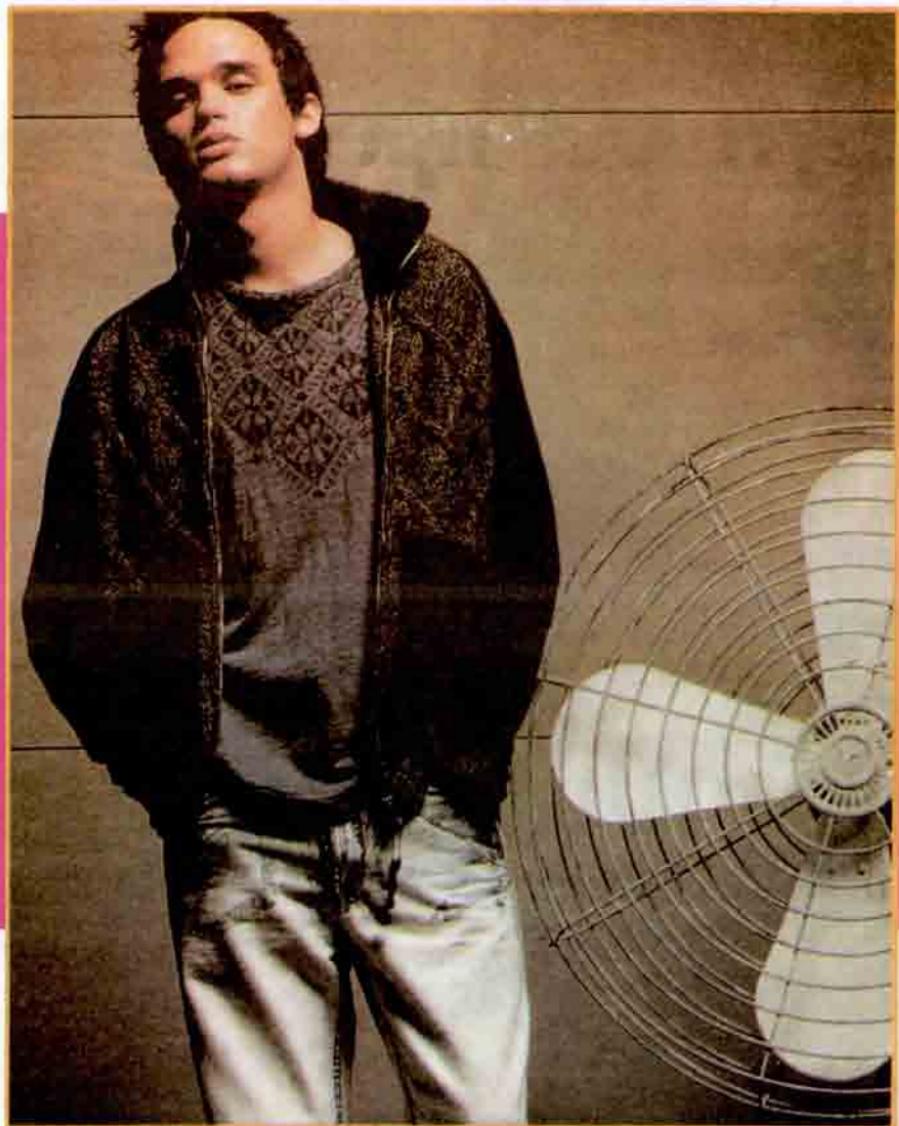
Путь без препятствий

Гарету Гейтсу — парню из Йоркшира, только что записавшему свой новый альбом, — всего двадцать лет. Он фанат тенниса, фильма "Гладиатор" и группы Westlife. В детстве пел в церковном хоре и подрабатывал моделью у местного купюрье. Сейчас он неприлично популярен, за что искренне благодарит английское телешоу "Pop Idol" (что-то вроде нашего "Народного артиста"). Три года назад юноша с грустным взглядом оказался в числе финалистов и теперь по радио весь мир регулярно слушает его два главных хита — "Spirit In The Sky" и "Sunshine". Когда Гарета спросили, что он испытывал, войдя в последнюю десятку финалистов, он ответил:

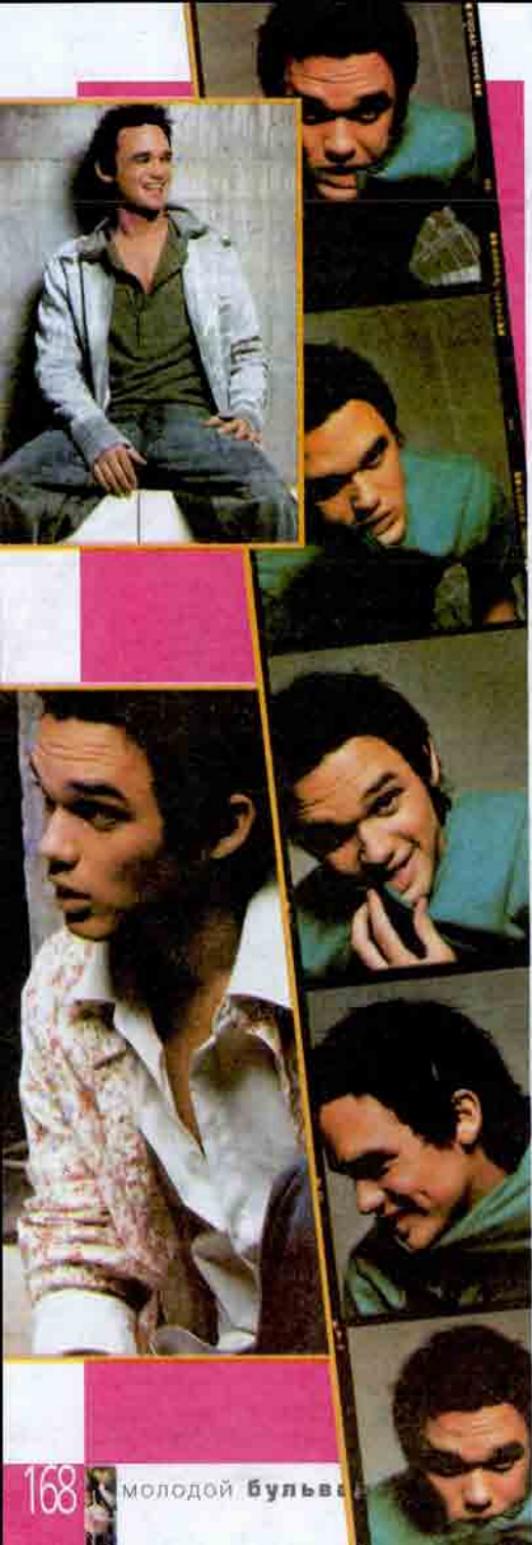
"Я был ошеломлён, узнав, что за меня проголосовало шестьдесят два процента телезрителей, и подумал "не может быть!" Но ноги подкашивались от волнения и счастья".

Хотя юноша и не стал победителем конкурса, а занял только второе место, именно на него обратили особое внимание. Британские СМИ отзываются о нем так: "Гарет родился звездой. У него ангельский голос, он естественно выглядит перед камерой, а его модельная внешность — мечта любого фотографа. У него чистые карие глаза, обезоруживающая улыбка. С их помощью он стал настоящей иконой для людей всех возрастов".

Но настоящая популярность нахлынула на Гарета, как волна цунами, сразу же, как он выпустил свой первый сингл, кавер-версию знаменитой песенки "Unchained Melody". Он тут же оказался на первом месте национального чарта, и был признан самым юным исполнителем Британии, которому удалось занять вершины хит-парадов на самый дли-

тельный срок за всю историю их существования. Только за одну неделю продали восемьсот пятьдесят тысяч его синглов. Кроме того, за исполнение этого популярного трека он получил награду "Запись Года" (Record Of The Year). Сейчас у певца уже два альбома — второй — "Go Your Own Way", по мнению слушателей, еще лучше первого ("What

My Heart Wants to Say"). В оценке творчества признанного во всем мире Гарета Гейтса отличились лишь российские музыкальные критики. Они со всей категоричностью заявили, что пластинки кумира молодежи мало чем отличаются друг от друга. И что это отголоски слизливых, бойз-бандовых песен-плясок, трогательных сентиментальных баллад и стандартный набор попсовых ходов, напоминающих звуковые дорожки к рекламным роликам какого-нибудь шоколада или пепси-колы. Но кто бы что ни говорил, семнадцатилетний Гарет обошел многих конкурентов на крутом вираже и стал очередным национальным героем. Он получил титул "Принц романтики". Правда, на одном из конкурсов главным поп-идолом признали другого юношу по имени Уилл Янг, проторчавшего на вершине хит-парада без малого три недели со своим дебютным синглом "Anything Is Possible". Как ни странно, но соперничества между двумя молодыми музыкантами нет, и никогда не было. Вот как Гейтс отзывается о Янге: "Он удивительный. У нас нет соперничества между собой. Когда "Pop-Idol" закончился, мы отправились в разные страны снимать наше видео, я скучал по нему". "Мы очень близки, потому что приобрели одинаковый жизненный опыт. Он заслужил быть поп-идолом. Я счастлив за него". "Сразу же после конкурса мы вместе записали песню под названием "The Long And Winding Road".

У Гарета большое преимущество перед конкурентами. Он оказался моложе Уилла, и моложе даже Крэйга Дэвида, который до окончания "Pop Idol" удерживал пальму первенства в категории "Самый молодой из самых успешных". Его композиция "Fill Me" стала номером один в Британии, когда Крэйг было всего девятнадцать лет.

Однако для того, чтобы Гарет не раслаблялся, хитрые британцы уже успели добавить в его карьеру ложку дегтя, присудив ему в прошлом году две позорные премии на музыкальном конкурсе Anti-Brit Awards, в номинации "Худший британский исполнитель" и "Худший британский сингл". Но нашего героя эти мелкие издевки лишь раззадорили и придали энергию для дальнейшей работы.

Судя по отношению к своим фанатам, звездной болезнью Гарет пока не страдает. Многочисленным поклонницам он уделяет максимум внимания, постоянно оставляя для них сообщения на сайте и в форумах. Вот, например, одно из последних: "Всем привет, здесь Гарет. Я только хотел поблагодарить вас за поддержку. Берегите себя и увидимся очень, очень скоро. Люблю вас всех. Гарет".

Согласитесь, не каждый из популярных и вечно занятых артистов будет тратить свое время на писульки в фанатских форумах. Единственное, что пугает певца в поклонницах — это: "Когда девочки просят оставить автограф на их груди. Я безумно стесняюсь. Обычно тут же убегаю", — шутя говорит Гарет в одном из своих интервью.

Специально для российских поклонниц и читателей "Молодого бульвара" Гарет тоже ответил на несколько волнующих вопросов.

— Гарет, кто из известных личностей женского пола для тебя эталон красоты?

— Бритни Спирс.

— Твоя любимая актриса?

— Джулия Робертс. Все фильмы с ее участием я смотрел миллион раз. Мой самый любимый, наверное, "Ноттинг Хилл".

— Чьим талантом ты восхищаешься?

— Элвиса Пресли и Робби Уильямса.

— Сколько тебе было лет, когда ты первый раз поцеловался?

— Наверное, лет в двенадцать. Как сейчас помню, поцеловал девочку из соседней квартиры, несмотря на то, что она была значительно старше меня.

— Чего больше всего боишься?

— Летучих мышей.

— Гарет, не без "помощи" вездесущих журналистов всем стало известно о твоем детском недуге — заикании. Как тебе удалось побороть болезнь?

— Я общался со многими психологами и, если сказать образно, как бы поменял то направление, с помощью которого дышал, говорил и думал. После шести недель таких тренингов улучшения очевидны. Моя мама плакала, когда на "Pop-Idol" я услышала меня, говорящим без заикания.

— Как ты относишься к собственной известности?

— Иногда мне становится страшно. Представьте, вы идете по улице, например, гуляет с любимой собакой, и вдруг, вокруг вас начинает толпиться народ, хватать вас, требовать автографы. На последней неделе "Pop-Idol" я, во время посещения столичной радиостанции, люди пытались разорвать мою одежду на кусочки. Это привело меня в полный шок!

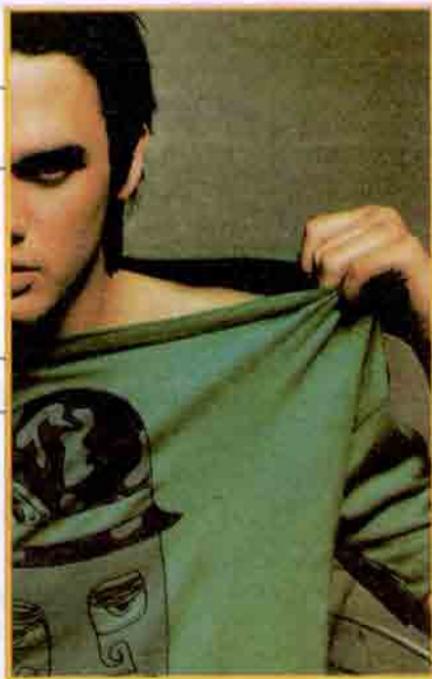
— Как ты расслабляешься?

— Слушаю классическую музыку. Если карьера поп-исполнителя рухнет, я, наверное, подамся в оперу.

— Твой девиз?

— Не позволять никаким преградам стоять на пути моих мечтаний.

Безграничный талант и смелость помогли Гарету победить болезнь (заикание) и завоевать сердца многомиллионной аудитории. Несомненно, и наших слушателей творчество этого исполнителя не оставит равнодушными. А его последний альбом, безусловно, станет одной из любимых музикальных новинок года! ■

Полина ТЕСЛЕР

Искусство наносить удары

Сущность фехтования блестяще определил Мольер: "Фехтование есть искусство наносить удары, не получая их. Оно чрезвычайно сложное и трудное, ибо к глазу, который видит и предупреждает, к рассудку, который обсуждает и решает, к руке, которая выполняет, необходимо прибавить точность и быстроту, чтобы дать надлежащую жизнь оружию".

История этого вида спорта уходит далеко в прошлое. Можно даже утверждать, что первобытный человек, впервые взявший в руки палку и нанесший ею удар, сам, того не сознавая, стал основоположником фехтования. Конечно, такие действия еще нельзя называть боевым, спортивным искусством, но логика подсказывает, что первые навыки фехтования человек получил уже в каменном веке, защищая от врагов себя и членов своего племени.

Со временем оружие совершенствовалось и, чтобы успешно применять его на охоте и в бою, приходилось подолгу тренироваться — ведь больше шансов выжить получал тот, кто лучше владел своим ору-

жием. В Японии и Китае было распространено обучение фехтованию на бамбуковых палках. А в Древнем Египте воины фехтовали на палках со специальной рукояткой, предохраняющей вооруженную руку. Судя по барельефу в храме Медине Абу (Верхний Египет), построенном Рамзесом III в 1190 году до нашей эры, соревнования по фехтованию начали проводиться примерно за четыре столетия до первых Олимпийских игр. У одного из бойцов, изображенных на барельефе, лицо прикрыто своеобразной "маской". Фехтование, как зрелищное искусство, получило широкое распространение и в Древней Греции, и в Римской империи.

В средние века фехтование занимались преимущественно представители аристократии феодальных княжеств и государств. Простой люд — горожане и крестьяне — фехтовали на палках, обитых железом, и на алебардах. Приблизительно в это же время в Германии была создана корпорация преподавателей фехтования, а в Англии — ассоциация фехтовальщиков.

фото Владимира Чайшилли

Что касается фехтования на просторах нашей Родины, то оно начало развиваться в середине девятнадцатого века в кадетских корпусах: юные кадеты дрались на шпагах, чтобы развить координацию, силу и ловкость. А в литературе увековечил и воспел этот вид спорта Александр Дюма. Кто из нас в детстве не зачитывался "Тремя мушкетерами"? Кто не замирал у телевизора, когда храбрый д'Артаньян не обнажал свою шпагу и не вступал в бой с гвардейцами кардинала Ришелье? "Пора-пора-порадуемся на своем веку красавице и кубку, СЧАСТЛИВОМУ КЛИНКУ" — пели мы вместе с красавцем Боярским, мечтая быть такими же ловкими и смелыми, как мушкетеры, научиться так же здорово владеть шпагой. В принципе, ничего невозможного в этом нет. Потому что в наши дни фехтование — достаточно популярный спорт для мужчин и женщин всех возрастов. Любой человек от восьми до восьмидесяти лет может принять участие в соревнованиях или заняться фехтovanием в оздоровительных целях. Ловкость, быстрота реакции, тактическое мышление — главные требования для фехтовальщика.

Со временем турниров в кадетских корпусах искусство фехтования развилось по трем дисциплинам: шпага, рапира и сабля. Шпага берет свое начало от колющеого оружия, наиболее популярного среди дуэлянтов восемнадцатого века. Основное правило при битве на шпагах таково: кто первый дотронется острием клинка до своего противника, тот и выиграет схватку. Рапира намного легче, чем шпага, поэтому раньше она использовалась только для обучения. Затем сформировались правила фехтования и судейства боев на рапирах, по которым мужчины и женщины соревнуются на рапирах в отдельных турнирах. Засчитываются только уколы, нанесенные в туловище. Уколы же в руки, ноги и маску являются недействительными.

Сабля — оружие, не только колющее, но и рубящее. Удары и уколы наносятся во все части тела фехтовальщика выше талии, включая руки и маску. Поражаемая поверхность тела закрыта металлической курткой, а лицо сетчатой маской.

В наше время бой между двумя фехтовальщиками с любым видом оружия прохо-

дит на специальной дорожке, шириной 1,5 метра, а длиной четырнадцать метров, сделанной из электропроводящего материала. Бой управляется и оценивается арбитром. Уколы и удары, нанесенные фехтовальщиками, регистрируются лампами на электрическом аппарате. Фиксируются они на основе электрической схемы, проходящей через

оружие фехтовальщика и его одежду. Арбитр оценивает схватку, основываясь на показаниях регистрирующего аппарата. Фехтовальная битва предполагает последовательность действий, выполненных участниками. Начинается она атакой и защитой с ответом и продолжается контратакой с контратвешением или повторным нападением. Перед началом боя арбитр проверяет оборудование фехтовальщика. Затем подает команду к началу и следит за действиями участников.

В программе Олимпийских игр фехтование занимает свое место с 1896 года. Тогда проходили личные соревнования мужчин на рапирах и саблях, а с 1900 в соревнованиях участвовали только профессионалы (маэстро). С 1912 года разыгрывается командное первенство на шпагах и саблях, с 1920 — на рапирах. В 1960 году впервые произошло командное первенство среди женщин.

На Олимпийских играх страна может быть представлена шестнадцатью фехтовальщиками (мужчинами и женщинами) и двумя запасными. Причем в каждом из личных турниров представлены трое спортсменов, в командных — четверо. Личные соревнования проводятся по смешанной системе, в предварительной части спортсмены распределяются по группам (6—7 человек), где

бои проводятся по принципу "каждый с каждым". Поединки ведутся до 5 уколов — ударов, продолжительность боя — 4 минуты. После первого тура спортсмены распределяются согласно своему рейтингу по количеству побед в туре прямого выбывания, в котором определяются победитель и призеры соревнований.

Соревнования в туре прямого выбывания ведутся до 15 уколов и могут состоять из трех боев продолжительностью 3 минуты каждый с двумя перерывами (по 1 минуте) после первого и второго боев.

Командные соревнования с 1994 года проводятся по принципу эстафеты, где каждый из трех участников команды в определенной последовательности проводит бои с каждым из соперников. Новый бой начинается со счета, с которым закончился предыдущий, продолжительность боя — 4 минуты. Для достижения победы в командной встрече необходимо нанести во всех боях 45 или больше уколов, чем команда соперника. Кстати, совсем недавно в Москве завершился турнир сильнейших фехтовальщиков России. Успешно выступил на этих соревновани-

ях петербургский рапирист призер Олимпийских игр в Афинах Юрий Молчан.

Безусловно, фехтовальщики обладают своей профессиональной лексикой. Не зная ее, трудно понять, что происходит на дорожке.

Батман — удар оружием по клинку противника с целью его как следует напугать.

Боевая стойка — положение фехтовальщика, отражающее его готовность к ведению поединка.

Владение соединением — быть защищенным от нападений.

Вызов — действие, побуждающее противника к применению определенного действия.

Гарда — металлический щиток выпуклой формы для защиты кисти от уколов.

Действительный укол — укол, отчетливо нанесенный в поражаемую поверхность.

Доктрина фехтовальщика — понятие, отражающее подход спортсмена к решению конкретных задач схватки, боя, соревнования.

Захват — силовое воздействие оружием на клинок противника.

Защита — отражение оружием оружия противника, совершающего атаку или контратаку.

Игра оружием — перемещение клинка, как при отсутствии, так и при контакте с оружием противника.

Исходное положение перед боем — положение фехтовальщика с вытянутым вперед оружием в одной руке и маской другой.

Маневрирование — перемещение по полю боя.

Маскировка — действие, отвлекающее противника от определенных намерений.

Обух — утолщенный край сабельного клинка. (Помните, "как обухом по голове"? Корни этой поговорки здесь.)

Отбив — отражение клинка противника, приближающегося к поражаемой поверхности.

Ответ — нападение, выполняемое непосредственно после защиты.

Показ уколы (удара) — угрожающее движение оружием в направлении поражаемой поверхности противника, имитирующее начальную фазу нападения.

Приемы маневрирования — шаги, крестовые шаги, скакки, бег.

Приемы нападения — выпад, шаг (скакок) и снова выпад.

Разведка — действие, применяемое с целью получения информации о противнике.

Салют — приветствие движением оружия.

Средства фехтования — действия, используемые фехтовальщиками в бою, а также технические приемы.

Техника — совокупность наиболее целесообразных приемов фехтовального боя, а также структура и другие параметры их выполнения.

Финт — угрожающее движение оружием, вызывающее у противника реагирование защитой.

С начала девяностых годов прошлого века в нашей стране появился новый вид спорта, можно сказать, для очень ограниченного круга людей. Это фехтование на историческом оружии. Любители подобного вида

спорта пытаются восстановить реалии давно минувших дней, в основном, средневековья. Они одеваются в костюмы того времени, приобретают или изготавливают соответствующие тем временем тарелки-ложки, палатки-шатры, доспехи, разыгрывают или переигрывают имевшие место когда-то исторические события, преимущественно войны, устраивают турниры и массовые побоища. Турниры проводятся по приблизительно одинаковым правилам. Дерутся в доспехах, прикрывающих все части тела. За каждое серьезное попадание в определенные зоны дается очко (за попадание в запрещенные зоны или "неправильный" удар — штраф, вплоть до дисквалификации), бой длится установленное время и побеждает набравший больше очков. Столы серьезные игрища проводятся обычно на свежем воздухе и в живописной местности. Однако, как вы сами прекрасно понимаете, это развлечение стоит больших денег и определенного навыка. Поэтому начинать лучше со спортивной секции, а летом где-нибудь на даче или у бабушки в деревне на зеленом лугу "пора-пора порадоваться на своем веку" и порадовать других своим мастерством и невероятно красивым зрелищем.

Выбирая одежду, мы обычно стараемся купить ту, что лучше всего скрывает наши недостатки. С купальниками этот номер не пройдет. Ведь они практически ничего не скрывают, а, наоборот, все демонстрируют. Какой же купальник выбрать? Где найти то золотое сечение, которое подчеркнет достоинства и скроет недостатки фигуры. Что носить, когда модно почти все?! На эти вопросы вам поможет ответить "Молодой бульвар".

Валерия ВИЛЕНЧИК

Главный
наряд
лета

A full-page photograph of a woman from the waist up, wearing a two-piece bikini with a prominent leopard print pattern. She is standing on a sandy beach, leaning forward with her left hand resting on her hip and her right arm extended downwards. The background shows a bright, sandy beach meeting a clear blue sky.

Нет нужды доказывать, что лето — пора отпусков. И где бы вы ни собирались провести свой отдых, вы обязательно прихватите с собой купальник. Основное требование, которое предъявляют к нему современные девушки — это соответствие модным тенденциям. Времена, конечно, настали сложные. Лет пятнадцать назад можно было точно сказать, что модно в этом сезоне, правда, все и ходили в одном и том же. Зато сейчас есть шанс носить тот фасон и ту расцветку, которые вам действительно идут, ведь выбор просто огромен. Даже если вы к лету так и не успели похудеть, это еще не повод обрасти всяческими комплексами и не думать о новом купальнике. Обернитесь в парео, и пусть остальные только догадываются о том, что он скрывает....

Пляжная мода-2005 сочетает в себе элегантность с дерзостью и свежесть с классикой. На подиуме царят веселые тона: разноцветные полосы, цветы, кольца, округлые формы. Для новых коллекций характерны элементыекси-стиля восьмидесятых — глубокие вырезы на бедрах, доходящие до талии, узкие "символические" полоски ткани. Популярны изображения птиц, экзотических фруктов и растительных мотивов. Многочисленный оранжевый, розовый и зеленый — символизируют надежду на лучшее, радость и счастье.

Осталась в прошлом мода на сильно закрытые купальные костюмы. Пришла твердая убежденность: чем купальника меньше, тем лучше.

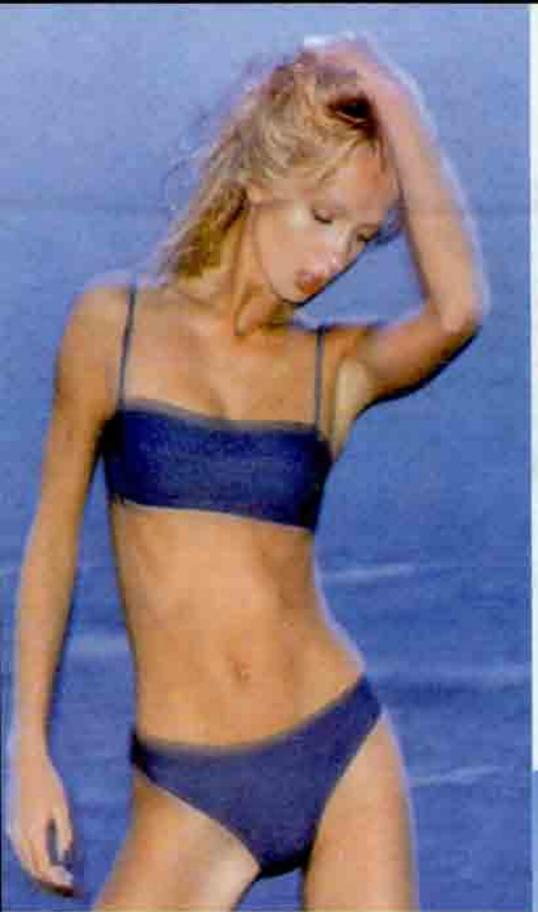
Очень стильно сочетать детали и фактуру купальника с яркими морскими аксессуарами. Существует и масса других вариантов:

- Бикини и парео, отделанные бисером, плюс колье и браслет из монет, камней и бисера, на ногах кожаные шлепки.

- Бикини под леопарда плюс большое ожерелье из ракушек.

- Купальник с сетчатыми вставками плюс бусы из дерева.

- Бикини с восточным орнаментом плюс бусы из камней под бирюзу.

— Бикини с металлическими кольцами плюс пояс из бисера.

В общем, в этом сезоне необходимо составить комплексный пляжный гардероб. Сюда может входить парео или пляжный прозрачный халатик, шляпка, панамка или кепка с длинным козырьком. Сабо или вьетнамки, прозрачные большие сумки и, конечно же, как вы уже поняли, прекрасные украшения.

Вновь в фаворе вязаные купальники. Как правило, они раздельные. Но выбор формы топа остается за вами. Он может завязываться на шее, с чашечками в форме лепестков. Или завязываться на спине, и быть в форме "треугольников". Трусики вы так же можете связать по последней моде шортами, или стрингами. Все зависит от фантазии. Только стоит обратить пристальное внимание на пряжу, из которой вяжете купальник. Не каж-

дый ее вид достойно поведет себя в воде. Она не должна быть слишком тяжелой, в противном случае, купальник начнет "отвисать". А после второго заплыва вообще может растянуться. Пряжа также не должна слишком долго сохнуть. Вам не доставит удовольствие провести целый день на пляже в сыром состоянии. Так что лучше взять смесь натуральных ниток с полиэстером или акрилом. И помните, вовсе не имеет значения, что именно вы связываете, ведь авторский экземпляр всегда от-купор, то есть в единственном числе. Вы сами создаете для себя неповторимую модель, как настоящий модельер.

Когда многим окончательно надоели экзекуции, связанные с эпиляцией, они убедили себя, что купальник с трусиками-шортиками выглядит вполне оригинально и привлекательно. Самое интересное, что к этому выведу пришли и многие модельеры. И уже никого не останавливает тот факт, что эта форма "не удлиняет ногу".

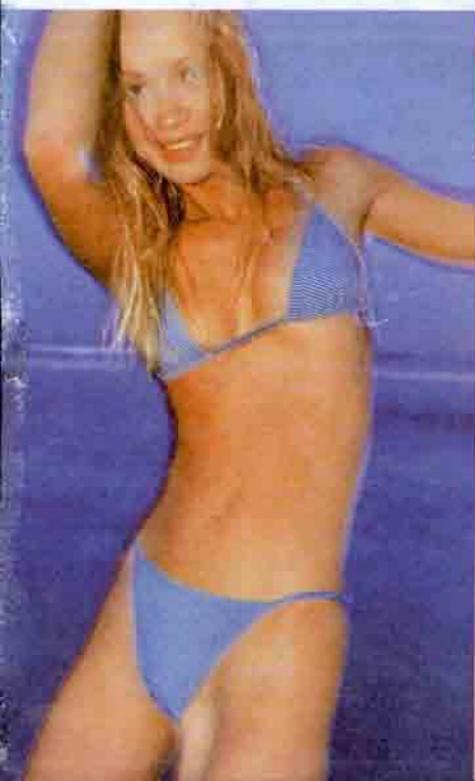
Что касается лифа — вот тут стоит поразмышлять, что вам больше пойдет. Уверены в

идеальности собственных форм — обтяните себя эластичной тканью, принимающей форму тела. Хотите обмануть окружающих — отдайте предпочтение "чашечкам" push-up.

Материалы почти для всех купальников — это сочетание полиамида, лайкры и эластана. Можно найти, конечно, и хлопок с лайкрой, в нем тело лучше дышит. Но самый хороший вариант — это содержание в составе ткани так называемых "мериловых" волокон. Они прекрасно держат форму и пропускают воздух. Очень редко, но встречаются купальники из материала, который пропускает солнечные лучи. Правда, крайне трудно встретить такой купальник приличной расцветки, хотя сама идея вдохновит, наверное, многих.

Но это все мелочи, по сравнению с теми разработками, которыми последнее время поражают изготовители спортивных купальников. Одна английская марка славится серией быстрых костюмов для плавания: специальный материал улучшает обтекаемость тела и увеличивает скорость! Другая разработ-

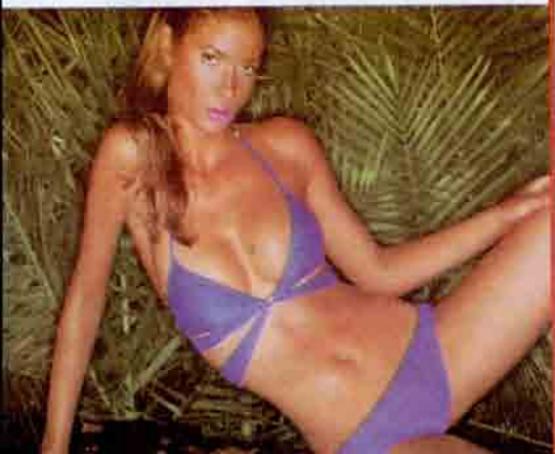
ка этой же фирмы: одежда, выполненная из ткани с повышенной стойкостью к воздействиям хлорированной или соленой воды. Эта фирма популярна и своими белыми, но не просвечивающими при намокании купальниками, и множеством моделей, корректирующих фигуру, и превращающих вас в Афродиту, вышедшую из морской лены. Конечно, фирма не могла обойти вниманием и беременных. Купальники для них все больше напоминают красивые летние наряды. Благодаря особым материалам и изящным сборкам, купальники не стесняют движений, но при этом обеспечивают великолепную поддержку, что избавляет от любого дискомфорта.

Оттенки голубого, розового, сиреневого в сочетании с цветочной набивкой сделают молодых будущих мам еще более трогательными и прекрасными.

теле

Безусловно, в этом сезоне купальник претендует на многое. Соединяя яркие цвета, всевозможные отделки, изысканные рисунки, словно взятые с полотен знаменитых мастеров, купальник становится основным нарядом вашего летнего гардероба. Приятного вам отпуска и хорошей погоды!

Любопытно бывает иногда послушать, как люди, близкие телевизионной кухне, говорят о своих детишках и проектах. Недавно мне на глаза попалось высказывание одного из тех, которые делают программу "Золотой граммофон". "Это самое профессиональное телевизионное шоу в нашей стране", — ничтоже сумняшеся заявляет нам этот наискромнейший человек. А, может, и правда? Да и действительно, что в сущности за трагедия, фонограммы на концерте перепутали... В результате, ни в чём особо не повинный Боря Моисеев стал всеобщим посмешищем. Представьте картинку: сидит полный зал, начинается музыка, выходит Борис, а из колонок вместо его томно-эротического баска несется чуть ли не фальцет... Затем вылетает исполнитель, чью фанеру и поставили Боре, но звукорежиссер был в тот вечер в ударе, — он уже успел поменять фанеры (пытаясь исправить свою же ошибку) и на зрителей понёсся голос Бориса Моисеева... который уже благополучно успел уйти со сцены, и теперь в роли шута оказался молодой певец... В общем, профессионально, нечего сказать.

Это было на съёмках, при монтаже казус, естественно, вырезали, и широкий зритель этот перл не увидел, а жаль.

Ещё они называют себя самым популярным, как модно сегодня, шоу, у них, мол, самые высокие рейтинги. Не спорю, рейтинг — дело такое, может, и самый высокий, вопрос только в том, а смотрят ли их при этом хоть кто-нибудь? Всех своих друзей и знакомых спрашивал:

— Ты смотришь "Золотой граммофон"? — Нет.

— А ты смотришь? — Тоже нет.

О б о р з е н и е

Клоуны общенародного масштаба

Никто не смотрит, зато рейтинг самый высокий.

Вы когда телевизор включаете, первым делом на что смотрите? Правильно, на ведущего. Что уж он там вещает — дело, в принципе, десятое, особенно в провинции. Там больше на костюм смотрят, на причёску, кто похудел, иль потолстел — не слушают, в общем. Почему? Да потому что не понимают ни чёта. А почему не понимают? Да как же они могут понять, если сам говорящий не в курсе того, о чём вещает?

А на "Золотом граммофоне" что за ведущий? До противности женственного вида, зализанный и вечно орущий до хрипоты Малахов и какая-нибудь полуфабрикантка. Идеальный дутё. одного невозможно слушать, на другую невозможно смотреть. Вроде бы всё, полный провал и дальше уже некуда, но нет, кому-то, видимо, нравится это нескончаемое позорище, и этот кто-то продолжает побираться присутствие господина Малахова в наших телевизорах. О жестокие люди! Разве вам не жалко миллионы бедных телезрителей? Ну разве справедливо, когда молодой альфонс нравится одному человеку, а миллионы ни в чём не повинных людей должны страдать от этого?

Ещё мне интересно, выходит ли господин Малахов на улицу, и что с ним делают те, кто узнаёт. Не знаю, может, конечно, и автографы просят... Интересно: Но, думается, не показывается он на глаза тем, кто, якобы, считает его популярным и знаменитым. Шутом, паяцем — это да, звездой — нет. Ведь до Чего дошло, над "Граммофоном" с его нетихим ведущим не издевается теперь разве что только ленивый. Конечно, с определённой толикой снисхождения это можно назвать известностью...

А позавчера я удачно встретил своего соседа по лестничной клетке Недовеса, барменеджера Гирькина, то есть. И очень у нас диалог занимательный получился.

— Слушай, Недовес, ты как думаешь, эту передачу кто-нибудь смотрит, эту музыку кто-нибудь слушает? Я, конечно, не верю, но там рейтинги всякие рисуют, по телефону голосует кто-то...

— Ты чего, с баобаба рухнул? Пораскинь умишком-то? В нашей стране когда наступает истинное признание артиста? Когда ему можно "народного" давать?

— Не знаю. Наверное, когда известным станет, пару-тройку лет на телеке помелькать...

— Дурак ты, непонятно, чему вас там, в институтах учат. У нас артист известным становится тогда, когда его диски пираты тиражировать начинают. А эти (нечензурное слово)? Одни лицензионные на полках пылятся.

— Ладно, с этим понятно, а как с голосующими быть?

— С кем?

— Ну теми, кто итерактивно голосует?

— А ничего, потому как нет их в природе. Ты много раз по телефону звонил, когда телек смотрел? Вот. А там, небось, ещё и звонок платный...

В общем, как серпом по одному месту, открыл глаза, так сказать. Большое человеческое спасибо.

Хочется задать вопрос, каким бы было российское телевидение без Андрея Малахова, без "Золотого граммофона"? Каким — не знаю, но было бы — в этом я уверен. И, думаю, не хуже, чем сейчас.

С любовью, ваш **Ник СИГАРИЩЕНКО**.

Евгения ГОРДИЕНКО

Он русский, это многое объясняет...

...Да кулебяку сделай на четыре угла. В один угол положи ты мне щеки осетра да вязигу, в другой запусти гречневой каши, да грибочек с лучком, да молок сладких, да мозгов, да еще чего знаешь там этакого..."

Классика

Прочитав цитату, вы уже представили себе взмыленную хозяйку, корпящую над чем-то квадратным, распихивающим по углам щеки осетра и чьи-то мозги? Забудьте! Успокойтесь, расслабьтесь, можете выпить водички. Все вовсе не так ужасно и сложно, как кажется. Но интересно. Ведь речь у нас пойдет о стариинном русском блюде — кулебяке. Вот где воплотилась истинно русская душа — тут вам и тесто, и мясо, и грибы, и рыба, и каши — раньше на Руси в кулебяку в качестве начинки клали то, что было в доме. Но блюдо считалось все-таки праздничным — чаще всего его пекли на свадьбу. Вот каждая хозяйка и стремилась сделать свою кулебяку поразнообразнее (да и перед соседкой похвалиться было охота: "А я-то кулебяку о семи углах сделала!"). Кстати, об этих самых

углах. Кулебяка — овальный пирог, запомни-те это! Если как следует покопаться в памя-ти, призвать на помощь Эвклида с Лобачев-ским, а также родственников, закончивших что-нибудь архитектурное, вы точно вспом-ните (или узнаете), что у овала углов быть не может, потому что не может быть никогда. А количество "углов" в кулебяке обозначало лишь количество начинок, чем их больше, тем вкуснее и богаче считался пирог. Называ-лись же они так потому, что их укладывали "горкой" одну на другую так, что на срезе получались "углы". У Гиляровского встречается упоминание о кулебяке "о двенадцати углах"! Ну это нам, занятым и ленивым, ни к чему, а вот приготовить не очень сложный вариант кулебяки под силу практически каж-дому, и наличие завистливой соседки вовсе не является обязательным. Равно как и по-вод в виде свадьбы.

Вообще, слово "кулебяка" — исконно русское и происходит, согласно Далю, от глагола "кулебячить", что означает "мять", "ме-сить". "Кулебячить" и в самом деле придется.

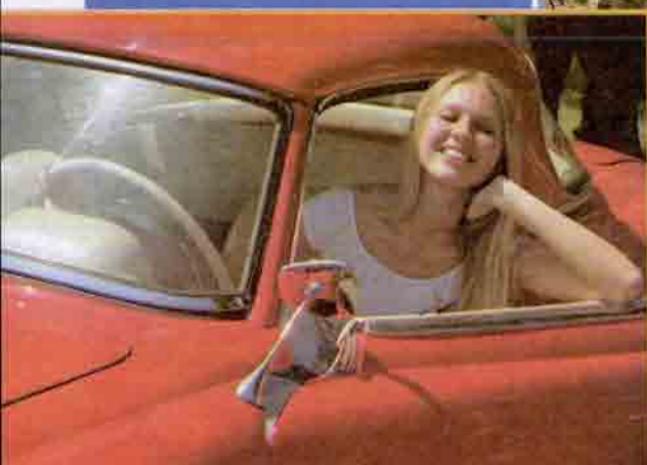
Ведь тесто, из которого делается кулебяка, само по себе не вырастет. То есть вырастет, потому что оно дрожжевое, но предварительно его надо замесить. Ага, вижу, многие тут же отложили рецепт, со страданием на лице сообщив: "Ну, дрожжевое тесто — это не для меня". Для вас, для вас, не отлынивайте, ничего сложного в его приготовлении нет. Просто надо его полюбить и оно полюбит вас, как бы банально это ни звучало. Чтобы замесить дрожжевое тесто, понадобятся дрожжи. Никто не удивлен? Тесто на IQ проходит с успехом! Дрожжи лучше брать свежие, потому что они поднимаются всегда, в отличие от сухих, которые могут себя повести так, как им вздумается. А в лотерею вы можете поиграть в другом месте и в другое время. Итак, дрожжей надо 50 граммов, их вы растворяете в 1,5 стакана теплого молока. Именно теплого, ни в коем случае не горячего, в горячем они потеряют все свои свойства и не сгодятся даже для самогонки (ее рецепт потом как-нибудь расскажу). Теперь всыпаете полкило муки и перемешиваете. Это опара. Ее нужно оставить в теплом месте где-то на час, чтобы она увеличилась в объеме в полтора-два раза. Только не ставьте ее на батарею или конфорку — все испортите, тесто решит, что вы его торопите и вообще подниматься не станет. Теперь, когда оно увеличилось, добавляете 2 столовые ложки сахара, 125 гр. растопленного сливочного масла, 5 желтоков, щепотку соли и полкило муки. Да помню я, что клали муку, но склероз еще не заработала, а мука кладется в опарное тесто дважды — по половине. Всего, стало быть, уйдет целый килограмм. Пропорции можно, конечно, уменьшить, но слово даю, пронюхав, что вы делаете кулебяку, к вам слетятся родственники, о которых вы даже и не подозреваете... Дрожжевое тесто советую месить руками, так лучше чувствуется консистенция, в конце оно должно быть гладким и отлипать от рук. Только месите его бережно, а то оно вас запомнит! А ему еще подходит. Около двух часов. Пока оно подходит, можно сходить в кино, почитать книжку или принять ванну. Занимайтесь чем угодно, но при одном условии — не топайте и не шумите рядом с тестом. Оно думает.

Решили поспать — дело ваше, но я бы пока занялась начинкой. Двенадцать углов Гильяровского нам вряд ли удастся осилить, поэтому предлагаю демократичный вариант, адаптированный к реалиям нашей суматошной жизни. Начинку будем делать из мяса с рисом. Сварим для этого грамм 700 говядины, пропустим ее через мясорубку, добавим два порубленных крутых яйца (как варить — рассказывать не буду, это главный кулинарный секрет), поджаренный лук (1-2 луковицы, как любите), 2 столовые ложки масла, соль, перец, петрушку и ваши любимые специи. Это есть половина начинки. То бишь один "угол". Для второго сварим 0,5 стакана риса, смешаем его с теми же двумя ложками масла и польем бульоном, оставшимся от варки мяса. Если есть время, фантазия и грибы, можете их поджарить (только грибы) и добавить к рису.

Если вы были вежливы с тестом, оно уже подошло. Еще раз месим его руками и делим на 2 не совсем равные части. Ту часть, которая поменьше, раскатываем в овал и укладываем на смазанный маслом противень, выкладываем начинку — сначала рисовую, потом — мясную. Плотненько утрамбовываем ее руками и накрываем второй частью теста. Она должна быть побольше, чтобы "обхватить" начинку. Если умеете, защипните края "косичкой", не умеете — не беда, просто склейте покрепче, чтобы сок не вытек. Теперь сделайте палочкой несколько отверстий на верхней части, чтобы лишняя жидкость выходила в виде пара. Если осталось тесто — выпеките какие-нибудь фигурки и разложите на кулебяке. Смажьте ваше произведение желтком — оно будет красиво блестеть. Все — в духовку, нагретую до 210 градусов. Примерно на час-полтора. Проверить можно, проткнув кулебяку зубочисткой — если она будет выходить сухой — готово.

Резать аккуратно — начинка может получиться рассыпчатой. А также небольшими кусочками. Гость, он такой — ему большой кусок отрежешь, он большой и съест.

Вот видите, как все просто, а вы говорили...

Жизнь в стиле ретро

фото Владимира Чайкини

Когда-то автомобиль был не роскошью, а средством передвижения, но это было давно. Сегодня это уже действительно роскошь. Автомобильную общественность трудно удивить даже последними моделями "феррари" и "мерседеса". Сейчас в моде различные футуристические новинки, концепт-кары, выставленные в немыслимых шоу-румах, напичканные под завязку различной электроникой, которая разве что автомобиль за человека не ведёт. Но всё это преходящее, и есть кое-что действительно ценное, не несущее налёта псевдофункциональности, пре-

красно обходящееся без всевозможных примочек, но от этого не менее любимое всеми — ретро. Профессионалы ценят в нём старину и сохранность, простые зрители наслаждаются красотой и изящностью линий. И мода на ретро-автомобили будет вечной, ибо к красоте равнодушным быть невозможно.

У них

В Европе и Америке ретро давно стало бизнесом. Автомобили продают и покупают, создают коллекции. На аукционах Сотбис и Кристис часто выставляют редчайшие лоты. До шестизначных цифр дело доходит редко, а

вот цена в несколько сот тысяч долларов — вполне обычное дело.

Ежегодно проходит несколько гонок, в которых участвуют исключительно ретро-автомобили. Пожалуй, самой престижной из них является гонка "Тысяча миль" по дорогам Италии. Это практически историческое мероприятие, потому что к соревнованиям допускаются только те модели автомобилей, которые принимали участие в гонках в 1927—1957 годах, когда между самыми быстрыми автомобилями того времени кипела нешуточная борьба за победу, похлеще, чем сейчас в "Формуле 1". Соответственно, и требования к участникам очень строгие: автомобиль должен быть отлично сохранившимся или безупречно отреставрированным, практически все узлы и агрегаты машины должны быть оригинальными или восстановленными по особой технологии. Есть и более демократичные соревнования — "2 тысячи километров" по дорогам Германии, или "1000 километров Нюрбургринга", куда допускаются практически любые автомобили до 1971 года выпуска. А, пожалуй, самым забавным соревнованием является ралли старинных автомобилей "Louis Vuitton Classic Lake Leman Tour", ежегодно проходящее в Швейцарии. На трассе длиной 180 км вокруг озера Леман со стартом и финишем в Женеве соревнуются между собой машины до 1903 года выпуска...

У нас

У нас же дальше показательных пробегов по центру города дело редко доходит. И носит сие мероприятие характер скорее практический, рекламу своей мастерской сделать, покупателя на свежеотреставрированный автомобиль найти и так далее.

В России ретро-движение активизировалось поздно, в конце прошлого века, точнее, еще в СССР. Тогда умельцы находили, реставрировали, чинили или иными способами доводили до

ума "Чайки", "Победы", "ЗИСы" и старенькие "Волги". Делалось это в собственном гараже, собственными же руками и при патологическом отсутствии каких бы то ни было запчастей. А вскоре, после определенных событий, началась мода на иностранный антиквариат. Появились фирмы, профессионально занимающиеся реставрацией. Да, именно реставрацией. Потому что у любого западного производителя можно заказать любую интересующую вас деталь практически к любой модели. Потому что там, в отличие от нашей страны, документацию на машины хранят без "срока давности" и не выбрасывают раз в 50 лет.

Если вы решили заняться реставрацией автомобилей, то необходимо учитывать, что сегодня в Москве и области ничего по-настоящему стоящего найти практически невозможно. Всё нашли уже до вас. И бесполезно обходить старые гаражи и прочие "рыбные места" в поисках антиквариата. Максимум на что вы можете рассчитывать — это "Чайка" последних годов выпуска, причём не в очень хорошем состоянии. Сейчас всё новое в нашем регионе по большей части привозное, из республик СНГ и из ближнего зарубежья, особо активны сейчас поляки. И если вы располагаете свободными 200—300 тысячами условных единиц, то можно смело обращаться в одну из специализированных фирм, и вам в обозримом будущем доставят откуда-нибудь из Казахстана советский лимузин 50-х, 60-х годов, на котором разъезжал в своё время местный князь из политбюро.

"Показуха"

Сегодня в Москве существует несколько крупных автоклубов, располагающих редкими автомобилями, которые они и показывают на различных выставках.

Так "Музей московского такси" может похвастаться первым советским автомобилем — ГАЗ-А, советскими лимузинами ГАЗ-12, ЗИС-110, ЗИС-101. Мало кто знает, что последняя модель, кроме того, что возила больших начальников, использовалась ещё и в качестве такси Москва — Симферополь.

Автомобильный клуб кабриолетов и родстеров показывает такие раритеты, как BMW DIXI DA-3, 1930 года выпуска, это едва ли не старейшее авто, хранящееся в нашей стране, Jaguar XK 120, этот кабриолет, выпущенный в 1949 году, мог развивать скорость, впечатляющую и поныне — 214 километров в час.

Московский спортивный клуб регулярно демонстрирует Buick-575 1938

года, редкий Mercedes 300s 1954 года и кабриолет Mercedes 300 sl, который достигал умопомрачительной для 1960 года скорости в 250 километров в час.

Музей "ГУП Мосгортранс" привозит несколько пассажирских автобусов, в разное время возивших москвичей. ЗИЛ-158, ЗИС-154 — все можно потрогать, забраться внутрь, покрутить барабанку, смахнуть бибикнуть в клаксон, посидеть на не в меру жёстких сиденьях, оценить, так сказать, понятие о комфорте "вчера и сегодня", подышать воздухом полувековой давности в конце концов. На одном из автобусов до сих пор красуется табличка с маршрутом "м. Сокол — Красногорск", трогательно, ей-богу.

И это далеко не полный список, есть ещё "Молотов гараж", "Реставрационно-технический центр "Каретный двор", "Игревой парк киноконцерна Мосфильм"... и многие, многие другие. И машин у них столько, что никакого места не хватит написать про все, и ни одна на другую не похожа. Хотя нет, в одном они похожи, они все на ходу, и добираются до различных салонов и выставок своим ходом, без помощи трейлеров. Хочется и продукции ВАЗа пожелать такой же крепости и живучести...

А что же зрители? А зрители в восторге, где бы ни проходил ретро-показ, на Тушинском ли аэродроме, на Престижной ли аллее в Лужниках или ещё где-нибудь — на отсутствие зрителей жаловаться не придётся. Только на последний "Ретро-стиль" пришли почти 15 тысяч человек, и это несмотря на жару и приличную цену билетов. Спросите, какова была реакция? Дети искрились счастьем, носясь между сверкающими лаком и хромом авто. И не дай Бог родители взяли с собой фотоаппарат, минимум по два три снимка с каждой машиной вынь, да положь. Да и взрослые не могли остаться равнодушными, например, при ви-

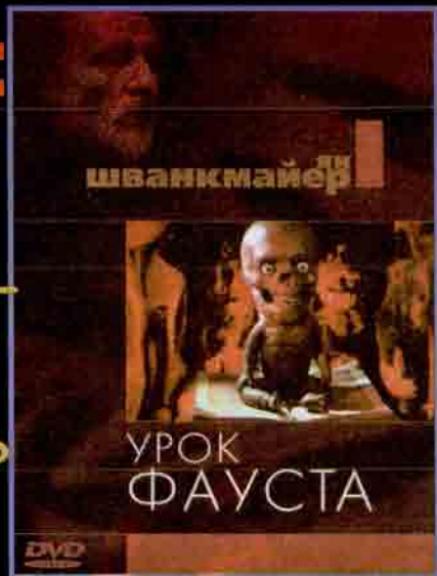
де шестиметрового "американца", блестящего на солнце всеми своими деталями, из динамиков которого неслись бессмертные Битлз. Мастодонт, ископаемое из той счастливой эпохи, когда бензин стоил дешевле питьевой воды, когда Элвис был жив, а железный занавес делал Америку красивой и недоступной... олицетворением сказки о красивой жизни.

Недостатка в зрителях не будет наблюдаваться и в дальнейшем, потому как сейчас мероприятия, связанные с показом раритетных авто всё более и более приобретают характер шоу. И живая музыка, и конкурсы, шутки, песни, пляски, и на машине за умеренную плату прокатят, а под занавес и концерт устроят, и дефиле с показом мод. Красивая музыка, красивые люди, красивые машины — красивая жизнь... Как сказал один писатель устами одного из своих героев, хороший авто-

мобиль — это не просто хороший автомобиль — это бальзам на душу, это друг и дорогое украшение человека, а не просто средство передвижения.

Так что, если в вашем дворе живет мужичок, который целыми днями пропадает в гараже, всю зарплату убивает на поиск деталей к полуразвалившемуся FORD V8, однажды найденному на помойке, не смейтесь над ним, не теребите его душу, говоря, что зачем всё это, ведь документы на машину ГАИ всё равно не выдаст. Не надо. Однажды он доделает свой артефакт и прохватит с ветерком по двору, на зависть соседям, и купит этот злосчастный ПТС, а потом будет выезжать раза три в год себя показывать...

Так что, может, не стоит выбрасывать на помойку дедову "копейку" 72 года выпуска, может, лет через 30 и она станет автораритетом?

УРОК ФАУСТА фэнтэзи с элементами анимации

Режиссеры Ян Шванкмайер, Эрнст Гесснер. В ролях: Петр Чепек, Ян Краус, Владимир Кудла. Чехословакия, 1994 г., 97 мин.

В этой философской притче знаменитого чешского мультипликатора Яна Шванкмайера история Фауста, продавшего душу дьяволу, предстает в новом прочтении. Скомбинировав игру живых актеров, гигантских марионеток и анимацию, он создал невообразимую сюрреалистическую смесь гиперреализма, которая повергнет в шок неискушенного зрителя, но будет любопытна киноману. Блуждая вместе с героем ленты по узким улочкам Праги, вы забредете на заброшенный чердак, где наткнетесь на старинный кукольный театр и бесценное произведение Гете. И когда герой примерит костюм Фауста, невинная забава превратится в реальность...

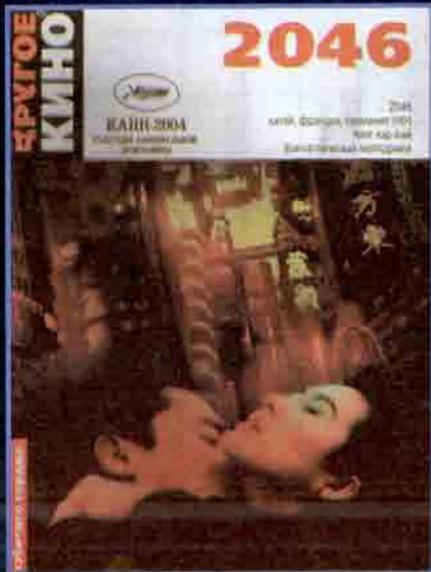

ЛЮБОВНАЯ ЛИХОРАДКА романтическая комедия

Режиссер Шейни Гейбл. В ролях: Джон Траволта, Скарлетт Йоханссон ("Трудности перевода"), Гэбриэл Макт ("Рекрут"), Дебора Кара Ангер ("Игра"). США, 2004 г., 119 мин.

Звезда Голливуда Джон Траволта — долгожданный гость на российских экранах. Настоящий мачо — мужественный, пластичный, великолепно танцующий и играющий на гитаре, к тому же и поющий. Только вот с недавних пор стареющий, но и седина ему к лицу! Фильм снят по роману Рональда Эверетта Капса — знакома нравов Нового Орлеана и человеческих страстей. ...После многолетнего отсутствия Перси возвращается, чтобы унаследовать после смерти матери дом. Там она натыкается на двух незнакомых мужчин, убеждающих ее в том, что именно они — хозяева заброшенной и полуразвалившейся халупы. Всем троим больше некуда идти, им приходится учиться жить под одной крышей. И пусть

это нелегко, но все же лучше, чем коротать время в одиночестве...

2046 фантастическая мелодрама

Автор сценария и режиссер Вонг Кар-Вай ("Любовное настроение") В ролях: Тони Лионг Чиу Вай, Гун Ли, Такуя Кимура, Фэй Вонг, Чжан Цзыи, Карина Лай. Гонконг-Франция, 2004 г., 123 мин.

Этот фильм, как хорошую книгу, захочется "прочесть" еще не раз. Невообразимое в обычном понимании, это кино — что-то среднее между фильмом-сновидением и фильмом-иллюзией: поэтическое, безумно красивое действие, утонченное, страстное... 2046 — номер в отеле, номер поезда, год, название романа. Потеряв ту, которую так любил, журналист в мечтах стремится вернуться в утраченное прошлое, которое, по мнению режиссера, позабыть также нелегко, как расстаться с драгоценными воспоминаниями.

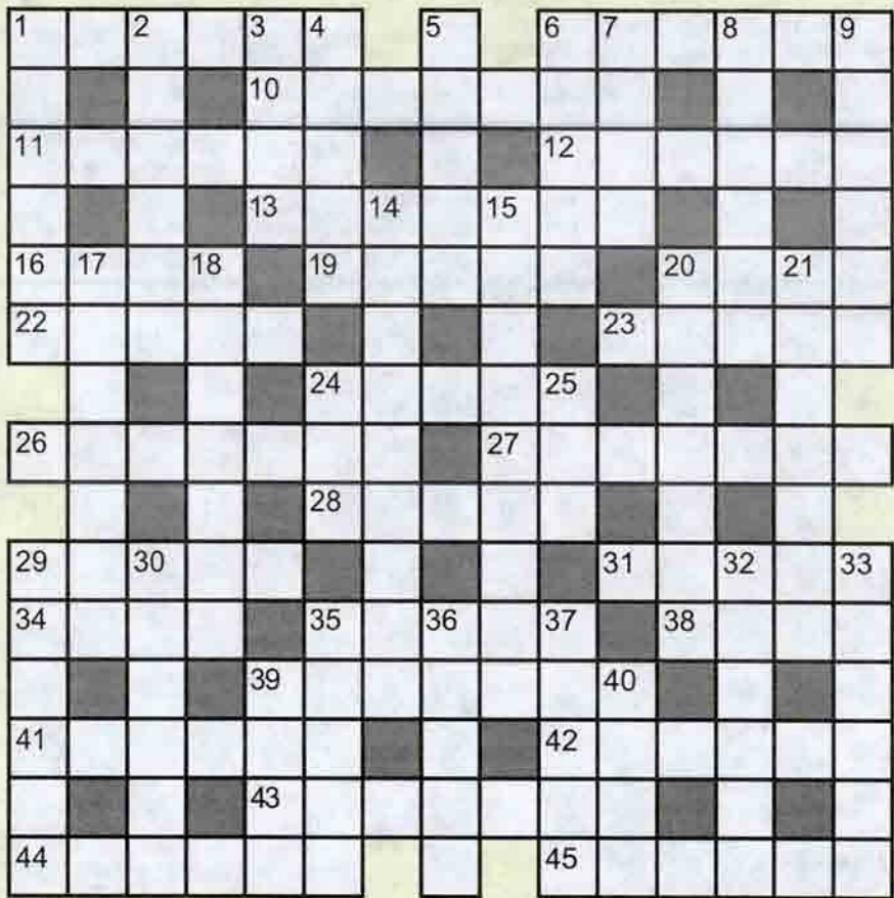

СЕДЬМОЙ СПУТНИК драма

Режиссеры: Алексей Герман, Григорий Аронов. В ролях: Андрей Попов, Александр Анисимов, Георгий Штиль, Петр Чернов, Владимир Осенев, Георгий Юматов, Алексей Баталов. Ленфильм, 1967 г., 95 мин.

"Седьмой спутник", поставленный по одноименной повести Бориса Лавренева, не только заново откроет великих актеров, но и с головой погрузит в германовскую достоверность, раздвигающую рамки экранного пространства. Вы словно окажетесь в тех буйных, кровавых временах, когда переписывалась история великой державы, и ломались судьбы ее достойных сынов. Полная драматизма жизнь генерала царской армии, профессора Адамова в блестящем исполнении Андрея Попова, поможет лучше разобраться в нашей истории. Арестованный новой властью, но вскоре реабилитированный, он отдает все силы служению революции...

Видеогид Наталья ТЕНДОРА.

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Отпечаток, оттиск, станковая гравюра. 6. Французский физик и химик, изобретший катетометр. 10. Логический свод сочинений Аристотеля. 11. Старый Свет, где многие так и рвутся в новые поданные США. 12. Самоцвет, чей сорт империал ценится наравне с изумрудом. 13. Одно из русских названий вздорного, драчливого человека. 16. Квадрат, у которого крыша поехала. 19. Город в Азербайджане, известный бормотухой. 20. Дерево, чьи листья стали первой бильской одеждой. 22. Реплика актера для публики. 23. Змея, связанная в африканских мифах с водной стихией. 24. "Основная магия" речи, по М. Цветаевой, как бы равная ритму ("Кедр"). 26. Итальянский писатель, "За месяц в СССР" не увидевший ничего, кроме лапши, навешанной ему на уши. 27. Специалист, способный "вынуть" кашу изо рта. 28. Электронная лампа, изобретенная Л. де Ферестом. 29. Сахарные кусочки. 31. Фольклорный магнит для бегущего зверя. 34. Грибы всмят-

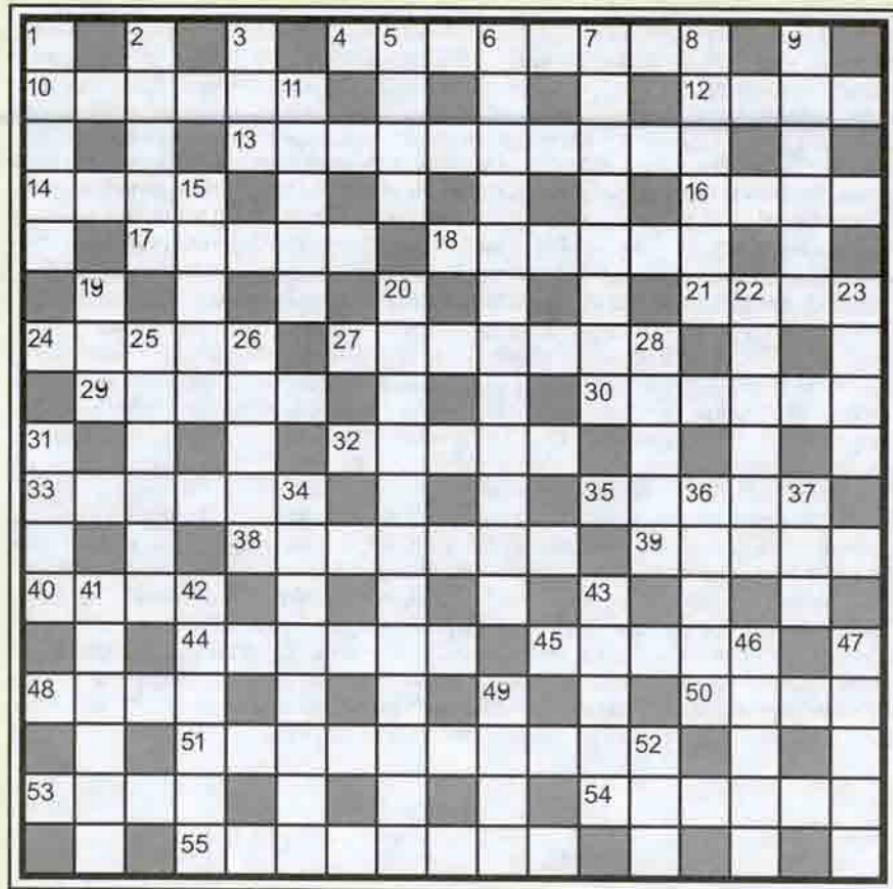
ку. 35. В песне "Тамара" на слова М. Лермонтова (в старинной башне) "странные, дикие ... всю ночь раздавалися там". 38. Пики игровые. 39. Типографский шрифт мельче нонпарели. 41. Наглость без предела. 42. Южная ... — штат США, где в городе Су-Фолс в отелях кровати супругов, по закону, не могут стоять ближе 60 сантиметров друг от друга. 43. Советский гимнаст, чемпион Олимпийских игр 1952 и 1956 годов. 44. В широко раскрытый деньги не попадут. 45. Первая жена Семена Дежнева Абакаяда Сичю по национальности.

По вертикали. 1. Лекарственное, хотя и весьма ядовитое растение. 2. Институт по вышению квалификации преступников. 3. Собака, которая, согласно рекламе, "ест все, любит детей". 4. Документ, не избавляющий водителя от взяток автоинспекторам. 5. Первый человек, названный (во Франции, причем еще при жизни) "рыцарем без страха и упрека". 6. Действие борца, заставляющее противника из положения на боку или на мосту коснуться лопатками ковра. 7. Добрый молодец в сербском фольклоре. 8. Минерал, руда урана. 9. Богдан Хмельницкий как руководитель. 14. Певица, которая, по М. Задорнову, "однажды пришла в себя, а там никого нет". 15. "Наподушник". 17. "Партийный" торговец. 18. Итальянская балерина, первая исполнительница партии Авроры в балете П. Чайковского "Спящая красавица". 20. Русский художник-авангардист, работавший по "принципу сделанности"; как он говорил, у него "из атомов слагалось целое". 21. Ковер-картина. 24. Святой, чьей "пляской" названа хорея. 25. Быстрый, малый, пеший, шахматный. 29. Клоп, вредящий сельхозкультурам. 30. Монах в повести Н. Лескова "Овцебык", один из тех, кто считает ее героя, Богословского, чудаком ("блаженным"). 32. Титул героя трехтомного романа А. Дюма из мушкетерской серии. 33. Протез мысли. 35. Одежда, которую до конца жизни носил С.Т. Аксаков. 36. Лодка из анекдота про чукчу, везущего жену в больницу рожать (она сидит на веслах). 37. Страна, откуда в Англию привезли напиток из пяти ("панча") ингредиентов — пунш. 39. Место работы в выходные дни. 40. Бульдозер в рыцарских доспехах.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали. 1. Рычаг. 6. Жучка. 9. ...Лорен. 11. Коган. 12. Улица. 13. Игрек. 14. Зевок. 15. Принц. 16. Дрова. 19. Ампир. 22. Тараканов. 27. Южанка. 28. Интима. 29. Лисаковск. 30. Мерка. 31. Театр. 32. Луис. 33. Клио. 34. Шасси. 37. Рубин. 40. Халкидики. 41. Стенли. 42. Никель. 43. Невринома. 48. Индия. 51. Басма. 54. Гоист. 55. Центр. 56. Панно. 57. "Устои". 58. Данко. 59. Экран. 60. Дрофа. 61. Икона.

По вертикали. 1. Раунд. 2. Чтиво. 3. Глаза. 4. Правда. 5. Огниво. 6. Жница. 7. Череп. 8. Анкер. 10. Никса. 11. Кепка. 17. Режим. 18. Венгр. 20. Матка. 21. Измор. 22. Талалихин. 23. Ростислав. 24. Кокс. 25. "Новеллино". 26. Викторина. 34. Шатун. 35. Санки. 36. Фили. 38. Буква. 39. Налим. 44. Ехидна. 45. Ретро. 46. Нэцкэ. 47. Манера. 48. Испод. 49. Данию. 50. ...ягода. 51. Бруни. 52. Ситро. 53. Арина.

Э Р У Д И Т

По горизонтали. 4. Озеро, на берегу которого сохранилось святилище Бесов Нос. 10. Жирная баня для пончиков. 12. Человек заливающий. 13. Наука о праздниках. 14. Район России, где, по мнению ученых, сделали первый самовар. 16. Судьба, постигшая банк, где плакали ваши денежки. 17. Французский писатель, как врач приписывавший пациентам смех и выпивку. 18. "Плоть богов" в Древнем Египте. 21. Движитель, заимствованный у кленовых семян. 24. Барс, какой скоро будет встречаться реже снежного человека. 27. Первый, кого, кроме "него", упомянул А. Пушкин в "Медном всаднике". 29. Имя Винна, англичанина, создавшего первый кроссворд. 30. Одна из двух столиц на реке Нигер. 32. Любимое изделие Людовика XVI на слесарном поприще. 33. Красавица одесситка, ходившая в мужской шляпе и заставившая А. Пушкина пережить самые жестокие муки ревности. 35. Съемная юбка джеркина — одежды англичанина в средние века. 38. Жительница города,

где Н. Гоголь учился в гимназии. 39. Коллегия в Древнем Риме из 12 жрецов Марса и 12 — Квирина, плясавших на ежегодных празднествах в честь Марса. 40. Минерал, "брать" кварца и "враг" каменной соли. 44. Болотное яблоко тропической Америки и Экваториальной Африки. 45. Орех, который, по арабской пословице, не вырастет без звуков морских волн. 48. Рыболовная организация на севере Руси, когда хозяин покупал за обусловленную сумму половину будущего улова, а вторую половину он же покупал по весу. 50. Потеря Нельсона у острова Тенерифе. 51. Государственное устройство, при котором народ выбирает власть и она тут же о нем забывает. 53. "Парад ..." — приглашение на арену цирковых борцов. 54. Немецкий экзистенциалист, считавший, что философия — не наука, а способ мышления. 55. Южноамериканский зверь, втягивающий, питаясь, язык в рот до 160 раз в минуту.

По вертикали. 1. Известный немецкий католический богослов, участвовавший в диспуте с Меланхтоном. 2. Итальянская водка из артишоков. 3. Столица Вьетнама в XIX веке. 5. Мысль, красным цветом прошивающая текст. 6. Одно из русских названий куриной слепоты, козельца, калужницы (не белой). 7. Фамильное имя у древних римлян (стояло после имени собственного и имени рода). 8. Советский химик, плодотворно изучавший женщины. 9. Постимпрессионист, называвший К. Моне "только глазом". 11. 88 клавиш. 15. Напиток № 17 на столе Ионыча в рассказе А. Чехова. 19. Сколько веков, сколько зим! 20. Поэт, изображенный в рассказе М. Цветаевой "Чудо с лошадьми" как Барбаросса ("так звали братцев-пиратов", ни к селу, ни к городу комментирует это слово "мудрец" издательства Эллис Лак в 9-томнике поэтессы). 22. Шах Ирана, полководец и поэт; основатель династии Сефевидов. 23. Художественная галерея в Лондоне, названная по промышленнику, чье собрание картин стало ее основой. 25. Человек, постоянно бубнящий, что ему плохо. 26. Французский художник из литовских евреев, испытавший сильное влияние Модильяни и Шагала. 28. Одесский смак. 31. Мели кривая: ... на полке (присказка, поощрявшая занятное, удачное вранье). 34. То жутко коварный, то добрый персонаж в сказочных произведениях А. Пушкина. 36. Горячность на пустом месте, особенно в юности. 37. Предчувствие, заключенное в сердце фараона. 41. Парижский учитель скульптора Ф. Шубина. 42. Велосипед на четыре ноги. 43. Каждое из руководств (в мире), благодаря которым не погиб от большевистской чумы храм Петра и Павла в Петергофе. 46. Мучное начало пути сказочного колобка. 47. Стихотворение на китайском языке, какое в XIX веке мог сочинить чуть ли не каждый образованный японец. 49. Знаменитый французский хирург, говоривший: "Я перевязывал, лечил — Господь". 52. Мини-брикеты китайского черного чая. ■

ОТВЕТЫ НА ЭРУДИТ, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали. 4. Bartolomeo. 10. Щеняев. 12. Деятельность. 13. Аншеф. 15. Жуковский. 16. Гизо. 20. Ставня. 22. Малахит. 23. Кутас. 25. Диоптр. 26. Навага. 27. Геном. 28. Уборная. 29. Истома. 33. Кайс. 34. Итальянец. 38. Рифей. 39. Антокольский. 41. Чонгури. 42. Хронология.

По вертикали. 1. Зерно. 2. Мятеж. 3. Шед. 5. Артист. 6. Тулсиадас. 7. Лень. 8. Мистификатор. 9. Ольхон. 11. Венок. 14. Фурнитура. 17. Ёсида. 18. Самоубийство. 19. Фланстер. 21. Сулея. 22. Масон. 24. "Базар". 27. Гастелло. 30. Экзарх. 31. Плесси. 32. Вячич. 35. Цинга. 36. Георт. 37. Якко. 40. Йод.

Лариса Рубальская

Песни Ларисы Рубальской известны каждому из нас, независимо от возраста: "Напрасные слова", "Странная женщина", "Плесните колдовства..." Ее песни исполняют самые известные и популярные певцы — от Аллы Пугачевой до Александра Малинина.

О Ларисе Рубальской известно многое: и то, что она знает японский язык, и то, что ее левая ладонь приносит удачу, если, конечно, Лариса Алексеевна разрешит вам подержаться за нее, и то, что любимое место в Москве у поэтессы — Кутузовский проспект. Однако новая книга Рубальской удивила даже самых давних поклонников Ларисы. "Кулинарная стихия, или стихийная кулинария" — сборник не только стихотворений и историй Рубальской, но и ее любимых рецептов.

— Вас знают как поэтессу и создательницу песенных шлягеров. Чем обусловлено появление кулинарной книги?

— Это, собственно, даже не моя идея. Мои редакторы в "Эксмо" как-то в шутку предложили, а я задумалась. Почему нет? Я часто бываю на кулинарных передачах и вообще очень люблю готовить... Чуть позже оформилась сама идея книги — соединить все, что я умею под одной обложкой — и рецепты, и стихи. И вот результат этой шутки — перед вами.

— Часто ли вы балуете домашним едой собственного приготовления?

— Постоянно. Как любая женщина, я готовлю каждый день. А как же иначе? Кто, если не я?

— Как у вас на все хватает времени?

— Очень просто. Для меня готовка — это не обязанность, не труд. Это удовольствие. Я отдыхаю, когда готовлю. К тому же не стоит думать, что я каждый день балую семью сложными блюдами. Вовсе нет.

— Как вы относитесь к японской кухне?

— Довольно спокойно. Сейчас повальное увлечение японской кухней — отчасти дань моде. Было время, когда мои друзья привозили мне все нужные ингредиенты для этого священнодействия, был какой-то ажиотаж, что ли. А сейчас абсолютно равнодушна.

— Кухни каких стран вам нравятся?

— Я люблю русскую кухню, еврейскую, узбекскую. Пожалуй, добавлю к этому списку еще китайскую, но с оговоркой: только в Китае. Если говорить о конкретных блюдах, то это будет плов, фаршированная рыба и чебуреки.

— В какой роли вы чувствуете себя наиболее комфортно: поэт, переводчик, поэт-песенник или, может быть, кулинар?

— Во всех ипостасях. Если я что-то умею, то умею хорошо. Если уж не умею — то так, что вообще никакой надежды.

— Успех пришел к вам довольно поздно. Вам не бывает жалко того, что так много времени ваше имя было никому не известно? Или в этом, наоборот, есть своя прелест?

— Ну и что, что поздно. Главное, что он все-таки пришел. Я благодарна жизни за то, что это все-таки случилось. Хотя не было бы этого успеха — было бы что-то другое. И кто знает, что лучше?

— Насколько трудно вам, единственному поэту-песеннику-женщине выдерживать конкуренцию с мужчинами? Как относятся к вам коллеги?

— Почему это я должна бояться конкуренции? Это они должны волноваться. Их много, а я одна. Не могу сказать, что я чувствую эту конкуренцию. Живу себе потихонечку, работаю. У меня нет ощущения, что нужно кого-то обогнать, обсказать. Зачем? Главное, что все время есть работа, все время есть, что делать... И кроме того, у меня со всеми очень хорошие, очень теплые отношения. Если мне в чем-то везло в жизни — то это с людьми. А им со мной.

— Многие артисты, исполняющие песни на ваши стихи, давно стали вашими друзьями. Дружба "звезд" похожа на дружбу обычных людей или есть свои нюансы?

— Давайте определимся с терминами. Не друзьями. Приятелями. Мы при встрече целуемся, обмениваемся фразами. Если мне что-то потребуется, я могу им позвонить. Но сказать, что у нас особо близкие теплые отношения, пожалуй, нельзя. Моими друзьями стали многие композиторы. Я вообще очень нежно отношусь к людям этой профессии. А так как последнее время для нашей семьи было достаточно сложным, я еще раз убедилась, насколько те, кого я называю своими друзьями, достойные люди.

— В одном из интервью вы сказали, что любите женскую прозу: Толстую, Полякову, Улицкую... Что именно вам импонирует в женской литературе, и имеет ли смысл вообще разделять мужскую и женскую литературу?

— Мне нравится женская проза своеобразным образом мысли. Если я читаю, допустим, Токареву, я вижу описание каких-то ситуаций, которые встречались в моей жизни. И я внимательно смотрю, как решает их геройня книги. Дело в том, что я умею писать стихи, но вот разбираться со сложностями у меня получается куда хуже. Иногда приходится использовать подсказки из книг...

— Так ведь давно известно, что "жить по книгам — только портить кровь"...

— Я всю жизнь прожила по книгам. И вполне неплохо себя чувствую. К тому же не надо считать, что я просто слепо копирую поступки героев. Безусловно, я думаю о том, что делаю. Как-то пожаловалась Токаревой на то, что вот, мол, наступил такой сложный возраст, мне грустно. Вика рассмеялась: "Не волнуйся. У тебя просто тормозной путь молодости".

— Вы чего-нибудь боитесь?

— Я боюсь птиц. Очень не люблю ни их изображения — где бы то ни было, ни их самих. Может, когда-то в прошлой жизни я была червяком, и такая вот пернатая меня склевала. А так... мои страхи мало чем отличаются от страхов других обычных людей: одиночество, потеря близких — это, пожалуй, основное.

— Когда можно ждать вашу новую книгу?

— Поскольку "Кулинарная стихия" только вышла, у меня еще есть время подумать. Я думаю, что это будет сборник историй из моей жизни. К тому же 24-го сентября у меня будет большой юбилейный вечер в "России", в котором примут участие многие звезды. Вроде кажется, что времени еще много, но на самом деле — оно пролетит очень быстро. Так что, когда я успею все сделать — пока неизвестно.

Лариса Рубальская

